

НОВОЕ ВРЕМЯ

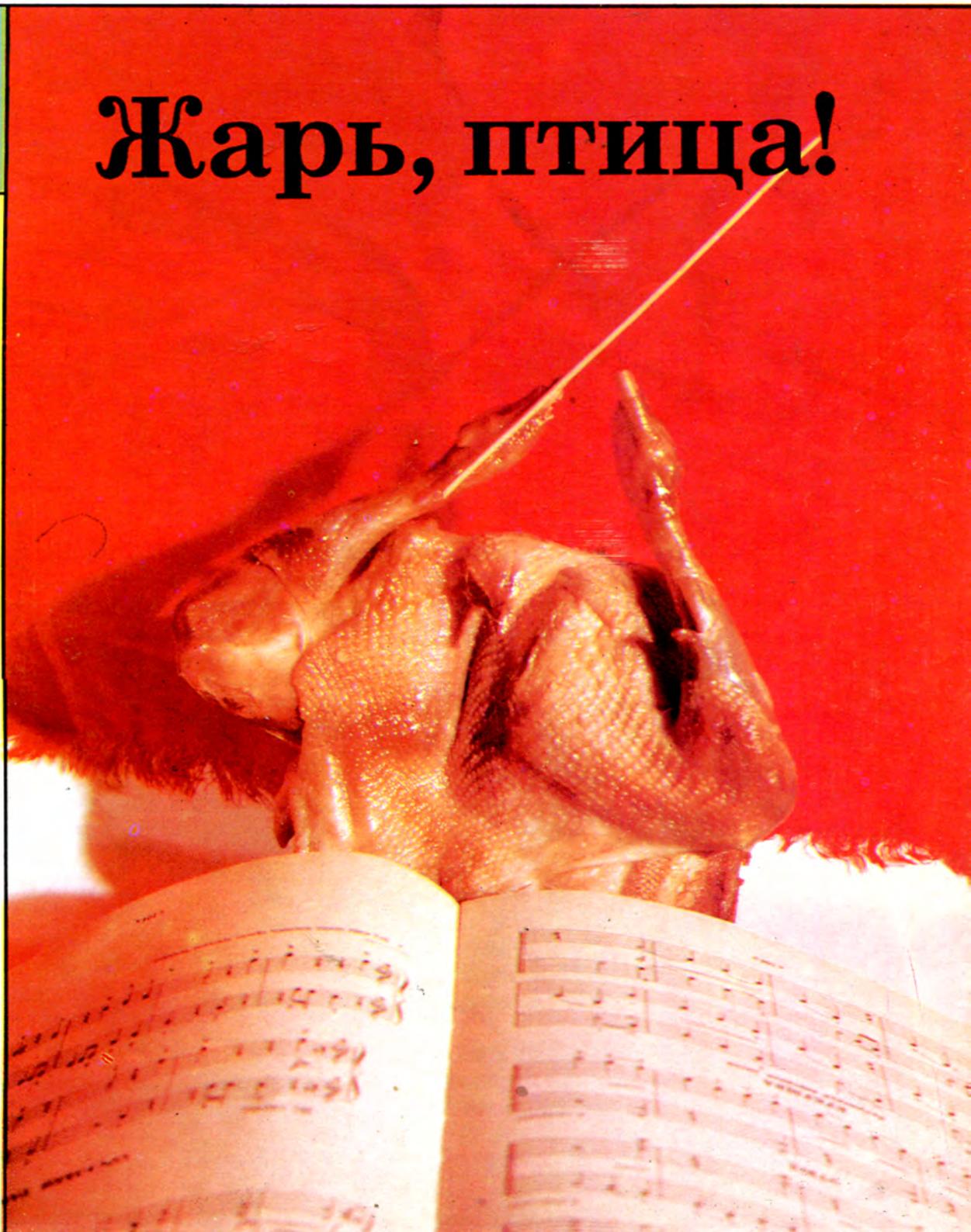
Объект
«Перикл»
для бани КГБ
доставлен

43

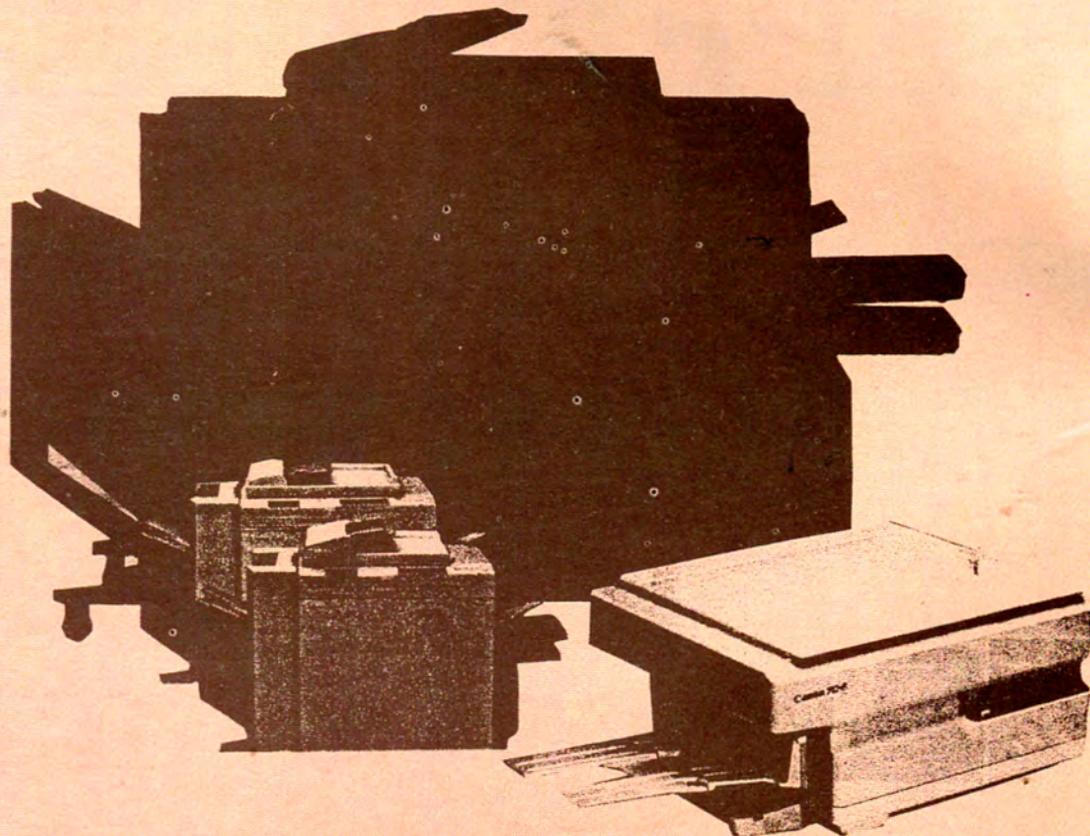
октябрь 1992

Жарь, птица!

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ В РОССИИ!

МП «ТИМ», Москва, совместно с фирмой «NORIS Consulting GmbH», Гамбург, проводит распродажу восстановленных специализированной японской фирмой копировальных аппаратов фирмы «CANON» А3 формата:

**«CANON NP-150» – 200 000 рублей;
«CANON NP-150Z» – 220 000 рублей;**

Двухцветные:

**«CANON NP-3025» – 320 000 рублей;
«CANON NP-3225» – 325 000 рублей;
«CANON NP-3525» – 350 000 рублей;
«CANON NP-3725» – 360 000 рублей.**

Все ксероксы в отличном внешнем и рабочем состоянии.

Все копировальные аппараты находятся на складе МП «ТИМ» в г. Москве и выдаются Покупателю после поступления денег на счет МП «ТИМ».

Срок гарантии – 12 месяцев с даты продажи.

По заказу Покупателя копировальные аппараты обеспечиваются расходным материалом по минимальным ценам.

Оптовым покупателям предоставляется скидка.

*Дополнительная информация по телефонам:
(095) 431-18-35,
432-92-60.*

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ *Д. Тренин, М. Натальенко***НАША СТРАНА МОЖЕТ И ДОЛЖНА СТАТЬ МОРСКОЙ СУПЕРДЕРЖАВОЙ** 4ТАДЖИКИСТАН *А. Дубнов* «ПРОДАМ БТР, КУПЛЮ ДОМ В РОССИИ» 8СКАНДАЛ *Л. Елин, Л. Безыменский* ТРОЕ С ПАКЕТОМ В КРЕМЛЕ 12ГРУЗИЯ *Л. Млечин* ОХОТА НА ПОЛУТОРАГЛАЗОГО СТРЕЛЬЦА 16ЛИТВА *В. Басков* Г-ЖА ДЕПУТАТША 18ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ *Ю. Фурманов* НЕ ХОЧЕШЬ – ЗАСТАВИМ 21**МИР**

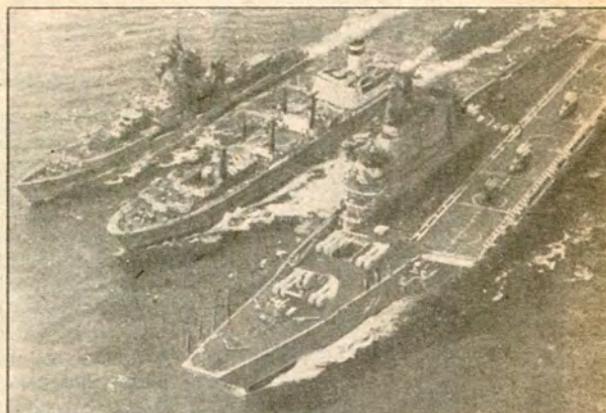
ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Э. Хиггинс КИТАЙ ЗАВТРА – ЭТО СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЕГОДНЯ? 22ЮЖНАЯ АЗИЯ *Я. Боровой* О БЕДНОМ КАШМИРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО 24ЧЕХО-СЛОВАКИЯ *И. Руденко* ТАК КТО ЗА УТОПИЮ? 27

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К. Исаков СМЕРТЕЛЬНЫЙ КОНКУР У БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ 28ФИНЛЯНДИЯ–РОССИЯ *Е. Каменская* РОЗЫ И РОЗГИ 31**ТРЕТЬЯ КОРЗИНА**СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ *Л. Елин, М. Любимов* «ПЕРИКЛЫ» ДЛЯ БАНИ КГБ 34ЛИТЕРАТУРА *Ю. Гусев* КРАСНАЯ МАГИЯ И КРАСНАЯ ГЛАЗУРЬ 37РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ *Дж. Дос Пассос* КОГДА ОБЩЕСТВО МЕНЯЕТСЯ 40МЛАДШИЙ МИР *С. Соловейчик* ПРОЩАНИЕ С ПОЛИТИКОЙ 43ПОЛЬША *Р. Борецкий* ТАК КТО ЖЕ ОН, ПОЛКОВНИК КУКЛИНСКИЙ? 46ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА *Т. Иванова* «ОНИ» НАГЛЕЮТ. А «МЫ» ГЛУПЕЕМ? 48

ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)

России нужны не танки, а новые корабли и военно-морские базы Стр.4

Когда Борис Ельцин узнал о документах по Катыни и почему так долго молчал Михаил Горбачев? Стр.12

Теща – в багажнике, невеста – под сиденьем и, прощай, ГДР!

Стр.28

Главный редактор

Александр
ПУМПЯНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д.7.

Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №4457.

Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.

© «Новое время»

ПОЧТА

**Коллективу редакции
газеты «Московский комсомолец»**

*Дорогие коллеги!
Журналисты «Нового времени» выражают вам
свою солидарность и поддержку. Так же, как и
вы, мы глубоко обеспокоены все более частыми
попытками ограничить свободу прессы, при-
менением насилия против журналистов, той
безнаказанностью, которой пользуются фа-
шистские группы.*

*В этой ситуации российские журналисты
должны продемонстрировать единство и го-
товность совместно бороться со всеми анти-
демократическими и националистическими
тенденциями.*

Журналисты еженедельника «Новое время»

■ Когда говорят о кон-
фликте вокруг Приднестро-
вья, часто упоминают, что
эта территория не входила в
состав исторической Молдо-
вы, или Бессарабии, и была
волевым путем включена во
вновь созданную Молдав-
скую ССР. На этом основа-
нии, как известно, многие

требуют отделить левобе-
режье Днестра от Молдовы.
Но почти никогда не вспоми-
нают, что южная часть Бес-
сарабии, взятая обратно у
Румынии в 1940 году, была
почему-то включена в сос-
тав не Молдавии, а Украи-
ны (так же, как и Северная
Буковина).

Только ли в национальном
составе населения тут дело?
Или это дальний прицел по-
литики товарища Сталина,
который, наверно, сегодня в
гробу усмехается в усы? Как
бы то ни было, но здесь
кроется не только дополни-
тельный источник напряжен-
ности, но и возможность ком-
промисса. А именно: возмож-
ность территориального об-
мена между Молдовой и
Украиной, в результате ко-
торого Молдова возвра-
щается в границы прежней
Бессарабии, а Левобережье
входит в состав Украины на
правах автономии или субъ-
екта федерации. Разумеет-
ся, для этого требуется
«всего лишь» согласие обеих
республик. Но чем длитель-
ные переговоры хуже крат-
ковременной войны? Тем бо-
лее что война грозит стать
перманентной.

Г. Кузнецов
Альметьевск, Татарстан

Уголовное дело № 5675 прекратить?

■ Письмо, которое прислала нам наша чита-
тельница из Семипалатинска Нина Алексеевна
Каратеева, читать страшно. Еще страшнее смо-
треть на фотографию, приложенную к письму,
– последний снимок ее 25-летнего сына Олега
Брусиловского.

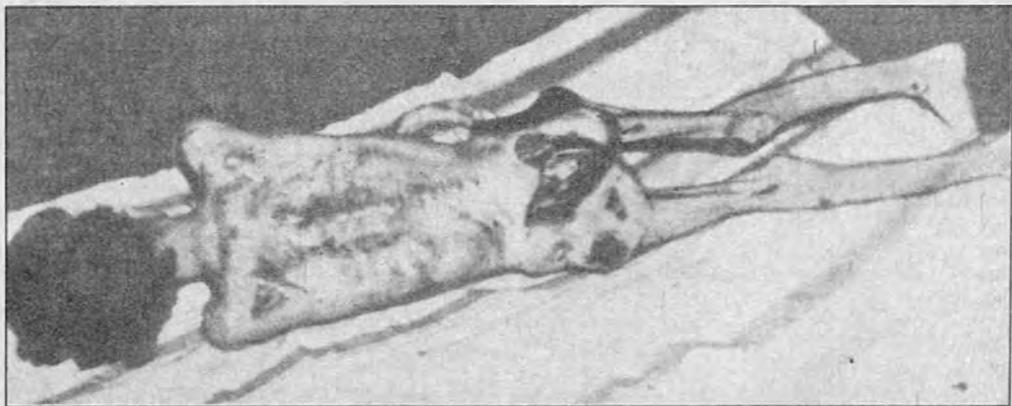
Фотографию матери любезно переслала
следователь Т.А. Власова из прокуратуры Куй-
бышевского района Москвы – на память о сы-
не, который при странных обстоятельствах
умер в спецбольнице следственного изоля-
тора Главного управления внутренних дел Мос-
квы.

Взглянув на фотографию, несчастная мать
написала письмо генеральному прокурору с
просьбой расследовать обстоятельства смерти
сына. Письмо переслали в прокуратуру Куй-
шевского района, в котором расположен след-
ственный изолятор.

Следователь Т.А. Власова отстучала на слу-
жебном бланке короткое письмо матери:
«Ваше заявление получено, рассмотрено и
приобщено к уголовному делу. О результатах
расследования вам будет сообщено». Письмо
датировано 31 июля. Это была пятница.
А 3 августа, в понедельник, следователь
Т.А. Власова на таком же бланке напечатала
другое письмо: «Сообщаю, что уголовное
дело № 5675 по факту смерти Брусиловского
О.И. в спецбольнице СИЗО-1 ПРЕКРАЩЕНО
в связи с отсутствием в дежнии врачей спец-
больницы СИЗО-1 и медчасти СИЗО-2 со-
става преступления».

Как-то странно в пятницу обещать матери
расследовать причины смерти ее сына, а в по-
недельник сообщать, что расследование уже
закончено.

Неужели блиц-расследование неумолимая

25-летний сын нашей читательницы умер в следственном изоляторе от голода. Его по-смертную фотографию мать переслала в «Новое время». Таких фотографий в редакции еще не видели. И писем таких не читали...

■ Получаю журнал и сразу же ищу статьи Татьяны Ивановой. Если их нет, номер в моих глазах очень многое теряет. Мне нравится ее стиль — острый, критичный, ироничный. Нравится ее оптимизм, поддерживающий дух в разбитом и больном теле нашего общества. Особенно хорошо разделяется Татьяна Иванова с красно-коричневыми — с этими анпиловыми, бабуриными, жири-

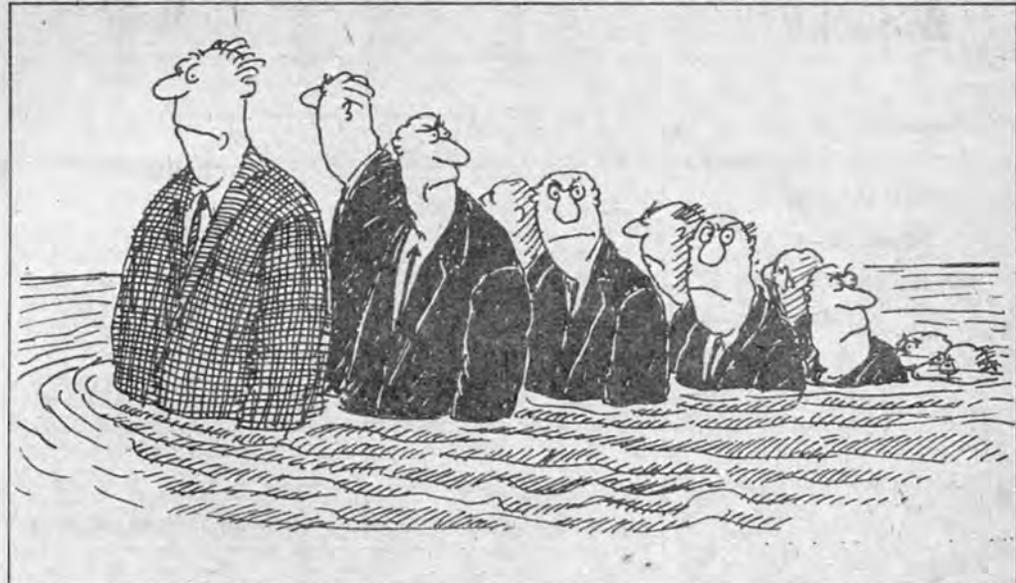

Рисунок Александра Зудина

новскими, стерлиговыми. Вот уж она им дает, с венчиком, как в русской бане! Но ода о Борисе Олейнике просто потрясающая! Я долго думала о нем, но Иванова

написала так, что я готова подписаться под каждым словом!

Гаянэ Борсух,
доцент Тернопольского
мединститута

■ Меня чрезвычайно заинтересовала концовка статьи «Будешь плохо учиться — станешь оленеводом» (№ 36/92). Что это? Оплосность редакторов или информация о жутком эксперименте над детьми в Тюменской области? Как реагировать на эту информацию? Призвать российскую прокуратуру заняться этим делом?

Почему мальчик за три года своей жизни не видел обычной мухи даже на картинке? Потому что в Тюмени мух нет вообще или потому что он всю свою недолгую жизнь находился в специзоляторе, где окна и двери оснащены мухонепроницаемыми фильтрами?

Если мальчик зрячий и умственно нормальный, почему ему не показывали иллюстрации к сказкам Чуковского? И почему в детских домах нет даже самых простых игрушек? Неужели детские учреждения не контролируются никакими службами?! Если детям не читают книг и не показывают картинок, — это не детский сад, а страшная экспериментальная лаборатория!

О.Ильин
Ростов-на-Дону

Подборку
подготовила
Т. Чернова

Т.А. Власова провела в уик-энд, пожертвовав ради дела субботой и воскресеньем? Но, похоже, это одно письмо, только в двух частях.

По правилам сначала полагается сообщить, что расследование будет проведено, а потом известить о результатах. Следователь инструкцию выполнила по-стахановски.

«Новое время» обратилось к прокурору Куйбышевского района с просьбой сообщить, что же произошло с О.И. Брусиловским.

Исполняющий обязанности прокурора В.А. Иванов ответил подробным письмом.

«С начала августа 1991 года Брусиловский О.И. тайно от сокамерников в течение месяца перестал принимать пищу, о чем администрации изолятора стало известно только 13 сентября, — пишет и.о. прокурора. — После этого Брусиловский был этапирован в спецбольницу учр. ИЗ-48/1. К этому времени в результате длительного голодания у Брусиловского О.И. наступили тяжелые изменения со стороны всех органов, тканей, в обмене веществ... Спасти Брусиловского не удалось, и 20 октября 1991 года он скончался от алиментарной дистрофии».

В свидетельстве о смерти указаны сепсис (заражение крови) и пневмония. Откуда взялось воспаление легких понятно — простудили. А что же было причиной заражения крови?

Тем, кто хоть сколько-нибудь знаком с отчетственной пенитенциарной системой, трудно представить себе, что администрация СИЗО даже не подозревала о том, что один из заключенных объявил «тайную» голодовку. Да разве можно что-то сделать втайне от сокамерников? Особенно если среди них есть «стукач», обо всем информирующий оперативного работника!

Судебно-медицинская экспертиза, пишет и.о. прокурора, выявила «недостатки в организации лечения больного Брусиловского О.И., за это они привлечены к строгой дисциплинарной ответственности... Однако данных за то, что допущенные просчеты врачей совершены ими в результате преступной халатности, следствием не установлено и поэтому уголовное дело прекращено за отсутствием в действиях мед. работников состава преступления».

Не станем обращать внимание на неблагополучие с родной речью у и.о. прокурора. Но почему никто не принял во внимание, что Олег Брусиловский с детства состоял на учете у психиатра, у него бывали периоды длительной депрессии, о чем администрации следственного изолятора было известно? Нужно ли было держать его в камере?

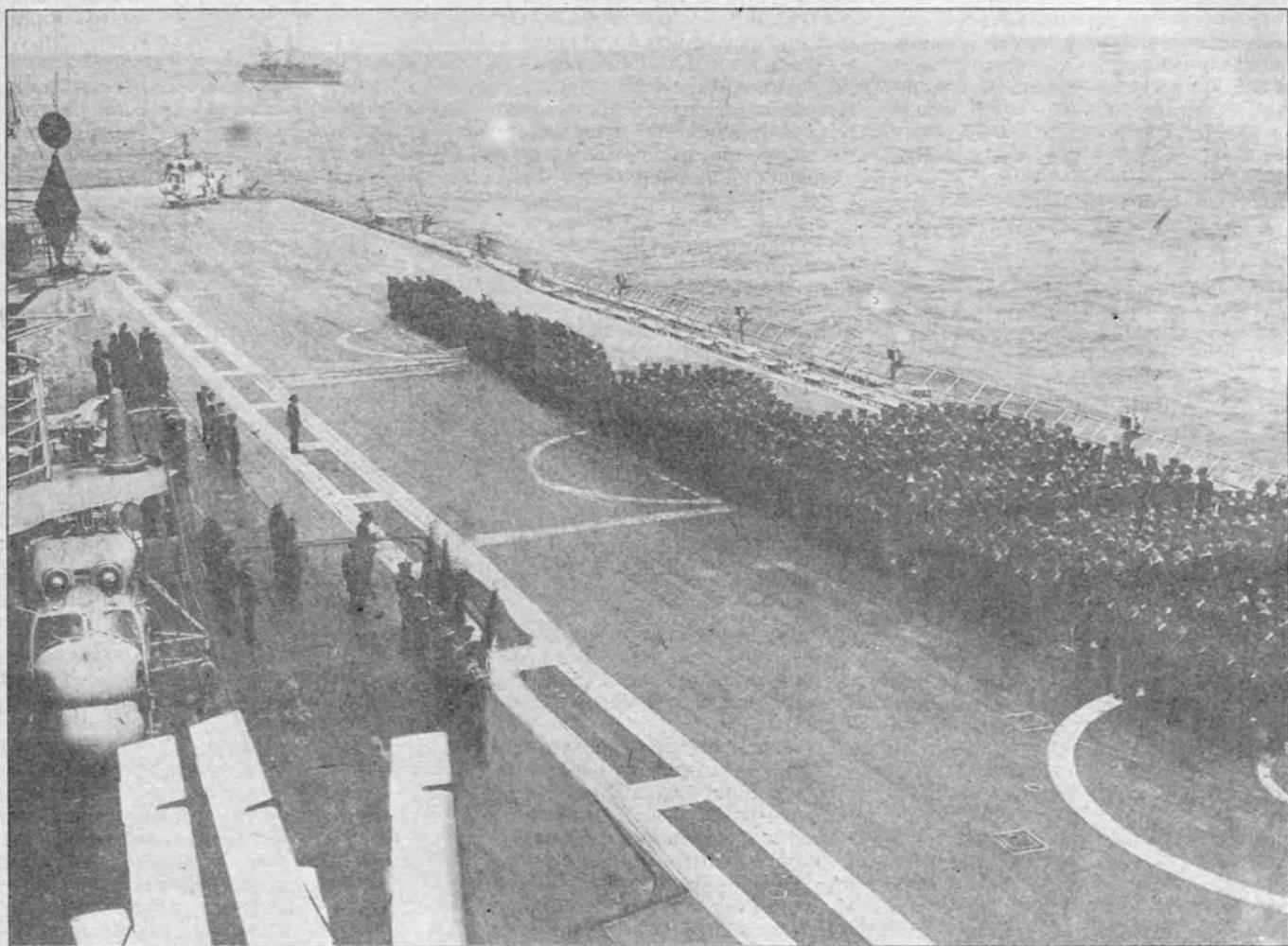
Еще только шло следствие, еще только предстояло доказать, что Брусиловский преступник...

Журналисты не могут ни судить, ни выносить приговоры. Но мы можем и обязаны привлечь внимание общественности, правоохранительных органов, депутатов к этой странной истории, закончившейся смертью.

По договоренности с членом президиума Верховного Совета России Сергеем Ковалевым мы передаем все документы в парламентский Комитет по правам человека. Нам представляется, что этот случай может послужить поводом для некоторых выводов более общего характера о положении дел в следственных изоляторах. У Олега Брусиловского было право на жизнь. Почему он его лишился, находясь под опекой правоохранительных органов?

Отдел гуманитарных проблем «НВ»

Наша страна может и должна стать морской супердержавой

**России нужны не танки, а новые
корабли и базы — в том числе в
других странах**

В английском языке есть понятие «старший вид вооруженных сил». Этот титул закреплен за королевскими военно-морскими силами. В русском военном языке подобное «звание» не предусмотрено, но при иерархическом перечислении видов вооруженных сил нашему флоту неизменно отводилось пятое, то есть последнее место. Хотя советская военная наука никогда не оперировала терминами «континентальная держава», «морская держава», в практике военного строительства реализовывался именно «континентальный вариант». Считалось, что основная угроза исходит от США и их союзников по НАТО, что главным театром войны станет Европа, поэтому решающая роль в военных действиях будет принадлежать сухопутным войскам, авиации, противовоздушной обороне (при том, что ракетные войска стратегического назначения будут способны в любых условиях нанести «неприемлемый ущерб» Соединенным Штатам).

Флоту же отводилась более скромная роль: нанести удар с помощью баллистических ракет подводных лодок, уничтожить ударные группировки ВМС противника (прежде всего его авианосцы), нарушить морские коммуникации между Америкой и Европой, прикрыть фланги приморских фронтов.

Врагу не сдается недостроенный «Варяг»

Долгое время вопросы военно-морской политики обсуждались в узком кругу флотских и армейских профессионалов. В период «поздней перестройки» общественность освоила, пожалуй, лишь одну морскую тему — авианосцы.

Критики самой дорогостоящей программы в системе вооружений ВМФ были движимы идеей радикального сокращения военных расходов. Высказывалась и другая мысль: поскольку тяга к морю (пресловутое завещание Петра Великого) постоянно вела к столкновению интересов России и западных морских держав, то отказ от морской экспансии рассматривался как необходимая предпосылка долговременного замирения с Западом.

С распадом Советского Союза внимание общественности переключилось на другой морской сюжет, весьма драматический, но имеющий лишь периферийное значение для ВМФ: проблему Черноморского флота.

Об авианосцах сейчас если и вспоминают, то лишь в связи с возможностью продажи недостроенного «Варяга» за границу. Прочие флотские дела мало кого беспокоят, так что адмиралам и офицерам предоставлена возможность самим бороться с растущими трудностями — в надежде, что их дух укрепит восстановленный Андреевский флаг.

Авторы многочисленных статей, предлагающие сейчас свои варианты концепции национальной безопасности, военной доктрины и стратегии России, скупо говорят о будущем предназначении флота. Хотя официальная концепция создания мобильных сил включает в их состав наряду с воздушно-десантными войсками также и морскую пехоту, роль ВМФ как инструмента политического воздействия по-прежнему прочерчена слабо.

На это есть свои причины. Для отечественной стратегической культуры, следующей традиции Клаузевица, характерна ориентация на боевое использование военной силы, и в меньшей степени — на ее «политическое» применение. Кроме того, строительство и содержание флота обходятся недешево, часто воспринимаются как признак стремления к экспансии, наконец, более оправданно для островных государств, а нам бы разобраться с проблемами на суше...

Флот как инструмент политики

Один из основателей школы геополитики Хэлфорд Маккиндер считал центральное положение России в Евразии чрезвычайно выгодным, предвещающим ее будущее мировое господство. Другие ученые и политики придерживаются противоположного мнения. В их представлении морские державы имеют огромное преимущество перед сухопутными.

Если встать на эту точку зрения, то придется признать, что за последние три-четыре года мы оказались отброшенными (в геополитическом отношении) на три-четыре столетия назад.

Западная российская граница сейчас проходит примерно по рубежам, установленным договорами с Польшей и Швецией в конце «смутного времени». «Окно в Европу», прорубленное Петром, сузилось почти до размеров форточки. На Черном море за Россией остался лишь северокавказский участок побережья, на Каспии — только Астрахань... Россия оказалась, таким образом, отодвинутой далеко в глубь Европейского континента, прижатой спиной к Ледовитому океану. Стоп! Иногда бывает достаточно изменить привычное положение карты, чтобы увидеть новые возможности.

Россия ушла из Центральной и

Юго-Восточной Европы? На месте европейской части бывшего СССР складывается новая Восточная Европа? Закавказье тяготеет к региону Передней Азии/Ближнего Востока, а Средняя Азия — к Среднему Востоку? Все это не столько ущемляет Россию, сколько высвобождает ей руки для внутреннего обустройства.

«Континентальность» страны усиливается? Но наиболее перспективными с точки зрения развития имеющегося потенциала регионами становятся Север, Сибирь и российский Дальний Восток, а каждый из этих регионов имеет широкий выход к морям открытого океана, и нет никаких причин настаивать, чтобы они продолжали общаться с внешним миром преимущественно через Европейскую Россию.

По данным пограничных войск, на 20 322 километра сухопутных рубежей Российской Федерации приходится 38 240 километров морских границ. Соотношение, таким образом, почти два к одному «в пользу моря».

СССР выглядел классической континентальной военной державой главным образом благодаря своей почти исключительной сосредоточенности на европейском театре. Прекращение этого противостояния радикально меняет ситуацию.

Угроза с западного направления минимальна. Ни одна из стран южного зарубежья не обладает потенциалом, который внушал бы угрозу сам по себе. Правда, не все устоялось в бывшей советско-социалистической Европе. Занявшиеся на юге пожары готовы, кажется, слиться в сплошную огненную дугу, а на востоке Россия соседствует с китайским гигантом, но... эти вызовы требуют принципиально иного, не ракетно-танкового, ответа. Новая обстановка позволяет отказаться от стратегии сплошного противостояния и перейти к стратегии мобильной обороны по всем азимутам. Но одного этого недостаточно.

В нашей стратегической триаде доминируют межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, доля дальней авиации составляет 10 процентов, доля морских стратегических ядерных сил — 30 процентов.

В соответствии с договором по стратегическим наступательным вооружениям и с договоренностью, достигнутой во время визита Ельцина в Вашингтон, грядет не просто крупное сокращение вооружений, а, по существу, коренная структурная перестройка имеющихся арсеналов. Как укрепить стратегическую стабильность, способность к ответному удару? Нам кажется, путем повышения в рамках стратегических ядерных сил России удельного веса и роли подводных ракетно-

У России появляется необходимость и возможность заново взглянуть на предназначение и роль своего флота. Флот с его ракетами, подводными и надводными кораблями, палубной и береговой авиацией, морской пехотой и войсками береговой обороны являет собой, по существу, вооруженные силы в миниатюре. Это позволяет ВМФ эффективно отстаивать и защищать весьма широкую гамму национальных интересов.

Ледокол – тот же крейсер

Не стоит забывать, что самый крупный спорный участок земной поверхности, на который претендуют Россия и иностранное государство, расположен не на суше. Москва и Осло оспаривают несколько десятков тысяч квадратных километров шельфа Баренцева моря, потенциально богатого залежами нефти и газа. Границы советских арктических владений были определены постановлением ЦИК и СНК СССР от 1926 года. Все архипелаги в их пределах по сей день признаются за Россией, но на иностранных картах (в отличие от отечественных) обычно не принято продолжать нашу границу от Колы и Чукотки до самого полюса...

По некоторым оценкам, в будущем более половины добываемой в мире нефти будет извлекаться из-под морского дна. Баренцево и Карское моря являются в этом отношении наиболее перспективными. Если государство не будет в состоянии защитить свои права в пределах исключительной экономической зоны, то его интересам будет нанесен огромный ущерб. Уже сегодня Россия терпит колоссальные убытки из-за того, что существующие типы ее пограничных кораблей, катеров и базовых патрульных самолетов не в состоянии защитить рыбные богатства в районе Курил и Сахалина от иностранных браконьеров.

После десятилетия автаркии Россия активно интегрируется в мировое хозяйство. Рано или поздно мы наладим широкий экономический обмен со многими странами, что естественным образом приведет к увеличению зависимости нашей экономики от внешней торговли. Когда это произойдет, вопросы свободы мореплавания и безопасности морских коммуникаций будут волновать нас не меньше, чем наших бывших противников на Западе. Располагая мощным ледокольным флотом, Россия до сих пор не использует в интересах международной торговли Северный морской путь – кратчайшую водную трассу между Европой и Японией. Реализуя этот «скрытый резерв», мы должны будем подумать о гарантиях безопасности его использования. Здесь у нас кое-что имеется. Не слу-

Сталин с краснофлотцами. 1931 год. Великий вожь считал, что Советскому Союзу нужна большая армия, а флот должен играть вспомогательную роль

Хрущев сократил армию, но при нем появился советский атомный флот, подводные ракетоносцы

чайно справочник «Джейнс» считает наш ледокольный флот вспомогательным компонентом ВМФ. Каждый ледокол (при соответствующем довооружении) – это по существу ледовый вариант крейсера «Киров».

Корабли вместо танков

Понятие «демонстрация флага» вошло в политический словарь из практики флота. Часто такая демонстрация, проводимая в международных водах (12 миль от берега), является единственным способом легального силового присутствия государства на удалении от национальной территории. Танки на улицах выглядят, конечно, внушитель-

но, но ввести их и особенно вывести стоит гораздо большего труда.

Флот способен выполнять также гуманитарные миссии: эвакуация в случае необходимости российских граждан, борьба с нелегальным ввозом в Россию наркотиков с юга.

Какой же флот необходим для этого?

Очевидно, в перспективе у России останутся два полноценных мощных флота из нынешних четырех. Два флота закрытого моря – Балтийский и Черноморский (та его часть, которая в результате раздела отойдет к России) – могли бы получить статус соответственно флотилии и военноморской базы. При этом, учитывая исторические традиции, целесообразно было бы в обоих случаях сохранить за этими объединениями титул флотов.

Что же касается Каспийской флотилии, то ее российская доля после проведенного раздела уже превратилась в военно-морскую базу. Такая экономия (стратегически вполне оправданная) позволяла бы уделять больше внимания Северному и Тихоокеанскому флотам, получающим таким образом приоритет в развитии.

На Балтике главная база флота будет, вероятно, переведена из Балтийска (остров Пиллау, Калининградская область) под Петербург. Балтийск же останется передовой базой. Полная демилитаризация бывшей Восточной Пруссии не отвечает российским интересам.

Вряд ли России удастся сохранить те объекты флота, которые распо-

ложены на территориях Латвии (база подводных лодок в Лиенае) и Эстонии (учебный центр подводников в Палдиски). Придется устраиваться на новых местах, но уже крепко, постоянно.

Новые базы

Обстановка требует, на наш взгляд, возможно более быстрого раздела Черноморского флота между Россией и Украиной. Главной базой его российской части станет, по-видимому, Новороссийск. К сожалению, ни этот город, ни другие возможные кандидаты (Туапсе, Геленджик) по своим природным условиям (ветер, волна в гавани) не вполне удовлетворяют требованиям, обычно предъявляемым к главным базам. Что касается Севастополя, то есть смысл вести дело о аренде его базы. В свое время сюда были сделаны крупные инвестиции, и создавать все заново было бы нецелесообразно да сейчас и не по силам России. С другой стороны, арендная плата, поступаемая от российского правительства, вряд ли была бы лишней для Украины.

Впрочем, еще более важным представляется удовлетворительное решение вопроса о кораблях. Москва должна заниматься не столько «справедливостью раздела» флота, сколько судьбой достаиваемых в Николаеве крупных кораблей (тяжелого авианесущего крейсера «Варяг» и ракетного крейсера «Адмирал Лобов», степень технической готовности которых составляет около 70 процентов). Идя на уступки в отношении легких сил флота, на которые претендует Киев, Москва

могла бы одновременно добиться от партнера признания своих интересов в отношении авианосца и крейсеров. Такой размен был бы выгоден обеим сторонам.

На Каспии базой станет, вероятно, Астрахань. Здесь могут базироваться катера, десантные корабли, размещаться полигоны, испытательные станции.

Северный и Тихоокеанский флоты требуют особого внимания. Система базирования на севере вряд ли может быть изменена (Мурманск — единственный незамерзающий порт), зато на Дальнем Востоке в перспективе, вероятно, потребуются перевод основных сил из бухты Тихоокеанская (расположенной между Владивостоком и Находкой) в район Петропавловск-Камчатского.

Японское море, как Балтийское и Черное, — закрытое, флот в нем в случае возникновения какого-либо конфликта может быть заперт. Прямой выход в открытое море дает в конечном счете решающее стратегическое преимущество. Между Петропавловском и Владивостоком, очевидно, потребуются создание промежуточной базы на Северных Курилах, Сахалине или в Магадане. Советская Гавань расположена для этих целей не вполне удобно. Разумеется, это — задача не близкого будущего, но последовательно идти к ее решению необходимо уже сейчас.

Деньги для адмиралов

Бич обоих крупнейших флотов — отсутствие полномасштабной инфраструктуры. Не все корабли могут встать к стенке. Многие вынуждены стоять на рейде, расходуя моторесурс и преждевременно

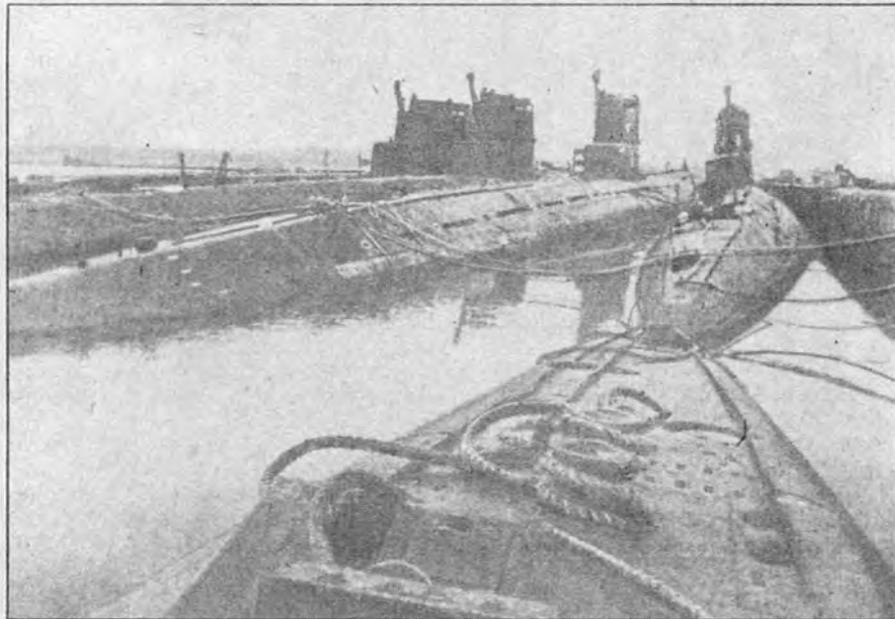
старая. Законсервирован, а фактически закончил свою службу крейсер «Минск», бывший флагман Тихоокеанского флота, который при ином отношении прослужил бы еще долго — ему всего 16 лет. Та же судьба угрожает крейсерам «Киев» и «Адмирал Горшков» (Северный флот), «Новороссийск» (Тихоокеанский флот), которые, как и «Минск», едва ли выслужили половину срока (обычно — 30 лет).

Другая большая проблема — слабость ремонтной базы, особенно на Дальнем Востоке. Боеспособность сил резко снижается. Придется строить судоремонтные предприятия. Есть и другие варианты. Например, переход на ремонт в иностранные порты. Сейчас и в ближайшем будущем это, возможно, исключается, но ведь совсем под боком у Владивостока — Южная Корея. В будущем необходимо будет развивать на Дальнем Востоке и судостроение (и не только на базе существующих мощностей в Комсомольске-на-Амуре, Владивостоке, Хабаровске). Можно сослаться на пример Норвегии, заложившей новую верфь для строительства минного тральщика, после того как подсчеты показали, что это обойдется на 25 процентов дешевле, чем использование старых верфей или передача заказа за рубеж.

В будущем целесообразно было бы, учитывая растущее мировое значение Тихоокеанского региона, сконцентрировать на Дальнем Востоке три пятых основных сил российского флота, а на севере — оставшиеся две пятых. Перераспределению должно обязательно предшествовать создание необходимых условий (базирование, ремонт, жилье для моряков).

Где взять средства, особенно в сложившейся обстановке? Речь, во-первых, должна идти о перераспределении ассигнований в рамках оборонного бюджета. Те 12–14 процентов, которые обычно выделялись флоту, не соответствуют его сегодняшней и тем более завтрашней роли. Во-вторых, сделать упор не на строительство новых «корпусов», а на сохранение тех, что уже введены в строй. Будущий российский флот должен быть силен не количеством кораблей, а их качеством.

Наивно было бы предполагать, что больший упор на ВМФ в рамках стратегии национальной безопасности России найдет повсеместную поддержку. Ведь задача создания современных сбалансированных вооруженных сил требует ликвидации сухопутно-армейского «перекоса» в высших органах военного управления. Голос моряков (как и авиаторов) должен звучать громче, чем сегодня.

Списанные подводные лодки в одном из латвийских портов. Российский флот лишается кораблей, которые могли бы еще послужить

«Продам БТР, куплю дом в России»

Аркадий Дубнов,
специальный корреспондент
«Нового времени»

Наш Ми-8 облетел практически всю Вахшскую долину. То тут, то там под нами поднимались клубы дыма над горящими в кишлаках домами. Иногда наш пилот, «отрубивший» пять лет в Афганистане («афганцем» был и наш вертолет), «закладывал» головокругительные виражи. Сидящий рядом генерал объяснил, что внизу, возможно, идут бои и одна из сторон может принять нас за подмогу, идущую другой стороне, — тогда будут стрелять... Изумительно красивые горы с петляющим среди них Вахшем и плотиной Нурекской ГЭС. Трудно себе представить, какая катастрофа произойдет здесь, если окажется взорванной плотина... А ведь есть еще и азотно-туковый комбинат. Угроза экологического бедствия постоянно висит над регионом.

А пока здесь со страхом ожидают зимы. Урожай практически не убран. В это время обычно уже начинают уборку хлопка, в этом же году даже еще не начинали... В горные районы Бадахшана нужно завозить топливо и продовольствие, скоро закроются перевалы. Но не до этого. Идет война. И похоже, убивать здесь друг друга еще не устали...

Линии фронта не существует

Количество жертв войны в Таджикистане сегодня подсчитать никто не в состоянии, ни одна из противоборствующих сторон такими данными не располагает да, похоже, и не стремится к этому. Но никто не сомневается, речь идет о многих тысячах людей. Официальных пресс-конференций здесь не дают, и пресс-службами лидеры боевиков не обзаводятся. Не существует и линии фронта. Командир курган-тюбинского российского полка Евгений Меркулов докладывал обстановку заместителю командующего сухопутными войсками России генералу Соколову так: «Вчера и сегодня ночью стрельба велась в таком-то и таком-то районе, там взорван мост, здесь отмечалось продвижение вооруженных групп, зафиксировано передвижение танка, а вот в этом районе был сильный взрыв...»

Война в Таджикистане не похожа ни на один из конфликтов, полыхающих на окраинах бывшего Союза, ни по характеру, ни по причинам, ее породившим. Корреспондент радио «Свобода» Савик Шустер, писавший репортажи из Никарагуа, Чада, Ливана и Афганистана, сказал мне: такого он не видел нигде. Неуправля-

емость боевиков, безответственность и коварность их командиров, множественность группировок порождают хаос и безвластие, приводят к немыслимой жестокости...

Таджики воюют против таджиков, кланы против кланов, нищие, не имевшие власти, против обиженных, ее потерявших, желающие жить по законам исламского государства, против тех, кому понятнее и привычнее законы социалистического государства...

Курган-Тюбинская область стала эпицентром гражданской войны не случайно. Именно здесь сконцентрировались все противоречия кланового противостояния в Таджикистане.

Газета «Голос Таджикистана», бывший орган местной компартии, в свое время опубликовала историческую справку. В ней сказано: «Начиная с 30-х годов область искусственно заселялась представителями народов Советского Союза, сосланными со всех республик Союза, репрессированными, раскулаченными, а также многочисленными полуголодными добровольцами».

«Великая эпоха социализма» пришла в

**Таджики
воюют против
таджиков,
кланы против
кланов,
исламисты
против
коммунистов.
А российские
войска, как
всегда, —
между
молотом и
наковальной**

Беженцы в Колхозабаде

Вахшскую долину в 30-е годы, когда начиналось ее освоение. Трудовые армии нуждались в жесткой дисциплине и казарменных порядках, они не могли состоять только из таджикских дехкан. В результате здесь оказались рядом немцы и узбеки, русские и таджики. Таджики приезжали в основном из соседствующего с областью Куляба и северо-восточного Гармского района.

Самым развитым регионом Таджикистана традиционно является расположенный на севере республики Ленинабад, до 1936 года называвшийся Ходжентом, — один из древнейших городов Средней Азии.

В Ленинабаде сосредоточено 68 процентов всего аграрно-промышленного производства в республике. Все назначения на высокие посты в столице контролировались Ленинабадом.

Позиции бывшей партийной номенклатуры здесь традиционно сильны, а влияние ислама незначительно. Эмиссаров, приезжавших с юга пропагандировать ислам, закидывали камнями. В Ленинабаде до последнего времени ориентировались на Россию. Смещенный со своего поста в сентябре президент Рахмон Набиев — выходец из Ленинабада.

Район Гарма, напротив, экономи-

чески отсталый, а в культурном отношении находится под влиянием наиболее ортодоксальных течений ислама. Уроженцы Гарма и Куляба, как правило, допускались лишь на второстепенные должности в государственном аппарате.

«Рецидивист с 23-летним стажем»

Возвращение Набиева, бывшего первого секретаря ЦК компартии, на политическую сцену и избрание его президентом Таджикистана означало усиление ленинабадской группировки. Однако, по всей видимости, Набиев переоценил свои возможности и оказался неспособен к решению резко обострившихся экономических проблем, в первую очередь на юге, в Кулябе и Курган-Тюбе, охваченных массовой безработицей.

Не смог он и найти общего языка с оппозицией — как демократической, так и исламистской. Набиев пошел по пути организации преданных лично ему вооруженных формирований. Так появился президентский батальон во главе с кулябцем Сангаком Сафаровым, личностью, ставшей сегодня в Таджикистане чуть ли не легендарной.

Человек, говоря о котором все собеседники начинают с одинаковой фразы — «рецидивист с 23-летним стажем», — фигура, несомненно, значительная и одновременно характерная для нынешней ситуации в республике.

В условиях практически полного развала таких государственных структур, как органы внутренних дел, национальной безопасности, — Набиев им не доверял и надеялся на «поддержку вооруженного народа», готовящегося, по его мнению, подняться на его защиту, — реальными силами, контролирующими ситуацию в Таджикистане, стали именно вооруженные формирования. Как правило, их возглавляли люди с уголовным прошлым и с соответствующими представлениями о том, что такое власть и как ее удержать. Такие люди находились с обеих противоборствующих сторон.

Корреспондент одной из таджикских газет, просивший не упоминать его имени, провел собственное расследование и установил, кто был первым из десяти представителей «молодежи города Душанбе», заверивших своей подписью вынужденное заявление Набиева об отставке с поста президента.

Им был некий Исмаил Хабибуллаев. По данным городской прокуратуры, Хабибуллаев был осужден на два года лишения свободы за участие в погромах армян в феврале 1990 года. Освободился через год по амнистии. Хорошо известен в Душанбе как один из главарей местного рэкета.

Заставить боевиков сдать оружие здесь будет сложно

Мечеть в облизполкоме

Формально отставка Набиева должна быть утверждена Верховным Советом, однако, как мне сказал исполняющий обязанности президента и председатель Верховного Совета Акбаршо Искандаров, «нет никакой надежды на то, что Верховный Совет в ближайшее время будет создан». Депутаты от Ленинабада и Куляба, а их большинство в парламенте, в столице при нынешних обстоятельствах не появятся...

Таким образом, оказывается под вопросом и легитимность нынешнего руководства Таджикистана во главе с Искандаровым.

Кроме того, ближайшим соседям Таджикистана внушает беспокойство политическая платформа пришедшего к власти таджикского руководства, а точнее, тех сил, которые за ним стоят. Одни говорят об этом открыто, как например узбекский президент Ислам Каримов, опасаящийся «звериного оскала фундаментализма», другие выражаются более сдержанно.

В нынешнее правительство Таджикистана входят три представителя исламской партии «Возрождение». Одного из них, вице-премьера Давлата Усмона, заместителя председателя исламской партии, я спросил: «Что нужно сделать сейчас, по его мнению, чтобы приблизить мир?» Немногословный вице-премьер ответил: «Надо усиливать центральное правительство и Искандарова».

Отправляя солдат в Таджикистан, им говорили, что они едут в Астрахань убирать арбузы

Пока складывается ощущение, что Акбаршо Исандаров не является самостоятельной политической фигурой, ~~он~~ она, по-видимому, очень к этому стремится. Как и многие другие бывшие крупные партийные функционеры, после исчезновения компартии потерявшие почву под ногами, он старается найти другую опору, чтобы удержаться у власти. На переговорах в Колхозабаде кыргызского вице-президента Феликса Кулова, которому на встрече глав государств СНГ в Бишкеке было поручено возглавить миротворческую миссию в Таджикистане, с председателем курган-тюбинского облисполкома «в изгнании» Кадриддином Аслоновым (в Курган-Тюбе стоят отряды Сангака Сафарова, а «власть» перебралась в Колхозабад) говорил в основном присутствующий за столом мулла...

Как говорили нам жители Курган-Тюбе, облисполком при бывшем председателе Нурали Курбанове превратился в мечеть. Ни одно заседание не проходило без участия исламистов. «А в мечеть мы не пойдём», — добавляли они.

Именно в Курган-Тюбе 2 сентября начались события, приведшие к массовым и кровопролитным столкновениям. В тот день, одновременно с началом осады «третьей силой» здания Совета Министров в Душанбе и взятием в заложники членов правительства, в Курган-Тюбе стали собираться стихийные митинги как сторонников Набиева,

так и оппозиции. Митинги перешли в вооруженную борьбу.

После ухода Набиева его сторонники посчитали себя преданными, расценили победу бывшей оппозиции как начало исламизации республики и перешли к открытому вооруженному сопротивлению.

27 сентября при поддержке танков и бронетранспортеров, захваченных в 201-й дивизии, сторонники Набиева — отряды Сангака Сафарова — взяли под свой контроль Курган-Тюбе. Те из кургантюбинцев, с которыми нам удалось беседовать на улицах, говорили, что теперь они не боятся выходить из дому. Нам наперебой рассказывали о терроре, которым был охвачен город, когда в нем господствовали вооруженные отряды бывшей оппозиции, о расстрелах и изощренных пытках людей... Мы узнали, что здесь называют «рыбалкой» — до сих пор в арыках вылавливают изуродованные трупы.

В городе, насчитывавшем раньше 70 тысяч жителей, осталось не больше 5–6 тысяч.

Афганцы против «афганцев»

Самое ужасающее довелось видеть и слышать в Курган-Тюбе. Ургут-махалля, района, где жили в основном узбеки, практически больше не существует.

— У меня было семь сыновей, жена, невестки... Я не знаю, где они,

что с ними, вот брожу теперь по развалинам, ищу, — с трудом выговаривая слова, сказал оказавшийся на дороге старик.

— Увезите нас, пожалуйста, отсюда, ради бога, увезите, — причитала немолодая изможденная узбечка.

— Когда кулябцы Сангака Сафарова вошли в Курган-Тюбе, в помещении ургут-махаллинского райисполкома они обнаружили горы хрустала, ковров, другого добра, награбленного в относительно богатом узбекском районе и предназначенного к вывозу. Теперь нас никто не трогает, Сафаров отдал приказ расстреливать на месте за малейшую попытку мародерства среди своих боевиков, — говорили нам местные жители.

Нам не удалось встретиться с ним. На назначенную встречу с тем же послом-миротворцем из СНГ Феликсом Куловым в расположении курган-тюбинского полка Сангака Сафаров не приехал.

Когда мы разговаривали в полку с офицерами, никто даже не пытался скрывать, что их симпатии на стороне кулябцев. «Когда здесь люди Сафарова, мы можем не волноваться за свои семьи, — говорили они, — даже если боевики входят в наши дома».

Екатерина Лаптева просила передать в Москву, что офицерских жен здесь осталось 32, около 60 детей. Они остаются со своими мужьями еще и потому, что им просто некуда ехать... Вывезли отсюда

«Третья сила» заставила уйти Рахмона Набиева

только родственников, пожилых людей.

— Есть ли работа? — спрашиваю. В ответ усмешка:

— Какая работа, о чем вы говорите? За детьми бы только присмотреть, чтоб они уцелели...

Рассказывают, что «зеленые», как тут называют разные группировки исламистов, разграбив местное,

курган-тюбинское, помещение союза воинов-интернационалистов, захватили архив и списки живущих в городе «афганцев». Воюющие в рядах «зеленых» наемники из Афганистана «охотятся» за ними и затем зверски расправляются. Так мы услышали про капитана Худабердиева, жителя Курган-Тюбе, бывшего «афганца», у которого сожгли дом, убили отца и мать. Капитан пришел в часть, подговорил офицеров и ночью увел БТР, пошел мстить... Говорят, что у Сафарова собралось около двух тысяч «афганцев».

Похожую историю мы услышали в другом российском полку, расквартированном в Кулябе. 9 октября к старшему лейтенанту Эшонову, «образцовому офицеру, недавно ему досрочно было присвоено очередное воинское звание», пришли два земляка из Андижанской области (Эшонов — узбек) и рассказали о резне, учиненной «зелеными» среди узбеков в Курган-Тюбе. Офицера-земляка долго уговаривать не прини-

лось. Постучав по броне, андижанцы дождались, пока из люка покажется дежуривший в танке солдат, накинули ему на голову одеяло, вытащили из танка, завели двигатель и, смяв железное ограждение, рванули из гарнизона.

Жители Куляба очень недовольны командиром полка Лактионовым. Он прямо выполняет приказ и не поддается на их уговоры продать технику, не берет ни деньги, ни золото... «Мы же вместе с вами не хотим, чтобы развалился Союз, а вы нам не помогаете», — упрекали Лактионова. Он уехал в отпуск, в полку говорят: мол, это потому, что ему грозились отомстить за неуступчивость.

Но поведение Лактионова отнюдь не означает, что другие офицеры готовы устоять перед богатыми посулами. «А что, — сказал нам один офицер из курган-тюбинского полка, — продам БТР, куплю себе в России дом, жить же где-то надо потом...» Наверное, в этом заявлении больше вызова, чем правды. Но соблазн действительно велик, всем известно, в каких условиях живут выведенные из республик российские офицеры с семьями...

Астраханские арбузы собирают в Таджикистане

Как откровенно сказал нам генерал Соколов, настроения в кулябском полку ему внушают опасения. Несмотря на то что жизнь солдат и офицеров подвергается здесь гораздо меньшему риску, чем в Курган-Тюбе, возможность коррупции тут гораздо больше.

Буквально за день до нашего визита в Кулябе прошел митинг рус-

скоязычного населения, было принято обращение к Ельцину с требованием дать оружие. Но Ельцин далек, а российский полк рядом, и оружия там достаточно...

Среди солдат участились случаи дезертирства, особенно после того, как российское министерство обороны усилило 201-ю дивизию двумя бригадами спецназа и четырьмя батальонами. При отправке солдатам сообщили, что их везут на две недели в Астрахань убирать арбузы.

Генерал Соколов сказал: «Очень плохо, что их обманули, пусть за это отвечают те, кто отправлял их из Москвы». Офицерам он сообщил, что подготовлен приказ министра обороны России Грачева: служащие здесь приравниваются к находящимся в «горячих точках», то есть день службы засчитывается за три и увеличиваются оклады. Молчавшие до сих пор офицеры тут же откликнулись: «С какого числа?..»

Как попадает в руки кулябцев бронетехника — вроде бы ясно... Но откуда берется у противоборствующих сторон остальное оружие? Через афганскую границу. Утверждают, что «зеленые» получают его бесплатно, «по запискам муллы». Противникам исламистов приходится за него платить. В Колхозабаде мулла курган-тюбинской мечети Умар Абдурахманов объяснял нам, что «законы шариата запрещают мусульманам давать взятки, и русские потому и поддерживают «неверных» кулябцев, что те им дают золото и деньги». Знакомые с обстановкой на той, афганской, стороне границы утверждают, что пуштуны Хекматиара, заинтересованные в исламизации региона, помогают «зеленым», а таджики Масуда, мечтающие о едином Таджикистане, поддерживают их противников.

Но, видимо, переправлять оружие теперь через границу будет труднее. Как сказал нам в Душанбе Егор Гайдар после возвращения из Пянджа от пограничников граница перестала быть прозрачной после усиления ее дополнительными контингентами из Узбекистана и Казахстана. В этих республиках понимают, чем грозит им беспрепятственное проникновение через Таджикистан оружия и боевиков.

ДУШАНБЕ—КУРГАН-ТЮБЕ—КОЛХОЗАБАД—КУЛЯБ—БИШКЕК—МОСКВА

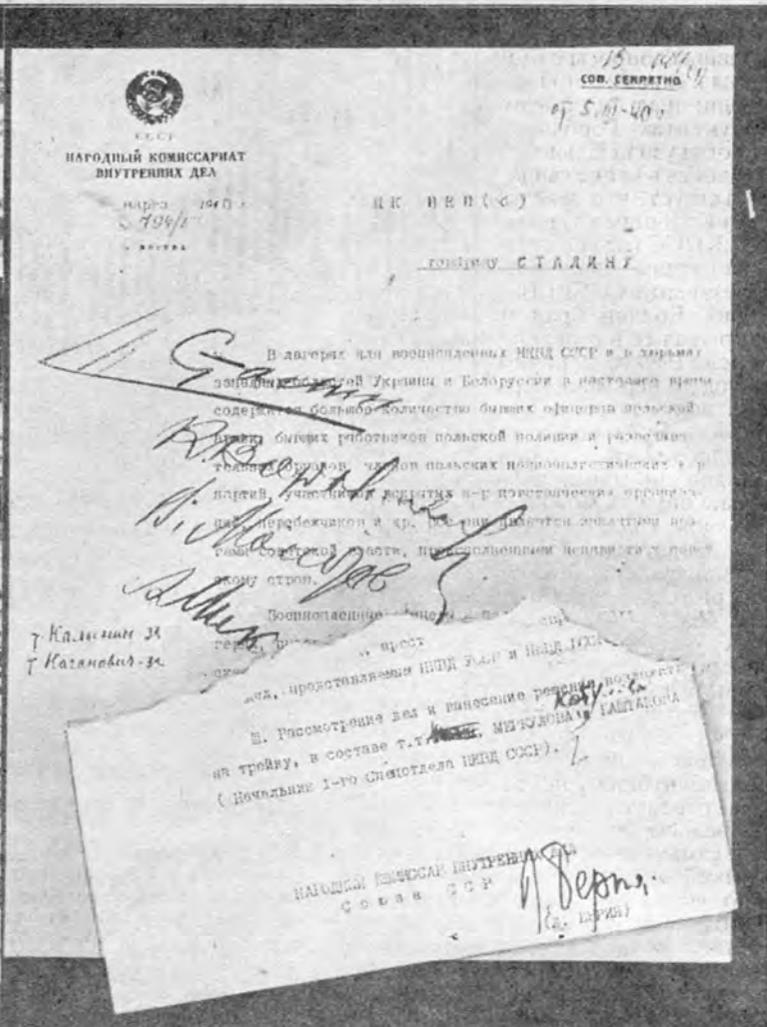
Фото автора

Как долго продержится Акбаршо Искандаров?

Командир курган-тюбинского полка 201-й российской дивизии полковник Меркулов докладывает обстановку вице-президенту Кыргызстана Феликсу Кулову, которому СНГ поручило миротворческую миссию...

Подписи Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна на предложении НКВД расстрелять более 21 000 поляков. Калинин и Каганович не были на заседании — но высказались «за»... Первоначально нарком внутренних дел Берия включил себя в состав «тройки», которой предстояло претворить в жизнь решение партии. Но потом, похоже, рукой Сталина вместо Берия был вписан его заместитель Кобулов. Именно он затем провел в Кремле секретный инструктаж для исполнителей акции — «НВ» писало об этом в № 42/91

Трое с пакетом в Кремле

КАТЫНСКИЕ ИГРЫ

Лев Елин

Весной 1990 года, дней через десять после того, как Михаил Горбачев передал Войцеху Ярузельскому первую пачку документов о Катыни, здесь, в Москве, они все еще оставались совершенно секретными. Сотрудник Международного отдела ЦК КПСС зачитывал мне вслух «избранные места», но в руки даже ксерокопию не давал. Не имел права. Теперь мы живем в другом вроде бы государстве. Узнав, что решение политбюро от 5 марта 1940 года передано Леху Валенсе и 15 октября председатель Комитета по делам архивов России Рудольф Пихоя провел в Варшаве торжественную пресс-конференцию, я сел за телефон. И быстро выяснил, что переданная полякам «Осо-

Решение политбюро о расстреле поляков найдено. Но кто поверит, что найдено оно только сейчас?

бая папка» все еще совершенно секретна для россиян. Военным прокурорам, которые с осени 1990 года по поручению Горбачева вели катынское следствие, найденные документы вообще еще не прислали. О том, что их долгая, многотрудная, а подчас просто рискованная работа увенчалась чьим-то успехом, следователи узнали по телевизору.

История поисков и «обнаружения» катынской «Особой папки» — это и мелкие игры аппаратчиков, и противодействие ведомств, и ложь на всех уровнях во имя «большой политики». Точки над «i» ставить рано, но все вместе оставляет гнусное впечатление.

Тащил, но не донес?

Содержание документов известно: только ленивый не раздобыл себе ксерокопию до

«рассекречивания». Для тех, кто их искал и был в курсе следствия, неожиданного мало. Главные вопросы относятся к современной истории: знал ли об этих документах Горбачев? И когда узнал Ельцин?

Запись в папке свидетельствует, что заведующий Общим отделом ЦК КПСС (позднее руководитель аппарата Президента СССР) Валерий Болдин брал и вскрывал ее в середине апреля 1989 года, ровно за год до передачи первых документов о Катыни Ярузельскому. Предполагать, что Болдин «не донес» папку до Горбачева, конечно, можно, — но верится с трудом. Скорее, Горбачев решил, что «советская и польская общественность еще не созрела для таких разоблачений». Ведь и куда более безобидные документы были переданы Ярузельскому почти год спустя после того, как военный историк Юрий Зоря нашел их в Особом архиве. Затычка, на мой взгляд, объяснялась не только противодействием КГБ и консерваторов политбюро, не только расчетом передать документы именно Ярузельскому, чтобы повысить тем самым его рейтинг в Польше. Думаю, к окончательному решению долго не могли прийти сам Горбачев и его ближайшее окружение. Ведь еще 1 ноября 1989 года заведующий Международным отделом ЦК Валентин Фалин информировал Александра Яковлева о результатах исследований Юрия Зоря.

Горбачев только что изложил свою версию относительно «Особой папки»: ему сказали о неких важных документах в последний момент перед отречением, он положил папку в сейф и вскрыл ее только в присутствии Яковлева и Ельцина. А потом уже Ельцину было решать, как поступить...

Вряд ли Горбачев мог «сочинить» встречу, да и опровержения Ельцина пока не поступило. К тому же в «Особой папке» отмечено, что последний раз ее вскрывали 24 декабря — это подтверждает рассказ Горбачева. Но сцена «трое с пакетом в Кремле» слишком похожа на умелую постановку, чтобы не предположить: вскрывая пакет, Горбачев точно знал, что в нем. И действительно сбрасывал этот груз со своей совести на Ельцина.

Если же поверить, что Горбачев до самого своего отречения не видел «Особой папки № 1», то картина вырисовывается просто-таки странная. Государственный лидер, поразивший мир передачей катынских документов, после этого о Катыни напроць забывает и даже слушать ничего не хочет. И в публикациях, в

СПРАВКА

Получил от тов. Болдина В.И. документы в заклеенной папке вместе с конвертом вскрытого пакета за № 1, которая в тот же день сдана в VI сектор в новом опечатанном пакете за № 1.

В. Галкин
В. Галкин

18. IV. 89г.

Сотрудник Общего отдела ЦК КПСС Галкин, в обязанности которого входило приносить первым лицам государства самые секретные документы и класть их обратно на полку, зарегистрировал: в апреле 1989 года «Особую папку» брал Болдин. Держал Горбачев документы в руках — или ограничился тем, что выслушал доклад Болдина?

И когда узнал об «Особой папке» Ельцин?

том числе в «Новом времени», и в официальных запросах в Кремль раз за разом называют конкретный адрес, где может храниться решение политбюро 1940 года: 6-й сектор президентского архива. Две бумаги с просьбой помочь в розыске этого решения направил Горбачеву Генеральный прокурор СССР. Все — как в пустоту. Странно.

И наоборот, все становится на свои места, если Горбачев в апреле 1989 года читал содержимое «Особой папки». Ему не нужны чужие глаза. Он сам решит, что и когда делать со взрывоопасной папкой. Скорее всего, президент отодвигал момент рассекречивания, понимая, что скоро эти документы станут лишь подтверждением общеизвестного.

В январе этого года кремлевский работник, пожелавший остаться неизвестным, рассказал мне о беседе Генерального прокурора России Степанова с польским коллегой Снежко и генконсулом Польши Журавским. Степанов заявил тогда: человек из окружения Горбачева признал, что носил президенту эти документы.

Сокровища 6-го сектора

Как же развивались поиски в ельцинское время? Так же, как в горбачевское.

3 октября 1991 года военная прокуратура направила запрос председателю Комитета по делам архивов Пихоя. Безрезультатно.

29 января 1992 года директор Архива Президента Российской Федерации А.Коротков (бывший сотрудник печально знаменитого руководителя Главархива Ф.Ваганова, изо всех сил мешавшего катынскому расследованию) ответил военной прокуратуре: «Копию запрашиваемого постановления Политбюро ЦК ВКП(б) (о расстреле поляков в Катыни. — Л.Е.) направить вам не представляется возможным, так как в протоколах заседаний Политбюро ЦК за 1940 год (в том числе «Особой папки») текст такого постановления отсутствует».

Но теперь-то мы точно знаем, что постановление было! Если сотрудники архива не проверили еще все 1500 папок (а могли ведь, кажется, ограничиться 6-м сектором. Да к тому же папка эта, по рассказу Горбачева, выделялась «рядом внешних признаков»), то откуда такая уверенность в ответе?

13 мая 1992 года недоверчивые прокуроры просят А.Короткова допустить их самих в президентский архив. Но Коротков ответил, что «допустить прокуроров в архив не может (цитирую по докладной из архива военной прокуратуры), так как имеется устное указание руководителя администрации Президента РФ т. Петрова Ю.В. никого не допускать во вверенный ему архив без личного разрешения Президента РФ Б.Н.Ельцина».

По другим данным, существовала и записка, поступившая от Ю.Петрова в Комитет по делам архивов вскоре после визита в Россию Леха Валенсы.

И еще деталь, никак не внушавшая оптимизма следственной группе. 19 августа 1991 года, в первый день власти ГКЧП, начальник управления КГБ по Тверской области Виктор Лаконцев заявил военным прокурорам (они проводили эксгумацию в месте захоронения расстрелянных поляков): «В изменившихся условиях ваша работа потеряла смысл. Прекращайте раскопки... И вообще теперь нам это место еще самим понадобится». Прошло время, и генерал Лаконцев стал... начальником штаба Министрства безопасности России.

...Тем временем в президентском архиве спокойно работал член следственной группы по «деньгам КПСС», что заставляло «катын-

скую» группу чувствовать себя как минимум лишней.

Наконец, 27 мая Пихоя заявил, что лично проверил фонды архива президента, в том числе и фонды архива политбюро, и убедился: вся личная переписка Сталина за 1938–1945 годы уничтожена. Поэтому подписанного Сталиным решения о расстреле поляков военная прокуратура не найдет (цитирую опять же по записи прокурора). В бывшем архиве политбюро ЦК КПСС, продолжал Пихоя, есть только «мелочовка» по полякам.

...Были еще встречи, телефонные разговоры – следователей «отфутболивали», советовали обратиться в другие архивы. Секретарь Ю.Петрова отсылала к начальнику секретариата президента Ю.Васильеву. Ю.Васильев обещал доложить Ю.Петрову, а потом советовал вновь переговорить с Р.Пихоя...

Рудольф Пихоя знал о существовании «Особой папки» задолго до октября 1992 года – у меня в этом нет сомнений.

Аппарат вынешний, как и старый, блокирует доступ к любым документам, представляющим историческую и политическую ценность.

И все-таки нашли

Почему же «Эврика!» раздалось только сейчас? Многие склонны видеть в этом очередной удар по Горбачеву. Действительно, убийственная последовательность: вызов в Конституционный суд, закрытие Горбачев-фонда – и обвинение в сокрытии катынской трагедии...

«Горбачевская линия» вряд ли вызывает сомнение, хотя ясно было, что рассказ экс-президента о «встрече трех» ослабит эффект. Однако эксперты, привыкшие искать более серьезные основания для государственных поступков, говорят следующее: после визита Леха Валенсы и особенно после его сентябрьского письма Ельцину с предложением создать консультативный президентский совет отношения между Россией и Польшей вышли на новый уровень. Наступил подходящий момент, чтобы с максимальной выгодой разыграть катынскую карту (Горбачев, возможно, просто не дождался такого момента. Не случайно режим секретности вокруг архива был усилен (указание Ю.Петрова) – утечка могла испортить дело.

Сотрудники Ельцина получили в Польше заверения от людей Валенсы: в случае рассекречивания последних материалов по Катыни это снимет все двусторонние сложности; Польша не будет настаивать на интернационализации проблемы (Международный суд), а также на привлечении к ответственности живых участников событий 1940 года.

И только после этого был дан «зеленый свет». Пихоя полетел с документами в Варшаву, Сергей Шахрай выступил в Конституционном суде. Мы наконец узнали правду. Всю правду о Катыни – часть правды о наших руководителях...

Чужая нога в архиве

Историк лавирует между ЦК, КГБ, МИД и архивными бонзами

Лев Безыменский

Первым в «горбачевское» время пришлось заниматься Катенью отделе ЦК КПСС по связям с компартиями соцстран, так как с польской стороны требовали внести, наконец, ясность. Попытки получить документы от КГБ и из Общего отдела ЦК наталкивались на неизменный отказ: никаких материалов нет и быть не может. Тем не менее в декабре 1987 года появился важный документ – так называемая «записка четырех». Четырьмя были Яковлев, Медведев, Шеварднадзе и Соколов (тогдашний министр обороны). Авторы записки, базируясь преимущественно на польских материалах, считали необходимым признать преступления, совершенные НКВД в 1940 году. Подписи тогдашнего председателя КГБ Чебрикова под запиской не было, что недвусмысленно свидетельствовало о его позиции.

«Записка четырех»

На очередном заседании политбюро 17 декабря 1987 года вопрос поставлен не был и не ставился в последующие заседания. Записка просто была снята Горбачевым с обсуждения. Поэтому, согласно принятым в ЦК правилам, «записка четырех» была отозвана, а вопрос снова оказался закрытым.

Но время шло. Предстояла поездка в Польшу. В апреле 1988 года в Смоленск был послан сотрудник ЦК КПСС, который представил в ЦК записку об «обустройстве могил польских офицеров». Записка обсуждалась, но в политбюро никто и не подумал о сути дела. Горбачев во время визита о Катыни ничего определенного не сказал.

Международный отдел ЦК (в него в 1988 году пришел Валентин Фалин) и секретарь ЦК Александр Яковлев неоднократно обращались к Валерию Болдину, всемогущему заведующему Общим отделом ЦК, с просьбой о поисках документов. Они получали стандартный ответ: у нас ничего нет.

В начале 1990 года, когда в советских архивах наконец уже были найдены – не по заданию ЦК, КГБ или прокуратуры, а в результате поиска историков – важные документы по Катыни, Фалин носил эти доку-

менты Горбачеву. Следовал ответ: «Этого мало. Ищите более убедительные документы».

Затем генсеку доложили подготовленные по заданию тех же Фалина и Яковлева материалы, куда уж убедительные. Это было сличение двух списков: первый – список польских офицеров, отправляемых весной 1940 года из лагеря НКВД в распоряжение смоленского УНКВД. Второй – фамилии польских офицеров, тела которых были эксгумированы в 1943 году в Катыни. И эти списки совпали!

Лишь после этого Горбачев распорядился подготовить архивные материалы для передачи их Ярузельскому, что и было сделано в апреле 1990 года.

Но как их нашли?

Долгое время самым секретным считался носивший выразительное название Особого архива на Выборгской улице, что близ метро «Речной вокзал». Здание с зарешеченными окнами, построенное немецкими военнопленными, находилось долгое время в ведении КГБ, затем – Главного архивного управления СССР, шеф которого Федор Ваганов считал, что архивы нужно за-

Геббельс, Сикорский и наши люди в Варшаве

Начальный акт катынской игры датирован 1939 годом, когда в лагерях НКВД оказались десятки тысяч польских солдат и офицеров (хотя СССР в состоянии войны с Польшей не был). Когда же в 1941 году было заключено советско-польское соглашение о формировании польской армии в СССР, встал вопрос о «бывших польских военнослужащих». Советское правительство заявило, что все они уже освобождены и, как писал Сталин польскому премьеру Сикорскому, «возможно, сбежали в Маньчжурию». Другая версия: бежали из лагерей и их схватили немцы. Разумеется, о карательных акциях не было сказано ни слова.

крывать, а не открывать.

Именно сюда в Особый архив еще в 60-е годы попал из МВД СССР огромный фонд давно ликвидированного Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД (ГУПВИ). Фонд сверхсекретный, причем хорошо обработанный руками высококвалифицированных архивных специалистов. Была среди них и Ольга Александровна Зайцева. Именно она в 1988 году первой обратила внимание, что среди документов ГУПВИ, которое занималось пленными немцами, японцами, итальянцами, упоминались поляки. Она тщательно подобрала все документы и доложила по начальству.

Тогда документам не дали хода. В конце года директором архива стал Анатолий Прокопенко. Будь это лишь верный исполнитель директив Ваганова, быть может, и до сих пор списки катынских жертв лежали бы в архиве. Но Прокопенко счел своим долгом поделиться информацией с историками, работавшими над этой темой, — Н.Лебедевой, В.Парсадановой, Ю.Зоря. Кандидат военных наук Юрий Зоря в то время готовил для издательства «Юридическая литература» переиздание сборника материалов Нюрнбергского процесса.

Прокопенко предупредил Зоря, что на знакомство с документами ГУПВИ нужно разрешение Главархива, сиречь Ваганова. Зоря понимал трудности с разрешением. Он знал, что его коллега Н.Лебедева, попросив таковое разрешение у Ге-

О совещании в Кремле после долгой борьбы со следователями рассказал в прошлом году бывший начальник Управления НКВД по делам о военнопленных Петр Сопруненко

нерального прокурора СССР Александра Сухарева, получила отказ. Зоре повезло: он получил разрешение не от Ваганова, а от его заместителя.

Когда же Зоря, поработав над катынскими фондами Зайцевой, доложил о них самому Ваганову, тот реагировал просто:

— Вашей ноги в Особом архиве больше не будет!

Но он ошибся.

Поражение Ваганова

Зоря направился к директору Ин-

ститута марксизма-ленинизма Георгию Смирнову — председателю созданной в 1987 году Горбачевым и Ярузельским комиссии «по белым пятнам». Смирнов тогда попросил своего собеседника не рассказывать широко о своих находках, но проинформировать Фалина. Фалин позвонил Ваганову, но получил не менее решительный отказ.

Однако в то время ЦК еще что-то значил. Фалин предпринял умелый обходной маневр: он выписал из Особого архива два «зайцевских дела» и поручил Зоре провести их обработку. Фалина поддержал Александр Яковлев, и в октябре 1989 года была готова подробная справка. Когда же Зоря проинформировал о своих находках КГБ СССР и просил помощи в дальнейших поисках, то начальник архива спросил его:

— А что вы ищете? Есть акт Чрезвычайной комиссии, там все написано. Других материалов нет...

Иную позицию занял МИД СССР. После полученной от Зори информации начальник Историко-дипломатического управления Феликс Ковалев сообщил о найденных документах Шеварднадзе. Тот дал указание подобрать их для передачи полякам. Здесь снова вмешался Ваганов: ведь документы оставались секретными, их надо было рассекретить. Ваганов сделать это отказался.

Но коса нашла на камень. По докладу Фалина и Яковлева Михаил Горбачев наконец приказал готовить документы для передачи Ярузельскому. На этой стадии дошло дело до первых публикаций — в «Московских новостях», «Новом времени», «Международной жизни». С этих пор молчать стало невозможным.

Первые сведения о расстрелах стали известны немецким оккупационным властям еще в 1941 году, вскоре после захвата Смоленска. Однако им не придали значение, равно как и в январе 1942 года, когда строительные части, дислоцированные в районе Козьих гор, обнаружили остатки верхней одежды польских офицеров. Но в феврале 1943 года этим занялась секретная полевая полиция. 29 марта было отдано распоряжение о вскрытии могил.

Сообщение об этом попало и Йозефу Геббельсу, который сразу понял исключительный шанс, представлявшийся Берлину. «Катынское дело, — записал он в дневнике 17 апреля, — становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях еще вызовет не одну взрывную волну».

13 апреля 1943 года берлинское радио сообщило о Катыни. Немецкое правительство создало международную комиссию для расследования захоронения. Комиссия заявила, что расстрелы польских офицеров (единообразно, в затылок) были произведены еще до прихода немецких

войск, то есть советской стороной.

Но Сталин и Молотов, подписавшие в марте 1940 года приказ о расстреле, решили использовать Катынь неожиданным образом. Когда Сикорский обратился с просьбой о расследовании дела в Международный Красный Крест, СССР разорвал восстановленные в 1941 году дипломатические отношения с эмигрантским правительством, обвинив его (и косвенно — поддерживавшую его Англию) в пособничестве нацистам. Для Сталина это был ход большой игры, которую он вел в антигитлеровской коалиции.

Сталин враждебно относился к эмигрантскому правительству и его «западной ориентации». В начале 1943 года еще далеко было до решения судеб послевоенной Европы. Но Сталин благодаря разведсети (Филби и другие) знал, что польские эмигрантские политики в Лондоне обещали Черчиллю включить Польшу в британскую сферу влияния. Разрывая с Сикорским, Сталин открывал путь для создания иного, промосковского, правительства.

Охота на полутораглазого стрельца

Стоит ли называть Эдуарда Шеварднадзе дьяволом во плоти и считать всех грузин варварами?

Леонид Млечин

Вся ненависть к Эдуарду Шеварднадзе как партийному либералу, союзнику Горбачева по перестройке, министру, сблизившемуся с Западом и «предавшему» Восточную Европу, наконец-то получила оправдание.

Смущены даже самые его горячие поклонники. А уж противники торжествуют: «Мы же всегда говорили, что он перевертыш. Позавчера произносил хвалебные речи Брежневу, вчера ратовал за демократию, сегодня вводит танки! По его вине в Абхазии убиты сотни людей. И этот человек три года назад требовал наказать наших генералов за то, что кто-то погиб в Тбилиси во время разгона незаконного митинга?»

Брошенный особнячок

Когда Эдуард Шеварднадзе поехал в Грузию, расставшуюся со Звиадом Гамсахурдиа, многие в России и за ее пределами вздохнули с облегчением. По крайней мере в Грузии, казалось тогда, воцарится цивилизованный порядок.

От Шеварднадзе ждут великого царствования, а он вводит войска в Абхазию, взрывает Кавказ, ссорится с Россией и все меньше походит на человека, который ровно два года назад отказался от власти и почестей, потому что не желал участвовать в закручивании гаек и возможном кровопролитии.

Стоит ли разматывать клубок причин, заставивших Шеварднадзе поехать в Грузию?

Намерение завершить карьеру президентским постом... Желание помочь родине в трудную минуту... Тоска по активной деятельности... Годится любой вариант или их сочетание.

Возле особняка на тихой улице в Москве, где удобно разместилась Внешнеполитическая ассоциация — синекра, которую придумал себе Эдуард Шеварднадзе, — всегда стоял лимужин с посольским флажком. Но не только аккредитованные в Москве послы, все самые высокопоставленные гости спешили побывать

у Шеварднадзе. В роли министра в отставку его ждала комфортная и приятная жизнь.

И такой жизни Эдуард Шеварднадзе предпочел прыжок в неизвестность.

Все помнят, что Шеварднадзе в свое время было тесно под Горбачевым, что у него есть идеи, которые он не может реализовать на посту министра. И вдруг — чудесный поворот судьбы: Шеварднадзе становится первым человеком. Пусть не совсем в Риме, но все-таки и не в деревне.

Смурной президент

Он приехал совсем не в ту страну, которую надеялся увидеть. Размороженная кровопролитием 9 апреля 1989 года Грузия быстро дошла до точки кипения. Движение к независимости, столь же сильное, как и в балтийских республиках, никому не удалось возглавить. Грузинское общество рассыпалось на множество мелких партий, которые слишком темпераментно выясняли отношения между собой.

Закомплексованный, смурной, обращенный в себя Звиад Гамсахурдиа — годился ли он на роль президента?

В своей не очень счастливой жизни он привык делить людей на друзей и врагов. Вторых, естественно, всегда оказывалось больше, чем первых. Гамсахурдиа был обречен потому, что не сумел стать президентом всех грузин.

Власть в Тбилиси поделили несколько сильных людей, предусмотрительно создавших собственные вооруженные формирования — самый убедительный аргумент в грузинской политической жизни. Они-то зачем призвали московского варяга?

Не сумели сговориться между собой, кто станет первым среди равных, и предпочли человека, у которого нет своей армии (не опасен), но который зато придаст им респектабельности и может добиться для них мирового признания?

Вряд ли стоит подозревать устроителей недавних выборов в Грузии в подтасовках. Инстинкт самосохранения заставил грузин почти едино-

Эдуард Шеварднадзе: пленник обстоятельств?

душно проголосовать за Шеварднадзе. Другой кандидатуры у Грузии сейчас нет.

Джаба на завтрак

Негласный конкордат между Шеварднадзе и военными баронами, которые привели его к власти, соблюдается обеими сторонами. Бароны демонстрируют лояльность Шеварднадзе, Шеварднадзе, хотя он и не посвящен в сан, щедро отпустил им все грехи. Но отпускающий грехи берет их на себя. Хватит ли его авторитета на всю эту публику, которая и абхазскую операцию превратила в полубандитский налет?

Интересно, конечно, как ощущает себя Шеварднадзе, сидя рядом с glavой боевых отрядов «Мхедриони» Джабой Иоселиани, которого в свое время приговорили к расстрелу за ограбление с убийством.

Впрочем, чем эта компания принципиально хуже, скажем, его прежней компании по брежневскому политбюро? Там сидели люди, виновные в гибели значительно большего числа людей, чем избранный в новый грузинский парламент Джаба Иоселиани.

Эмиль Золя предупреждал молодых литераторов: литературный мир настолько омерзитель, что привыкнуть к нему можно, только глотая каждое утро холодных жаб. Мир политики не менее омерзитель. Тот, кто, подобно Шеварднадзе, хочет преуспеть в этом мире, должен обрести иммунитет в виде хорошей порции цинизма.

Многие полагают, что абхазская операция была самодеятельностью того же Иоселиани и министра обороны Тенгиза Китовани, также избранного в новый парламент, а Шеварднадзе, по-существу, поставили перед совершившимся фактом. Грузинам мерещилось еще одно Приднестровье, и они решили ударить раньше, чем абхазы укрепятся.

Отчего в таком случае Шеварднадзе не подал немедленно в от-

ставку или не осудил своих коллег по Госсовету? Полтора года назад в сходной ситуации после кровопролития в Вильнюсе Шеварднадзе настойчиво советовал Горбачеву поступить именно так.

У Шеварднадзе наверняка готов ответ.

Убрать этих людей он не может. Только с избранием председателем парламента он обретает какую-то власть и силу.

Отставка? Не ввергла ли бы она Грузию в пучину куда более жестокой междоусобицы?

Антон Иванович сердится

Как повел бы себя российский парламент, если бы Абхазия вошла в состав России и вдруг приняла бы решение о том, что она является совершенно самостоятельной? При этом абхазов в Абхазии было бы 17 процентов, а остальные русские?

Грузинское общество уже несколько лет находится в истерическом состоянии, при котором нормальные реакции невозможны.

Чем дольше Шеварднадзе будет вариться в этом котле, тем больше он попадет под влияние этих настро-

ний. Принимая правила игры, он уже говорит о войне: «Если всем нам придется умереть, мы умрем. Но свою землю не отдадим». Этот пафос не обязательно соответствует реальным намерениям Шеварднадзе, но свидетельствует о состоянии духа грузинского общества.

Шеварднадзе совершил непростительную для политика ошибку, позволив ввести грузинские войска в Абхазию и открыть там новый фронт. И уж совсем нелепо с его стороны было оправдывать эту акцию.

Но очевидно и другое. Шеварднадзе был и остается лучшим из возможных партнеров России в Грузии. И не в интересах России превращать Шеварднадзе во врага.

Осетинский и особенно абхазский конфликты послужили поводом для распространения в России антигрузинских настроений, что может далеко развести народы, которые были связаны тесными духовными узами.

Пристрастное внимание к событиям в Грузии и к личности Эдуарда Шеварднадзе не свидетельствует о внезапно проснувшемся интересе к нарушениям прав человека, а выдает неспособность признать тот очевид-

ный факт, что Грузия больше не является частью России. И в брани, которая обрушилась на Шеварднадзе, читается уязвленное самолюбие.

Уже призван в свидетели Антон Иванович Деникин, чтобы сообщить: и создатели независимой Республики Грузии в 1918 году, которые в Москве были интернационалистами, у себя в Тбилиси превратились в националистов. Дескать, какими вы, грузины, были, такими и остались.

«Нация торгашей»?

Кто же сейчас вспомнит опубликованный шесть с лишним лет назад в «Нашем современнике» рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». А рассказ этот буквально взорвал тогда Грузию.

Глупо отождествлять героя с автором, но что-то в этом астафьевском герое прочитывалось автобиографическое. Возможно потому, что герой рассказа — писатель, которого в доме творчества в Гаграх здорово обидели: дали худший номер, напротив общественного туалета. И все происшедшее с ним во время отдыха в Грузии внушило герою-писателю сильнейшую антипатию ко всему грузинскому.

Речь, манеры, обычаи и нравы — все раздражало нашего героя. Он чувствовал себя белым миссионером, оказавшимся в какой-то глуши, среди первобытных племен, жалко отставших от мировой цивилизации.

«Дело дошло до того, что любого торговца нерусского, тем паче кавказского, вида по России презрительно кланут и кличут «грузином», — рассуждал герой-писатель. Ну чем не повод для писателя-автора вступить за честь нации, которая никак не может состоять из одних «торгашей»?

Но грузинам пришлось самим защищать свою честь. И тогда Валентин Распутин на очередном писательском съезде высокомерно прошелся насчет «большой Грузии». А потом генерал Родионов вывел танки на тбилисские улицы...

Не все русские писатели были столь высокомерны, как герой Виктора Астафьева. Грузинских поэтов переводили лучшие русские стихотворцы — Пастернак, Мандельштам, Заболоцкий, Ахмадулина... Грузинская музыка, грузинский кинематограф — разве не стали частью нашей общей культуры?

Один русский поэт, тоже переводивший грузинских стихотворцев, написал в начале века книгу под названием «Полутораглазый стрелец». Это образ человека, «обернувшегося лицом назад (на Восток) и только полглаза скосившегося на Запад».

Грузия когда-то повернулась лицом к России и лишь вполглаза смотрела на остальной мир. Высокомерное презрение к грузинам, осязаемое в некоторых слоях российского общества, может заставить их отвернуться от России.

Шеварднадзе, возможно, придется иметь дело со своим бывшим замом

ный либерал, склонный к академизму, он противился любым попыткам действовать с позиции силы.

Его либерализм в сочетании с экстравагантным обликом вызывал постоянное раздражение депутатов-консерваторов. Рано или поздно его должны были принести в жертву всеобщему недовольству политикой Москвы в отношении ближнего зарубежья. Все, кроме его самого, это понимали и подталкивали к отставке. После долгих колебаний Шевлов-Коведяев ушел из МИД.

Насколько можно судить, ни министр Козырев, ни его коллеги-дипломаты не жалеют о его уходе. Шевлов-Коведяев был прекрасен в дискуссии или написании трактатов, но плох в практической политике, когда надо принимать решение.

Новым первым заместителем министра стал Анатолий Адамишин (справа), который два года назад с большим удовольствием уехал с поста заместителя Шеварднадзе послом в Италию. Профессиональный

итальянист, он, надо полагать, с грустью возвращается в Москву.

Когда только что избранный председателем Верховного Совета России Борис Ельцин подбирал себе министра иностранных дел, Адамишин был одним из кандидатов. Он просидел несколько дней в Москве в ожидании беседы, но Ельцин предпочел Козырева.

Анатолий Адамишин сменил Шелова-Коведяева лишь формально; ближем зарубежьем, скорее всего, станет заниматься другой заместитель министра — Сергей Лавров.

Федор Шелов-Коведяев (на фото слева) успешно опровергал сообщения о своей отставке до того самого момента, как он покинул пост первого заместителя министра иностранных дел России.

Народный депутат России, он возглавлял Комитет по межреспубликанским отношениям. В прошлом году президент Ельцин прислал его в МИД комиссаром к Козыреву. Шелов-Коведяев занимался отношениями с бывшими советскими республиками, которые стали самостоятельными. Ему выпала невыигрышная роль. Спокой-

Г-жа депутатша

Вячеслав Басков

Литовский город Клайпеду, кажется, еще вчера называли «городом без очередей». Газеты писали фантастические вещи, в которые невозможно было поверить, — будто там можно сдать порожнюю посуду. В это не верится и сейчас, потому что сдать бутылки и банки просто невозможно. А в Клайпедке была создана фирма по приему тары, она имела свой счет в банке, и в приемных пунктах вас ждали.

От войны и до перестройки

Все продукты продавались фасованными. Поэтому продавщицы ничего не резали, не взвешивали и никого не обманывали. Это был первый город самообслуживания. Первый город, где овощи, вечно грязные овощи, стали продавать мытыми и тоже расфасованными. На это ездили смотреть.

Клайпеда так и осталась единственным городом СССР, где в магазинах снесли стены, отделяющие торговый зал от подсобки, куда все наши продавцы припрятают товар и откуда ведут торговлю с черного хода. Вся торговая сеть Клайпеды была поделена на самостоятельные фирмы — мужских товаров, товаров для женщин, для детей, хозяйственных товаров, мебели... А центром торговой жизни была городская база.

Здесь электроника отечественного производства (то есть купленная не за валюту) товар учитывала и хранила. Клайпедская база была самым дешевым из отечественных сооружений такого рода, самым чистым и работающим, как часы. Поскольку продавцов отлучили от весов, то они занимались только обслуживанием покупателей и тотчас информировали диспетчерскую службу о товаре, который заканчивался. С базы немедленно выезжала машина, и контейнеры вносили прямо в зал, на глазах у покупателей. Директор магазина не был озабочен пустяками — горят у него лампочки или нет: действовала отдельная фирма и по обслуживанию магазинов. Здесь же, на базе, шла фасовка тех товаров, которые поступили грудой...

Самое удивительное в клайпедской торговле было то, что все, о чем говорили газеты, было правдой. Местные жители, единственные в стране Советов, не убивали половину своей жизни в очередях. Клайпеда не была потемкинской деревней: городское управление торговли вело борьбу с бюрократической системой честно, долго и настойчиво — с самых послевоенных дней до... перестройки.

Покушение

Труднее всего оказалось выдвинуться в народные депутаты активистам Клайпеды:

История женщины-политика, которая искала розовое мыло и боролась за расовую чистоту на одной торговой базе

быт в ней был налажен превосходно. Зита Шличите, местная адвокатесса, стала народным депутатом СССР в словесной перепалке с партийными органами. Естественно, симпатии всех были на ее стороне. Тогда ли или чуть позже, но Зита стала рупором «рабочего союза» — литовской разновидности нашей Объединенного фронта трудящихся — организации, собравшей чрезвычайно энергичных людей с наклонностями сносить, крушить, бить.

Весь свой темперамент народный депутат СССР Зита Шличите направила даже не столько на идеальную торговлю, сколько лично на начальника городского управления торговли, который — подумать только! — оказался нелитовцем.

Зита вышла победительницей и в этой борьбе в значительной степени из-за того, что городские торговые деятели не ждали удара ниже пояса и не приготовили серьезных доводов в пользу равенства людей от рождения.

Но не только неподготовленность к национальному разбору погубила клайпедскую торговлю. Зита Шличите, рядовая покупательница, в торговый механизм не вникала и ничего в торговле не понимала,

а свои родные магазины считала частью коммунистической пропаганды. Она взялась этот миф развенчать.

По литовскому телевидению было показана любительская видеокассета, запечатлевшая Зиту на базе. Она окружена веселыми парнями из «рабочего союза» — компания ворошит коробки, свертки, пакеты...

Затем мы видим Зиту на трибуне Верховного Совета республики. Высоко подняв руку над головой, она показывает, что на базе нашла кусок мыла. Этот товар, заявила г-жа Шличите, был на базе припрятан! Импортного мыла в розовой упаковке в продаже не было, а на базе оно хранилось! В то время в магазинах Клайпеды в продаже было несколько сортов мыла — розового же не было.

Десятки организаций тотчас кинулись расследовать судьбу обнаруженного товара. По этому поводу вскоре выступил сам министр торговли Литвы. Он заверил депутатов, что мыло в розовой упаковке распределено по всем городам, однако нигде еще не продавалось, потому что на эту партию пока не пришли документы, которые всегда едут медленнее товара. Таковы уж причуды централизованного снабжения. Зиту спросили: «Откуда у нее этот кусок?» Вместо того чтобы сказать, что она взяла его с клайпедской базы в качестве образца, она почему-то решила обогреть ситуацию и заявила, что это ее личный кусок, который она свободно купила в магази-

не. «Как же вы могли купить, когда оно еще нигде не продавалось?» — «Купила». — «Где же?» — «Не помню — не то в Вильнюсе, не то в Клайпед». — «В каком магазине?» — «Не помню». На этом допрос адвоката закончился.

Истории с мылом предшествовал скандал с покушением на жизнь Зиты Шличите. Оказывается, пока Зита мчалась из Клайпеды в Вильнюс, чтобы с высокой трибуны взмахнуть куском мыла, на шоссе на ее жизнь было совершено покушение. Но кто покушался? «Не помню». — «Это были машины?» — «Да, машины». — «Каких марок?» — «Не помню». — «А хоть один номер запомнили?» — «Нет». — «Кто же покушался?» — «Ах, помню: грузовик с прицепом 05-02 ЛШ — он специально не пропускал мои «жигули».

Десятки организаций тотчас кинулись расследовать этот жуткий случай. Нашли панелевоз 05-02 ЛШ. Шофер объяснил, что вечером 22 ноября 1989 года погода была очень плохая, гололед, темно, машину бросало из стороны в сторону, особенно прицеп. О том, что сзади панелевоза-гиганта делает попытку обогнать его частная машина, Альгирдас понятия не имел. Доехав до поворота на Каунас, Альгирдас Швилпаускас со своими панелями свернул с шоссе. А «жигули», в которых сидела Зита Шличите, ударились в придорожный столбик.

Прокуратура Каунасского района отказала в возбуждении уголовного дела из-за отсутствия признаков преступления.

Однако между громогласными заявлениями Зиты о ее жизни и о мыле и авторитетными разоблачениями прошло много дней и ночей. Они решили судьбу клайпедских магазинов.

Погром

...Второй ее визит на клайпедскую торговую базу состоялся совсем уж в необычной обстановке. Очевидцы рассказывают, что она ворвалась на заседание клайпедского горсовета, потребовала прекратить заседание и немедленно ехать всем на базу, так как у нее есть точные сведения, что главные сокровища там замурованы в стенах и особых тайниках. Председательствующий гневно велел ей покинуть трибуну сию минуту! Но обуздать неистовую было невозможно. Заседание прервали. Депутатам подали машины и автопоезд двинулся победным фронтом на окраину города, на базу. Зита указывала места, где долбить цемент: под горой картофеля, под коробкой с обувью... Сокровища искали, но не нашли.

Вся литовская пресса ноября — декабря 1989 года была полна сообщений с клайпедского склада. Но ни

нарушений, ни сокровищ, ни припрятанного товара на окраине города Клайпеды не обнаружилось.

Митинги, демонстрации, пикеты с требованием отставки начальника управления торговли устраивались в Клайпед ежедневно. Мысль о припрятанных сокровищах овладела массами. Газеты сообщали, что никаких сокровищ нет и не было в помине, но идея о суверенитете Литвы каким-то образом переплелась с идеей «отставки» начальника управления торговли, словно бы лично он стоял на пути к суверенитету.

Вот как описывает происходившее в те дни корреспондент литовской газеты «Меркурий»: «Фамилия начальника управления торговли появилась в десятках пасквильных статей. Ее повторяют сотни и тысячи разъяренных ртов пикетирующих, повсюду его портреты, шаржи, карикатуры, прокламации, даже импровизированная могила в центре города».

На одном из митингов подняли плакаты, провозглашавшие «нелитовца» «отцом мафии», «крестным отцом», изготовили его чучело и подожгли. Сорок лет этот человек отдал борьбе против правил советской торговли, но для «рабочего союза» важна не жизнь, а символы.

«И тогда они поскакали к дому начальника управления торговли, — продолжает бесстрашный летописец из «Меркурия». — Запрудив рядом расположенные улицы, скандируя, выкрикивая оскорбления, взобрались к дверям квартиры, стучали, били ногами, смертельно напугали находившихся в квартире женщин...»

Женщины звонили в милицию: «Спасите!» Но милиция отвечала: «Так хотят рабочие». (Все-таки у «рабочего союза» очень красивое название!) И бросали трубку. Звонили снова: «Мы дома одни!» — Бросали трубку.

Литва — это очень цивилизованная республика. На следующий день в Верховном Совете Литовской Республики народный депутат профессор консерватории Даукша сделал официальный запрос: «Что произошло в Клайпед?» На трибуну взлетела Зита: «Ничего там не произошло, мирная демонстрация!» Но из отчета министра внутренних дел вдруг вырисовалась трагическая картина унижения человеческого достоинства одного из достойнейших людей страны.

— Дальше не хочу комментировать, — оборвал себя сам министр внутренних дел и спустился в зал.

Верховный Совет подавленно молчал. Литва оказалась на пороге чего-то зловещего. «Соплеменники!» — так начиналась листовка младолитовцев, распространяемая по всей Литве в те дни. — Мы поддерживаем Саудис в его борьбе с евре-

Рисунок
Александра
Зудина

ями, торговцами...» Борьба окончилась полной победой: через месяц в клайпедском управлении торговли нелитовцев не осталось.

Женщина на диване

Прошло два года, и Клайпеда стала городом очередей. Исчезло самообслуживание, не сдать пустую бутылку, сметану продают из бидонов...

Зита Шличите в Клайпедке не живет и ей это все равно. Она переехала в Вильнюс. После того как литовские депутаты сдали мандаты народного депутата СССР, в республике прошли выборы в Верховный Совет. Клайпеда отказалась выдвинуть рабочую Шличите. Ее выдвинули в депутаты жители далекого от Клайпеды Таурагского района.

В просторном холле Дома правительства на мягком кожаном диване сидит женщина сорока с лишним лет. Это Зита Шличите. Мы говорим с ней о ее прошлом. Она разрушила клайпедскую торговлю, но ничуть об этом не жалеет.

— О чем жалеть? — спрашивает меня женщина, одетая в легкое, воздушное летнее платье. — Торговля была самая обыкновенная, как везде. Только, что фасованная продукция. Ну так она поступала в магазины сама по себе!

— Да нет, — разумею я ее, — это все заслуга работников городского управления торговли! Они десятки лет добывались, чтобы предприятия-поставщики отгружали товары не в ящики навалом, а фасовали! Фасовка шла и на базе! Сколько серьезных экономических книг написано о простом с виду торговом механизме Клайпеды, который создавался в творческих муках энтузиастами. Они победили неисчислимым обшеч, обвес годами своей невозвратной жизни. Торговля в Клайпедке перестала быть узаконенным воровством. Г-жа Шличите мне сразу верит, словно все это слышит впервые.

— А я не знала. Надо же, — туманясь, как девочка, произносит она. — Но все это было так давно! Даже смешно.

Она красиво опускает глаза, и тень легкой улыбки оживляет ее лицо. Ей, должно быть, вспоминается та горячая пора, когда она была сама молния: врывалась на базу, размахивала мылом с трибуны, мчалась по обледенелому шоссе и врезалась в придорожный столбик... Вот это была жизнь! В Верховном Совете скука смертная.

Женщина говорит мне о том, что сейчас Верховный Совет про-

Рисунок Марата Таурова

никому не показывали. Но мало ли кто обращается к депутатам — что же, сразу бежать на заводы, фабрики и базы с отбойным молотком?

Анонимные «рабочие» «обратились». Где достала кусок мыла в розовой упаковке — «не помню». Марки и номера машин, которые будто бы преследовали ее по пятам от Клайпеды до Вильнюса, — «не запомнила». Верховный Совет принимает экономические решения — Зита в «Летуве» дышит воздухом. Очень ценный депутат, правда, с немного слабой памятью и способностью всюду быть и отовсюду вовремя уйти. Попробуй кто-нибудь другой так же ворваться на торговую базу, он бы уже давно в тюрьме сидел. Хотел бы я на нее посмотреть с ее неотразимым депутатским мандатом, когда бы она попыталась войти на чью-нибудь частную базу. А на государственную можно, особенно если человек, отвечающий за материальные ценности, нелитовец.

Но, может быть, талант Зиты зажигать толпу и уходить с места события удастся использовать в мирных целях, на благо возрождающейся Литвы?

— Вы вернетесь к адвокатской деятельности, когда закончится депутатский срок? Может быть, в Клайпедке есть люди, которые ждут вашего возвращения, чтобы только вам одной доверить свое запутанное дело?

— Нет, адвокатом не буду, — говорит госпожа депутатша, улыбаясь. — Скорей всего, займусь преподавательской деятельностью.

Славное намерение. Она научит.

водит экономическую реформу и ее юридические знания пока пригодятся республике не могут.

Ей можно посочувствовать. Несколько лет беззаботной жизни в столице ей обеспечены. Когда ей становится от скуки невмоготу, она едет в бывший санаторий ЦК «Летува» — ее мчит туда черная лакированная «волга». Но в Клайпедке еще хуже. Знаменитым ритором Анатолием Федоровичем Кони там не станешь, в этой провинции. Правда, один человек прославил ее как город без очередей, но это было так давно и так смешно!..

— Вы сломали сложный торговый механизм в Клайпедке, но туда придется вернуться. Вы продолжите вашу торговую тему? Может быть, у вас есть собственный торговый вариант?

— Почему сломала? — откидывается к пузатой диванной спинке женщина. — Меня там не было: за неделю до погрома не было в городе, а вернулась неделю спустя. И вообще, знаете, ничего не произошло. Просто ко мне обратились рабочие с базы, чтобы я ее проверила. Вот я и проверила.

Нет, в этой женщине определенно есть неповторимое обаяние! «Обратились» к ней «рабочие». Вероятно, устно как-то обратились, потому что письменного обращения в угаре тех дней

Не хочешь — заставим

Советский Союз распался, но империя еще жива

Справедливо замечено, что советскому стилю мышления присуще наделять слова и понятия свойствами реальности. Этим грешат и те, кто утверждает, что Беловежские соглашения и алма-атинский договор о создании СНГ как бы подвели черту под распадом советской империи. То, что произошло, было не исчезновением империи, а распадом советского тоталитарного государства на отдельные части. События последних лет, и в особенности происшедшие после августовского путча, говорят о том, что основные черты, свойственные империям, продолжают активно давать о себе знать и на обломках развалившегося государства. В настоящее время они активно перемещаются из «бывшего центра» на периферию, порождая там новые очаги имперского мышления и политики.

Распространенное среди политиков, ученых, журналистов мнение, будто причиной нестабильности, насилия, войн на территории бывшего Советского Союза является Бог весть откуда взявшийся национализм, не совсем соответствует действительности. С моей точки зрения, поверхностным, а то и просто ошибочным является взгляд, что, например, развал Советского Союза «разбудил» в азербайджанцах и армянах, молдаванах и русских, грузинах и абхазах дремавшие до поры до времени гены взаимной агрессивности. Разве то, что происходило и происходит на территории нынешней Грузии, можно назвать «международными конфликтами»? Сторонний наблюдатель, не долго думая, может прийти к простому выводу, что если грузины по национальности или по паспорту воюют с абхазами по

национальности или по паспорту, то между ними происходит межнациональная война.

Хотя в военно-политические междоусобицы и втянуты люди, как правило, по национальному признаку, воюют между собой не нации, а государственно-политические образования. Воювали и воюют на обломках советской империи Азербайджан с Нагорным Карабахом, Молдова с Приднестровьем, Грузия с Южной Осетией и Абхазией, Душанбе со своей окраиной и так далее. Если принять такой подход, то, думается, он в корне меняет отношение к тому, что происходит после распада Советского Союза. Во всяком случае происходящее нельзя объяснить просто «взрывом национализма», результатом гипертрофирования национального самосознания и национальной идеи.

После развала Советского Союза как военной и культурно-конфессиональной империи «парад суверенитетов» в большинстве его бывших республик сам начал приобретать, а по сути заимствовать из «центра» механизмы имперского суверенитета. Это касается прежде всего насильственного включения или принуждения народов к жизни в государственной структуре вместе с народом, вокруг которого и под чьей эгидой эта структура образована. Это — и дифференциация населения той или иной республики с точки зрения реального права, доступа к иерархии власти,

издания законов (например, закона о языке), представляющих преимущество ее «главному» народу за счет проживающих на ее территории других народов. Это — и желание господствующей национальной элиты «однородить» по себе этническую, национальную и историческую разнородность народов и этносов. Это — и тяготение лидеров бывших республик к личной власти или поиск сильного национального лидера, воплощающего в себе идеологический имидж Верховного Правителя. Это — и стремление ряда суверенных республик создавать свою собственную армию не с целью обезопасить свои границы, а больше с целью заставить другие народы республики жить по канонам и критериям основного «государственного» народа.

Создавшиеся на обломках Советского Союза «механизмы имперского суверенитета» обычно оправдывают себя и апеллируют к международному сообществу, ссылаясь на принцип территориальной целостности и неприкосновенности границ. Последнее действительно часто подтверждает этот принцип. Но что делать, если те или иные народы и этносы, проживающие в республике, не желают жить по образу и подобию «государственного народа», не желают быть народами-изгоями на территории, на которой они десятилетиями, если не веками проживали? «Не хочешь — заставим» — таково кредо имперской политики, когда под словом «империя» имеют в виду если не насильственное, то авторитарное объединение и навязывание периферии образцов «поведения», идущих из «центра».

Призрак имперского мышления и имперской политики витает не только над указанными республиками, а над всеми республиками бывшего Союза, включая и Россию. Следует, правда, отметить, что Россия пытается все-таки пока предохранять свою федерацию политическими, а не насильственными средствами, хотя среди ее некоторых политических лидеров и проскальзывают явно имперские замашки. В зависимости от того, как поступит российский «центр» с народами, пытающимися пересмотреть Федеративный договор, будет дан ответ, стала ли Россия серьезно на путь отказа от имперского и тоталитарного мышления. Может быть, печальный опыт других республик ей подскажет простую истину: «насилъно мил не будешь», и российское руководство скажет своим горским народам: хотите отделяться — отделяйтесь, только учтите, что промежуточных отделений быть не может. Россия больше не является империей и не станет вам диктовать из «центра» как поступить. Может быть, этот шаг России привел бы к тому, что «парад суверенитетов» после распада Советского Союза избаловал бы наконец от механизмов имперского суверенитета. Пока существуют имперская политика и имперское мышление, не будет «мира под оливами» в республиках бывшего Союза.

Юрий Фурманов

Рисунок
Александра
Зудина

Китай завтра — это Советский Союз сегодня?

Эндрю Хиггинс

В прошлый понедельник два человека, у которых на двоих почти сто лет профессиональной партийной карьеры, взошли на трибуну — один в Пекине, другой в Москве, чтобы произнести речь о социализме.

В Пекине оратором был Цзян Цзэминь, генеральный секретарь компартии Китая. Выступая в Доме народных собраний, расположенном неподалеку от площади Тяньаньмэнь, перед двумя тысячами преданных коммунистов, он открыл XIV съезд КПК следующими словами: «Было бы абсолютно неправильно и вредно сомневаться, ослаблять или отрицать роль партии как ведущей политической силы».

В Москве звучали суждения прямо противоположного толка. В Москве оратором был Александр Яковлев, бывший член политбюро ЦК КПСС и пророк перестройки. Аудитория перед ним была куда меньше и трибуна значительно скромнее, чем у Цзян Цзэминя. Но тема была та же: коммунизм,

Возможно, Мао Цзэдун был неправ, и страна с миллиардным населением повторит путь не России, а Тайваня

«который не мог существовать без КГБ, трудовых лагерей и психушек», — как сказал Яковлев, обращаясь к Конституционному суду. Партия, продолжал Яковлев, могла предложить только «насилие, социальный расизм, безумную идею классовый борьбы и презрение к демократии и гуманизму».

Процессы, которые привели Цзян Цзэминя и Александра Яковлева к столь противоположным оценкам, известны. Цзян пришел к власти три года назад вскоре после кровопролития на Тяньаньмэне. Его выгнали практически из неизвестности, чтобы заменить проштрафившегося партийного руководителя Чжао Цзыяна. Яковлев, видя возможность такого же кровопролития в Москве, проделал обратный путь. Он ушел из партии, предупредив об угрозе путча.

Но будущее куда более интересно, чем прошлое. Способен ли Китай каким-то образом остаться в стороне от тех процессов, которые дискредитировали и разрушили коммунизм в России и в Восточной Европе?

Китайскую компартию преследует старый лозунг, когда-то придуманный Мао Цзэдуном в знак коммунистической соли-

Песня о кошке

О XIV съезде КПК в китайской столице напоминали лишь усиленные наряды полиции около площади Тяньаньмэнь, транспаранты, восхваляющие «великую, славную и правильную КПК», да обилие на полках магазинов магнитофонных кассет со сборником песен о Дэн Сяопине.

Названия многих песен говорят сами за себя: «Новая колыбельная специальной экономической зоны» (восхваляется Шэньчжэнь), «Ты когда-то переплыл океан» (об учебе молодого Дэна во Франции). Однако «песней года» уже сейчас называется «Песня о кошке». В ней обыгрывается сакральная фраза, сказанная прагматиком Дэн Сяопином еще в эпоху правления Мао Цзэдуна: «Неважно какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила».

Песни с кассеты Дэна пока еще не зазвучали в обязательном порядке в каждом китайском доме, как это было с цитатником «великого кормчего», но вот «идеи Дэна Сяопина» XIV съезд КПК уже объявил «фундаментом китайской общественной мысли», подняв их как минимум до уровня «идей Мао».

В свое время на VIII съезде КПК (1956 год) тогдашний генсек партии Дэн Сяопин выступил с критикой «культы личности», а сам съезд изъял «идеи Мао» из устава КПК. Впрочем, вскоре все вернулось на круги своя — в стране развернулась «культурная революция».

Сейчас Дэн, видимо, решил взять реванш у «Красного солнышка».

Александр Чудодеев

Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, переплывал Янцзы, чтобы показать миру свое крепкое здоровье.

Май 1991 года: последний визит генсека ЦК КПК Цзян Цзэминя в Советский Союз. В центре вице-президент СССР Геннадий Янаев

дарности, а ныне с удовольствием подхваченный китайскими диссидентами: «Советский Союз сегодня — это Китай завтра». Если Мао был прав, то это только вопрос времени, когда Китай откажется от однопартийной коммунистической системы.

Сколько бы пекинские лидеры ни уверяли, что у них свой вариант социализма, значение советского опыта для Китая трудно переоценить. Крах коммунизма в России особенно сильно подействовал на новое поколение китайских лидеров, людей типа Цзян Цзэминя или премьера Госсовета Ли Пэна. В отличие от поколения Мао или Дэн Сяопина они не получили идеологической закалки в китайских деревнях или на полях сражений. В 50-е годы их отправили в Советский Союз учиться, и они научились социализму не идеалистов, а бюрократов.

Учение в Москве послужило им хорошую службу. Здесь они освоили искусство, необходимое для успешной карьеры: умение выполнять приказы. Даже сейчас, когда они занимают столь значительно звучащие должности, когда за ними волочится пыльная свита и их возят в гигантских лимузинах, они лишь в незначительной степени наделены правом определять политику. Они ее только проводят.

Все эти годы приказы по-прежнему отдавал 88-летний Дэн Сяопин, окруженный такими же восьмидесятилетними старцами.

Это Дэн Сяопин ввел войска на площадь Тяньаньмэнь в июне 1989 года. Это Дэн сделал Цзян Цзэминя генеральным секретарем. Но важнее

всего то, что это Дэн начал в Китае экономические реформы, куда более радикальные, чем те, что пытался предпринять Михаил Горбачев, и если судить не по словам, а по делам, то и более радикальные, чем нынешние реформы Бориса Ельцина.

Достаточно одного примера — вопроса о земле. Через десять лет, после того как Китай закончил деколлективизацию, раздав землю сельскохозяйственным коммунальным крестьянам, законопроект, который позволил бы приступить к той же операции в России, увяз в

Верховном Совете.

Генеральный секретарь Цзян был на прошлой неделе самой заметной фигурой в пекинском Доме народных собраний. Ему доверили отчетный доклад. Но писал его не он. У него очень мало реальной власти. Пять лет назад честь открыть партийный конгресс выпала его предшественнику Чжао Цзыяну. На этот съезд бывшего генсека Чжао даже не пустили. Рано или поздно Цзян почти наверняка достигнет та же судьба.

Та легкость, с которой партийные лидеры низвергаются в Китае — за пять лет у КПК уже третий генеральный секретарь, — свидетельствует об иронии судьбы китайского коммунизма: несмотря на возвышенные слова о руководящей роли партии, сама партийная структура совершенно излишня.

Дэн Сяопин и другие ветераны, например Чэнь Юнь, руководивший центральной комиссией советников КПК, не входят ни в политбюро, ни даже в ЦК. Но именно они решают, кто и что должен говорить и делать. Бывший генсек Чжао Цзыян сам

признал это во время встречи с Михаилом Горбачевым в Пекине в мае 1989 года, сказав, что партия приняла секретное решение, сделав Дэна арбитром во всех важных вопросах.

Незначительность политической роли тех, кто торжественно восседает в президиуме партийного съезда, стала ясна после доклада Цзян Цзэминя. Если не считать, что он не произнес ни слова о политической реформе, его доклад мало чем отличался от доклада, произнесен-

ного пять лет назад его свергнутым предшественником Чжао.

Оба говорили о «второй революции», оба восхваляли Дэн Сяопина за его экономические реформы, оба призывали к рыночной экономике. Единственное различие носило лингвистический характер. Чжао Цзыян говорил в свое время только о «социалистической товарной экономике». Цзян Цзэминю разрешили убрать фиговый листок идеологической чистоты и откровенно говорить о «социалистической рыночной экономике». Смысл речей, впрочем, был тот же. Цзян Цзэминь воспользовался словами из недавней речи Дэна: рыночная экономика — «магическое оружие, гарантирующее, что дело нашей партии победит».

И в самом деле, это оружие доказало свою эффективность. В Китае экономический бум, уровень жизни растет. В отличие от России, где уровень инфляции в этом году достигнет 2200 процентов, а курс рубля и производство падают.

У этого магического оружия есть один существенный недостаток, как минимум, в том, что касается гарантии выживания партии и обеспечения процветания страны. Его создатель — Дэн Сяопин — очень стар.

Пока он жив, вся структура современного Китая, партия и армия — все держится на нем. Не рассыплется ли все после его смерти?

Вряд ли компартию Китая постигнет такой же крах, как КПСС. Но столь же маловероятно, что Цзян Цзэминю или любому другому номинальному наследнику Дэн Сяопина удастся сохранить компартию в ее нынешнем виде. Генсек Цзян и другие члены ЦК — за исключением, пожалуй, вице-премьера Чжу Жунци — не лидеры, а ведомые последователи. Лучшее, на что они могут надеяться, это последовать примеру Тайваня.

Гоминьдан тоже был партией ленинского типа, не менее приверженной в свое время идее однопартийной системы, и также использовал гигантский репрессивный аппарат. Но после смерти Чан Кайши Гоминьдан начал меняться. Гоминьдан по-прежнему проводит партийные съезды с оформлением в тех же красных тонах и с лозунгами, схожими по форме, если не по содержанию, с теми, что можно было видеть на прошлой неделе в Пекине. Однако на Тайване властвует не партия, а экономика.

Компартия Китая вполне может избежать унизительной судьбы КПСС и продолжать каждые пять лет созывать свои съезды. Но идеологические заклинания КПК будут неизбежно терять свою силу.

В конце концов секретное оружие Дэн Сяопина спасет лишь оболочку социализма. Реальную власть партии не удержать.

ЛОНДОН

Фото из журнала

«Фар истери экономик ревью» (Гонконг)

Заместитель премьера Госсовета Чжу Жунци — восходящая звезда на пекинском Олимпе

О бедном Кашмире замолвите слово

«Если и есть рай на Земле, то он в Кашмире», — писал персидский поэт. Сегодня бывшее княжество, разорванное Индией и Пакистаном, — это ад, о котором международное сообщество предпочитает не вспоминать

Яков Боровой,
специальный корреспондент
«Нового времени»

Зеленые долины и голубые озера, потоки чистой горной воды и сосновые леса — таков Кашмир, расположенный в самом сердце Азии, на перекрестке Индии, Пакистана, Китая и Афганистана. Узкая полоска земли отделяет «счастливую долину» (так называли Кашмир англичане) от бывшего Советского Союза. Рай для туристов. Ад для жителей этого края, раздираемого двумя азиатскими гигантами — Индией с ее сонмом индуистских богов и мусульманским Пакистаном.

Как хорошо быть махараджей

Кашмир долгие годы был независимым княжеством. В XIII веке жители «счастливой долины» приняли ислам. Пик расцвета Кашмирского княжества, в состав которого входили в то время и Тибет, и Кабул, приходится на рубеж XIV—XV веков. Именно тогда у подножия Гималаев были построены великолепные города, мосты, форты... Жители пользовались самой совершенной в то время системой ирригации. Это был период расцвета искусств.

В 1587 году Кашмир, утратив независимость, стал частью Могольской империи. Два века спустя перешел под афганскую корону. В 1819 году сюда пришли сикхи. Все иноземные правители были тиранами, но при сикхах национальное порабощение было подкреплено религиозным. Мусульман считали гражданами второго сорта. За убийство сикха виновный платил родственникам четверть установленного судом штрафа, за мусульманина — восьмую часть...

Мусульманские фундаменталисты выступают за присоединение Кашмира к Пакистану
Фото из журнала «Тайм» (США)

16 марта 1846 года Кашмир был аннексирован англичанами. Индийское меньшинство стало играть доминирующую роль в общественной жизни страны. Последователи Аллаха так и остались второсортными гражданами. Одно из новых ограничений — им категорически запрещалось резать коров, священных для индуистов животных...

В княжестве неоднократно вспыхивали восстания. Колониальные власти сочли за благо продать строптивую провинцию индийскому махарадже из княжества Джамму за символическую сумму в 7,5 миллиона

ЛОРД
МАУНТБЕТТЕН:

Британскую Индию надо поделить по справедливости между индустрами и мусульманами

ДЖАВАХАРЛАЛ
НЕРУ:

Мы подчинимся волеизъявлению кашмирцев

НИКИТА
ХРУЩЕВ:

Пакистан надо наказать...

индийских рупий (380 тысяч долларов). Так и сложилась в Кашмире к концу второй мировой войны парадоксальная ситуация: 77 процентов населения — мусульмане, но правила ими индийские махараджи.

Яблоко раздора

Бывший британский доминион разделился на две части — собственно Индию и Пакистан. А что же Кашмир? Он стал в период раздела Британской Индии яблоком раздора.

По плану последнего вице-короля Индии лорда Маунтбеттена те штаты, где доминируют индустры, должны были перейти к Индии, где мусульмане — к Пакистану. Так, в общем-то, везде и случилось. Кроме Кашмира.

Вопреки воле большинства населения — мусульман — последний махараджа Хари Сингх объявил о присоединении княжества к Индии. В кашмирскую долину вторглись индийские вооруженные формирования. Тогда Пакистан направил туда своих «добровольцев». Между молотом и наковальней оказалась местная мусульманская партия «Национальная конференция», выступавшая за независимость Кашмира. Восстание под ее руководством было подавлено. В октябре 1947 года индийские десантники вступили в бой с пакистанцами. Так начался первый индийско-пакистанский конфликт вокруг Кашмира.

В то время индийское правительство подчеркивало временный характер присоединения Кашмира к Индии — до проведения там плебисцита. Об этом свидетельствуют документы. Вот некоторые из них:

26 октября 1947 года. Из письма премьер-министра Индии Джавахарлала Неру британскому премьеру Клементу Ричарду Эттли:

«Со всей прямотой хочу вас уверить, что наша помощь Кашмиру в час испытаний ни в коей мере не направлена на то, чтобы оказать воздействие на княжество с целью присоединения его к Индии. Наша точка зрения, которую мы неоднократно публично подтверждали, сводится к тому, что присоединение спорной территории может произойти только в соответствии с волей проживающего там народа. При любых обстоятельствах мы подчинимся волеизъявлению кашмирцев...»

31 октября 1947 года. Из телеграммы Дж. Неру премьер-министру Пакистана Лиакат Али Хану:

«Индия предоставляет гарантию того, что наши войска незамедлительно будут выведены из Кашмира, как только мир и порядок будут восстановлены в этом регионе. Что же касается дальнейшей судьбы Кашмира, то решение полностью зависит от жителей этого княжества...»

2 ноября 1947 года. Из радиобращения Дж. Неру к народам Индии:

«Мы торжественно заявляем, что судьба Кашмира будет определяться самими кашмирцами... После восстановления мира и порядка в регионе в Кашмире должен быть проведен референдум (плебисцит) под беспристрастным наблюдением Организации Объединенных Наций. Мы с уважением отнесемся к любому вердикту кашмирского народа.»

Установленная временно 27 июля 1949 года линия прекращения огня разделила

Кашмир (с населением в 12 миллионов человек) на две части: 63 процента территории перешло к Индии и 37 процентов к — Пакистану. Опять же временно — до плебисцита.

...Нет ничего постоянного временных решений. Прошло уже более 40 лет, но обещанный Индией плебисцит не проведен... Более того, Кашмир даже лишился тех कुछ привилегий, которые он имел при махарадже.

Хроника событий:

Январь 1952 года. Дж. Неру заявил о том, что, так как Пакистан вступил «в военное сотрудничество с великой державой» (читай США), «присоединение Кашмира к Индии является окончательным и неизменным».

Июль 1952 года. Между махараджей и центральным правительством подписано соглашение, по которому Кашмир вошел в состав Индии на правах штата (Джамму и Кашмир).

Ноябрь 1956 года. Учредительным собранием принята конституция Кашмира. Ее 3-я статья гласит: «Кашмир является и остается составной частью Индийского союза».

Исходя из этого, правительство Индии считает вопрос о вхождении Кашмира в состав Индии окончательно решенным. На сей счет все политические партии страны единодушны.

Ни многочисленные резолюции ООН с требованиями о проведении референдума в Кашмире (в резолюции Совета Безопасности от 5 января 1949 года говорится: «Будущий статус Кашмира должен быть определен в результате свободного и честного плебисцита, проведенного под эгидой Организации Объединенных Наций»), ни бесчисленные двусторонние переговоры, ни, наконец, две крупномасштабные войны между Индией и Пакистаном не изменили статус-кво «счастливой долины». Индия отказывалась выполнять решения международного сообщества, опираясь на поддержку Москвы.

Однажды Никита Хрущев в частной беседе сказал, что Пакистан надо наказать за его участие в агрессивных блоках — СЕАТО и СЕНТО — и за его тесные связи с американскими империалистами.

В свою очередь Пакистан аннексировал северную часть Кашмира. В дальнейшем некоторые районы отошли непосредственно к Пакистану, а на основной части территории было создано не признанное никем государство «Азад Кашмир» («Свободный Кашмир»), находящееся под контролем Пакистана. Впрочем, по индийской терминологии, это «оккупированная Исламабадом часть штата Джамму и Кашмир...»

Два процента полицейских

Профессор Абдул Каюм, президент Пакистанского института региональных проблем, еще десять лет назад носил генеральский мундир. Теперь он — видный ученый. Институт существует с 1982 года и, несмотря на крайне малочисленный штат (всего 12 сотрудников), завоевал в мире репутацию одного из крупнейших исследовательских центров по Югу Азии. Итак, взгляд из Исламабада на кашмирскую проблему.

— «Величайшая демократия в мире», ко-

торая всюду рекламирует свою приверженность гуманизму, — самая урядная колониальная держава, — говорит Абдул Каюм. — Дели провозвещает в отношении своей колонии — Кашмира — политику «культурной агрессии». Язык местных жителей кашмири, кстати, один из 14 официальных языков Индии, искусственно уродуют словами из санскрита и хинди. Из сферы употребления вытесняется урду — официальный язык Пакистана.

«Культурная агрессия» подкрепляется «демографической», считает профессор. В 1941 году в Кашмире мусульмане составляли 77 процентов населения, 20 лет спустя — 74, а в прошлом году эта цифра упала до 64 процентов. Демографическая карта Кашмира искусственно изменяется. Только, по официальным данным, за последние годы в «счастливой долине» поселились до 800 тысяч индусов. Нашествие мигрантов разрушает мусульманское своеобразие штата.

Если в «Азад Кашмире» доход на душу населения в год составляет 450 долларов, с гордостью поведает профессор, то на оккупированной территории — 260; число грамотных в «Азад Кашмире» — 56 процентов, в индийском штате — 26... Двухсоттысячная индийская армия дислоцирована в Кашмире. 16 тысяч секретных сотрудников следят за «благочестием» 7 миллионов кашмирцев. Международным правозащитным организациям въезд в Кашмир закрыт. Кашмирцы покидают родные очаги. Полтора миллиона из них осели в Пакистане, 300 тысяч живут в Великобритании, 100 тысяч разбросаны по всему свету.

Увы, мусульмане подвергаются дискриминации не только в Кашмире, уверял меня профессор. Мусульманская община в Индии — кстати, вторая (после Индонезии) по численности в мире — испытывает чувство ущербности. Вновь апеллирую к цифрам: 83 процента индийских мусульман считают, что они подвергаются дискриминации. И не без оснований: доля мусульман в высшем эшелоне государственной службы едва достигает отметки в 7 процентов. Доля мусульман-полицейских сократилась с 40 процентов (в 1947 году) до 2 (в прошлом году)...

Бородачи в ночи

Сценарий каждодневного насилия в Кашмире словно написан драматургом среднего пошиба. Он прост и банален. Некий сепаратист стреляет из густонаселенного квартала в конвой индийцев. Один или несколько солдат гибнут. Товарищи погибших прочесывают дома в поисках террористов. Разумеется, никого не находят. Вся ярость выливается на виновных людей. Мужчин забивают до смерти, женщин насилюют, дра-

гоценности крадут... Уничтоженные «стражами порядка» гражданские лица в официальной статистике проходят как «погибшие в результате перекрестного огня». А что дальше? У кого опозорена жена, тот берет в руки оружие, кто потерял старшего сына, тот посылает на войну младшего...

Движение сепаратистов все более приобретает криминальный характер. Уезжают богатые мусульмане, которые не хотят, чтобы к ним вновь являлись молодые бородачи с зелеными повязками на лбу с требованием дать денег или выдать дочь за одного из своих боевиков под дулом автомата Калашникова. Исламистские группировки, борющиеся за присоединение Кашмира к Пакистану, не гнушаются похищением иностранцев. Террор отпугивает туристов. Терпит убытки и местная экономика, во многом ориентированная на туризм. Но это, похоже, не смущает исламских боевиков. «Истинный мусульманин должен вести джихад, даже если ему придется страдать», — говорит Саджад Ахмед, руководитель фундаменталистской группировки «Харакат-уль-моджахедин». Фундаменталисты не намерены действовать в рамках международного права. «Плебисцит? Мы отвергаем это чуждое правоверным понятие. Мусульманам должен править не составленный людьми закон, а Коран. Борьба идет не за кусок земли, а за идеологию ислама», — сказал мне один из фундаменталистов.

Многие боевики прошли обучение на пакистанских военных базах. Сейчас их число увеличилось за счет афганских моджахедов, оставшихся не у дел после победы «исламской революции» на их родине.

Партизанская война может продолжаться до бесконечности. Индийцы из Кашмира не уйдут. Губернатор штата Джамму и Кашмир Гирш Саксена говорит: «Правительство может десятилетиями выдерживать такой уровень потерь».

Так где же выход из кашмирского тупика? Министр иностранных дел Пакистана Мохаммад Сиддики Хан Канджу сказал мне:

— Прежде всего необходимо добиться демилитаризации Кашмира, то есть вывода с его территории иностранных войск. Затем кашмирский узел уже предстоит распутывать самим кашмирцам на плебисците, который надлежит провести под опекой международного сообщества.

— А что будет, если кашмирцы выскажутся за независимость?

— Вопрос должен стоять так: либо присоединение к Индии, либо — к Пакистану. Иного не дано.

...Куда податься бедному кашмирцу?

ИСЛАМАБАД—РАВАЛПИНДИ—МОСКВА

Звонок из Москвы: «Ну что, у вас там, говорят, решили не делиться?»

Если коротко (сообщив сам факт, а не то, что за ним, как то сделали некоторые наши средства массовой информации) представить последнюю новость театра политических действий Чехо-Словакии, то она и в самом деле выглядит оптимистично: Федеральное собрание приняло не закон о способах разделения государства, как это предполагалось, а постановление о подготовке закона о создании Чехо-Словацкой унии.

Агония?

Итак, решили не делиться? Всего лишь трансформироваться? И не раз предсказанный кое-кем бархатный развод не утопия — реальность? А чего же тогда Федеральное собрание прервало свою работу, местные газеты запестрели тревожными заголовками: «Конституционный кризис», «Конфликт нарастает», а некоторые западные констатируют, что «от бывшей международной репутации страны, тесно связанной с такими именами, как Гавел и Дубчек, мало что осталось?»

Александр Дубчек в тяжелейшем состоянии лежит в больнице — автокатастрофа. Вацлав Гавел после своего ухода с поста президента, воспринятого многими тоже как своего рода катастрофа, впервые в эти дни появился перед общественностью на презентации своей новой книги. И заявил: трансформация из федерации в унию — «это лишь способ продлить агонию государства». И, более того, «чистойшей утопией».

В устах стойкого федералиста, человека, которого не раз противники, и не только они, упрекали в утопическом идеализме за его стремление соединить мораль и политику, согласитесь, этот вывод звучит весьма предостерегающе. Уния и невозможна — чешская правительственная коалиция на нее не пойдет. Ее глава Вацлав Клаус не раз заявлял об этом. Да и попросту не функциональна. Ведь фактически федерации как таковой уже нет — что трансформировать? Смотреть правде в глаза — одни политики этого боятся, другие просто предпочитают ложь. Миф. Утопию. И спекулируя на чувствах людей — делиться-то большинство не хочет, — наживают себе политический капитал.

Если разводиться, то поскорее

Решению Федерального собрания о предполагаемой унии, которое вызвало тут такую бурю страстей, пред-

Так кто за утопию?

С правыми иметь дело проще, чем с левыми

Вацлав Клаус с решением Федерального собрания не согласен...

Фото из газеты «Днес» (Чехо-Словакия)

шествовали месяцы переговоров между правительственными коалициями Чехии и Словакии, возглавляемыми соответственно Гражданской демократической партией и Движением за демократическую Словакию. Переговоры шли трудно, неровно, нервно, с взаимными упреками в виновности за развал страны. Но наконец все же было достигнуто соглашение: предложить Федеральному собранию проект закона о спорах раздела государства. Иными словами, реальность, возникшая в последние месяцы, была признана. Чего до сегодняшнего дня не желает признавать оппозиция. Левый блок продолжает заклинать — только единое государство — и ведет шумную кампанию за референдум — пусть, дескать, решит народ. На референдуме настаивал и Гавел, но в иное время, в иных обстоятельствах, когда еще можно было избежать резкой поляризации сил, приведшей к власти в Чехии «правую», как тут говорят, а в Словакии «левую». Выборы и стали своеобразным референдумом. И хотя здравомыслящие люди утверждают, что на них победил просто страх: в Чехии перед возвращением хорошо известных тягот

коммунистического вчера, в Словакии перед предрекаемыми трудностями капиталистического завтра, реальность есть реальность. Капитализму и национал-социализму, как тут определяют пришедшие к власти коалиции, под одной крышей не жить. И референдум сегодня — это тупик. А того хуже — хаос. Чем быстрее произойдет развод, тем менее болезненно он пройдет для людей. Но оппозиция продолжает твердить свои прекраснотушные лозунги. Она, оппозиция, и подготовила решение об унии. И все же, как могла победить в парламенте левая оппозиция, если правящая коалиция, пришедшая к соглашению, имеет в нем большинство? Как выяснилось, очень просто: к оппозиции примкнули депутаты от Движения за демократическую Словакию, которое возглавляет Мечияр. Словаки к чехам. Вот это была неожиданность. Впрочем, не такая уж неожиданность: метания на словацкой стороне, непредсказуемые поступки и заявления Мечияра хорошо известны. Одно дело все же разыгрывать национальную карту, другое — управлять национальной экономикой. Если чешские политики торопят развод, в Словакии явно занялись проволочками.

Дефицит бархата

Как «угрозу для демократических процессов в стране» сразу же расценил результаты голосования Вацлав Клаус. «Коммунисты всех мастей похоронили поиск спокойного выхода из кризиса и открыли путь диктатуре и бесконтрольности», — заявила газета «Лидове новины».

На данном этапе общественного развития в Чехо-Словакии снова побеждает утопия — как-то никак с ней не могут расстаться и современные коммунисты, хотя изо всех сил стараются откеститься от своих предшественников. Кстати, один из таких предшественников, бывший первый секретарь пражского горкома и член президиума ЦК КПЧ Штепан вновь заставил говорить о себе. Его, посаженного в свое время в тюрьму за слишком рьяные действия против участников ноябрьской революции, вновь приняли в партию! И хотя руководитель компартий Чехии и Моравии от этого решения стараются отмежеваться, мастерица на предостережения Клио не случайно напомнила о себе

именно в эти дни.

«Драматические события этих дней показывают, как любое промедление, любое проявление слабости может обернуться катастрофическими последствиями», — сказал на днях не склонный к преувеличениям Вацлав Клаус, известный скорее своей уверенностью, прагматизмом, чем слабостью, колебаниями, заявил, что переговоры чешской и словацкой сторон будут продолжены. А Мечияр ответил на это по-мечияровски: сначала от запланированной встречи отказался — «только не в Праге», затем все же приехал в Чехию и — у национал-социалистов, это мы знаем и по собственному опыту, твердолобость непостижимым образом сочетается с непредсказуемостью — вернулся к ранее согласованным с чешской стороной позициям.

А вот правые — многие у нас еще пугаются этого определения, — преодолели экстремистские настроения в своей среде, на переговорах в местечке Колодейя продемонстрировали готовность приложить максимум усилий, чтобы ввести процесс развода в цивилизованное русло, на что так надеется вся Европа. В результате Чехо-Словацкая Уния с большой буквы превратилась в серию уний с маленькой: таких, как валютная, таможенная.

Каждый остается в своем амплуа. Вацлав Гавел на той, посвященной его новой книге встрече, снова получив свою порцию упреков в утопическом идеализме, в свойственной ему манере улыбнулся: «Прагматиков достаточно, нет нужды, как выяснилось, и в оппортунистах, пусть будет и тот, кто напоминал бы людям о долговременных ценностях».

Книга его называется «Уважаемые граждане». Отчет о ее презентации одна из газет поместила под рубрикой, продолжающей цитату: «Уважаемые граждане, вас ждут горькие времена». Утопии потому и утопии, что, никогда не согласуясь с реальностью, приносят людям лишь горечь вместо обещанной сладости.

Когда-то Елену Боннэр спросили, чему главному она научилась у Сахарова. Она ответила: мужеству додумывать мысль до конца. Этого мужества многим сегодня не хватает: и политикам, часто выдающим желаемое за действительное, и тем, кто этих политиков приводит к власти, теща себя некими иллюзиями. На звонок из Москвы, увы, приходится ответить: сообщение о предполагаемой Чехо-Словацкой унии напрасно прозвучало в начале оптимистически. Делятся чехи и словаки, делятся. И, к сожалению, не столь бархатным образом, как предполагалось.

Инна Руденко,
соб. корр. «Нового времени»
ПРАГА

Смертельный конжур у берлинской стены

Константин Исаков

В былые времена у любой восточноевропейской границы чувствовалось неуютно. Но у германо-германской пробирал жуткий холодок: здесь людей убивали хладнокровно и на законном основании. «Машиной смерти» длиной в 1393 километра называли эту границу в Западной Германии.

Пограничники ГДР стреляли в нарушителя границы без предупреждения. Они обязаны были «с первого выстрела поражать цель». Если перебежчика не догнала

На воздушном шаре, самодельной субмарине, в багажниках машин люди бежали из ГДР на Запад. Остановить беглецов не могла даже «машина смерти»

солдатская пуля, то его ждали минное поле или автоматические самострелы. Его могли разорвать на куски специально натренированные волкодавы.

«Товарищ Ульбрихт считает необходимым...»

Более тридцати лет берлинская стена и германо-германская граница оставались образцом непроходимого, непролетаемого и непроплываемого рубежа. Здесь проходил настоящий «железный занавес» между Востоком и Западом — из бетона, колючей проволоки под током и сторожевых вышек.

В 1961 году, когда была возведена берлинская стена, Эрих Хонеккер был членом политбюро ЦК СЕПГ и секретарем Национального совета обороны. К нему стекалась вся информация о происшествиях на германо-германской границе. Сообщение о первой жертве берлинской стены 24-летнем Гюнтере Литфине, который пытался бежать из социализма, переплыв один из рукавов Шпрее, легло на стол Хонеккера, до того как труп перебежчика вынули из воды.

Повинен ли Хонеккер в убийстве 49 человек, определит открывшийся в ноябре Берлинский окружной суд. Приказ с подписью бывшего лидера ГДР убивать людей на границе не найден. Многие немцы, однако, помнят произнесенную им 31 год назад фразу: «В отношении предателей и нарушителей границы следует применять оружие».

Основная причина строительства стены заключалась в неспособности восточногерманской модели социалистической экономики соревноваться с экономикой ФРГ. От 300 до 500 тысяч немцев убеждали в этом ежедневно, пересекая границу Западного и Восточного Берлина. Десятки тысяч из них не возвращались домой. В 1961 году бегство приняло катастрофические для ГДР масштабы. За полгода на Запад сбежали более 100 тысяч человек.

Каждый новый этап «советизации» ГДР, то есть внедрения на немецкой земле опыта социалистической коллективизации, индустриализации и культурной революции, отражался на составе эмигрантов: рабочие, крестьяне, ремесленники, студенты, инженеры, врачи, юристы. С 1958 года на Запад устремились квалифицированные рабочие и техническая интеллигенция.

Берлинская газета «Тагесшпигель» привела высказывание Никиты Хрущева, после того как стена была возведена: «Я знаю, что стена — ужасное дело. Придет день, и она исчезнет. Но лишь тогда, когда будут устранены причины, побудившие к ее возведению. Что я должен был делать? Только в июле ГДР покинули более 30 тысяч жителей, причем лучших и наиболее старательных. Нетрудно было рассчитать, когда восточногерманская экономика потерпит крах, если мы не предпримем чего-нибудь

Эрик Хонеккер инструктирует пограничников: «В отношении предателей и нарушителей границы следует применять оружие»

против массового бегства... Существовали лишь две возможности: воздушный барьер и стена. Первый привел бы нас к серьезному конфликту с Соединенными Штатами, не исключено, даже к войне. Такой риск я не мог и не хотел допустить. И так, оставалась стена. Не хочу скрывать также, что я был последней инстанцией, отдавшей соответствующий приказ».

Обнаруженные в секретных архивах ЦК СЕПГ документы позволили, однако, некоторым немецким политологам сделать иной вывод: хотя Москва и допускала возможность раздела Берлина, главным архитектором берлинской стены был Вальтер Ульбрихт. Вот что писал Хрущев в октябре 1960 года в ответ на послание Ульбрихта:

«Дорогой товарищ Ульбрихт! ЦК КПСС получил Ваше письмо от 18 октября 1960 года по вопросам, касающимся Берлина.

Мы считали бы целесообразным обменяться мнениями по всем затронутым в этом письме вопросам во время Вашего пребывания в Москве в ноябре сего года. При этом мы имеем в виду, что до обмена мнениями в Москве не будут проводиться мероприятия, изменяющие положение на границе Западного Берлина».

Через пять месяцев в марте 1961 года идея закрыть границу с Западным Берлином была отклонена на московском заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Но Ульбрихт продолжал настаивать и убеждать советских руководителей, что иначе не избежать краха экономики ГДР и военной агрессии НАТО. Согласно союзникам он получил в начале августа в Москве на встрече генеральных секретарей компартий социалистических стран. А 7 августа на заседании политбюро ЦК СЕПГ был определен день «Х».

Возведенная в ночь на 13 августа 1961 года и названная руководством ГДР «защитным антифашистским валом», берлинская стена вслед за ГУЛАГом стала символом коммунистического тоталитарного строя. В одну ночь оказались расколотыми тысячи немецких семей, которые стремились к воссоединению с неизлечимой никакими репрессиями страстью. Стена породила невиданное доселе всенародное движение — сродни соревнованию смертников — за преодоление социалистического барьера.

Преодоление коммунистического рубежа требовало отчаянной смелости и самоотверженности. В западногерманской литературе этот феномен окрестили «стенной болезнью».

Тещу спрятали в багажник

В течение нескольких первых недель после закрытия границы с Западным Берлином оставалось немало лазеек, где временные заграждения еще не были заменены на бетонную стену. Граница пролегла в том числе и через жилые здания, в которых успели замуровать только первые этажи. Но можно было спрыгнуть в Западный Берлин из окон остальных этажей. Внизу прыгунов ждали растянутые западногерманскими пожарными брезентовые полотна. Но прыгающих было так много, что брезент не выдерживал и рвался. Люди разбивались насмерть. Одну 77-летнюю frau, перелезшую через окно, но не решавшуюся прыгнуть со второго этажа, восточногерманские полицейские попытались втащить за руки обратно в комнату. Но ее уже держали за ноги по ту сторону границы... По ночам с крыш домов, прилегавших к границе, через заграждения перекидывали тросы и канаты и по ним спускались за границу.

Власти Восточного Берлина вскоре сделали соответствующие выводы: были снесены практически все жилые дома, находившиеся в непосредственной близости от границы. Долго не решались поднять руку на евангелическую церковь на Бернауэр-штрассе. Службы в ней запретили сразу же после возведения стены, но церковь стояла в пограничной зоне и ею как прикрытие пользовались перебежчики. В 1985 году церковь все же взорвали.

До того как в июне 1962 года началось строительство параллельной стены, можно было прорваться через заграждения в некоторых местах, перерезав колючую проволоку. Или протаранив стену тяжелым грузовиком или автобусом. Шофер-смертник погибал обычно первым. В 1961 году стена была пробита в 14 ме-

стах и в 10 взорвана. Иногда перебежчиков прикрывали огнем западноберлинские полицейские, и тогда потери несли пограничники ГДР.

Когда стену нельзя было одолеть силой, ее брали хитростью.

Одному австрийцу удалось вывезти свою восточноберлинскую невесту и тещу, спрятав их в багажнике открытого двухместного автомобиля, который промчался под пограничным плагбаумом. Не раз побег

Восточногерманские полицейские пытались втащить за руки 77-летнюю женщину назад, в социализм, но ее уже держали за ноги по ту сторону границы

удавался группам немцев, передевавшихся в форму советских офицеров. Отдав честь, они смело переезжали в Западный Берлин.

В музее берлинской стены в районе Темпельхоф хранится уникальный экспонат — крохотный автомобиль «изетта». Спрятаться в нем считалось невозможным, а потому пограничники не обыскивали машину. Между тем в 1964 году вместо печки и аккумуляторных батарей в ней удалось вывезти 9 человек. Спрятавшись в багажниках, на Запад благополучно переправились более 38 тысяч человек.

Волкодавы рвали и пограничников

Но с каждым годом 1393 километра германо-германской границы становились все неприступней. К началу 80-х годов она представляла собой почти непроницаемый рубеж между двумя мирами.

Непосредственно пограничным сооружениям предшествовала 5-километровая зона (в черте Берлина 100-метровая запретная зона была введена в июне 1963 года), закрытая для прохода, проезда и пролета. Об этом предупреждали соответствующие щиты с грозным текстом. Проживающим в этой зоне ставили соответствующую отметку в паспорте. Жители такой зоны были ограничены не только в передвижении, но и в развлечениях. Им запрещалось за-

суживаться на собраниях, праздниках и вечеринках позднее 22.00.

Затем начиналась 500-метровая гордость министерства госбезопасности ГДР.

За трехметровым забором из колючей проволоки шли контрольно-следовая полоса, контактные ограждения (при пересечении луча между фотоэлементами раздавались звуки сирены или выстрелы сигнальной ракеты). Затем на расстоянии 200 метров друг от друга по цепи бегали волкодавы. Их специально тренировали так, чтобы собака рвала человека на куски. Бывало, под горячую лапу попадали и сами пограничники. Ближе к границе ФРГ расставлялись противотанковые «ежи», надолбы. 664 километра границы были заминированы. Кроме того, до 1984 года каждый километр был оборудован восемью автоматическими самострелами. Границу охраняли 46 тысяч специально обученных пограничников.

К 1989 году на германо-германской границе были застрелены 224 человека (78 из них погибли у берлинской стены), 700 — ранены. В Германии, однако, полагают, что число жертв «машины смерти» гораздо больше. За попытку побега или его подготовку к различным срокам тюремного заключения были осуждены 60 тысяч человек.

Совершенствующиеся меры безопасности на границе стимулировали и развитие техники ее преодоления, несмотря на строжайший запрет конструировать самодельные летающие и плавающие средства.

Из мопедного мотора молодой немец сконструировал минисубмарину и за 5 часов преодолел 25 километров по Балтийскому морю, доплыл до Дании. Изобретением беглеца заинтересовалась крупная западногерманская фирма, которая тут же заключила с ним контракт на конструирование серийной модели такого аппарата для подводной охоты и спасательных служб.

В 1979 году на самодельном воздушном шаре в Западную Германию бежали две семьи из 8 человек. У воздухоплатателей любителей не было никаких специальных знаний в области аэродинамики. По наитию, кинофильмам и романам Жюль Верна они тайком построили самый большой в Европе воздушный шар высотой 28 метров. Пролетев 40 километров над

территорией республики, они чуть было не погибли от огня противоздушной обороны ГДР.

Из туалета в пекарню по подземному ходу

Особая глава принадлежит туннелям и подземным ходам, наиболее трудоемкому, но достаточно надежному способу преодоления препятствий. Многие соотечественники Бернхарда Келлермана, написавшего в 1913 году фантастический роман о строительстве туннеля под Атлантическим океаном, в совершенстве владели мастерством землекопов.

Для этого необходимо было выбрать туалет во внутреннем дворе или арендовать подвал пекарни на западной стороне.

Осенью 1964 года был прорыт самый длинный туннель между Западным и Восточным Берлином длиной 145 метров. Полгода его строили 36 молодых немцев, преимущественно студенты. Высота сводов не превышала 70 сантиметров. Передвигаться по нему можно было только по-пластунски. Тяжелее всего пришлось старику с большим сердцем, который едва не умер на 12-метровой глубине. Пока восточногерманские полицейские не обнаружили ход, по нему сбежали 57 человек.

По свидетельству журнала «Конкрет», в строительстве этого и еще шести туннелей участвовал студент-физик Свободного университета Западного Берлина Рейнхард Фуррер, впоследствии ставший астронавтом ФРГ. Он же прикрывал отход последней группы беглецов.

Самой главной опасностью, которая подстерегала землекопов, была осадка грунта. Обнаруженные подземные ходы полицейские забрасывали ручными гранатами. И все же в первые годы после строительства стены около полутора тысяч молодых немцев по обе стороны границы «работали» проводниками.

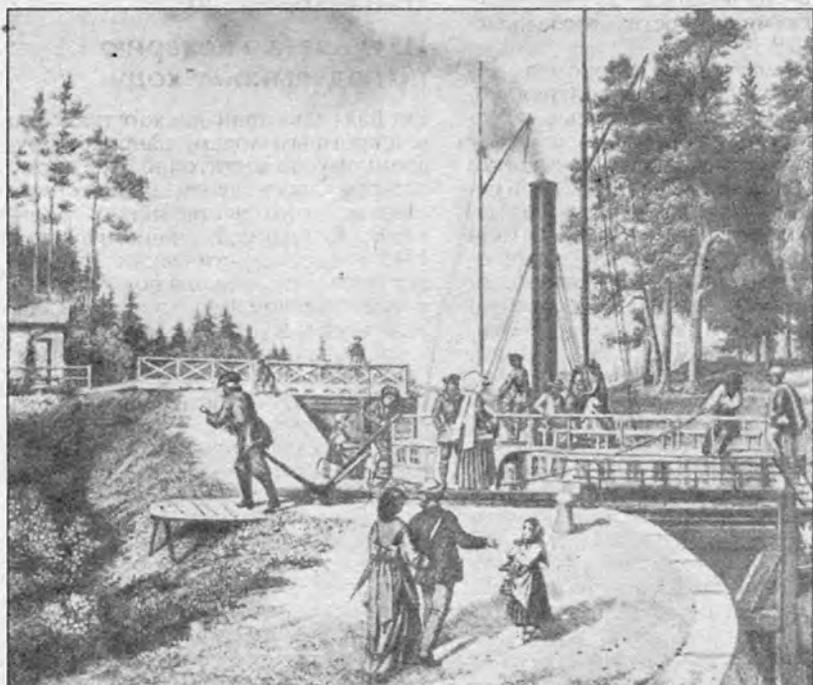
Пойманному на границе грозило 16 месяцев тюрьмы. За «оказание помощи при побеге из республики» — 4 года. За организацию массового побега — пожизненное заключение. Но через неприступный рубеж бежали. И не только гражданские. За 31 год существования стены на Запад бежали 23 тысячи восточногерманских полицейских и пограничников. Всего же за время существования ГДР с 1949 года против режима «проголозовали» ногами более 3 миллионов человек. Шестая часть населения республики.

19 января 1989 года Эрих Хонеккер заявил: «Стена простоят еще и 50, и 100 лет — до тех пор, пока не будут устранены причины, обусловившие ее возведение». Стена не отпраздновала свой юбилей. Борец за светлое будущее восточных немцев ошибся на 99 лет.

Фото из книг «13 август» и «Это случилось у стены» (Германия)

Спрятав тещу в багажник этой машины, а невесту за сиденье, один австриец вывез их в Западный Берлин

Так выглядел Саименский канал в 70-е годы прошлого века

Розы и розги

Елена Каменская

Каким образом финны впали в грех «финляндизации», или Памятные даты политического календаря

О финнах во времена Тацита было известно, что им («фенам») «присущи поразительная примитивность и страшная нищета. У них нет ни оружия, ни лошадей, ни жилищ... В стороне от людей, в стороне от богов они достигли самой трудной цели, а именно: у них нет уже никаких желаний».

Преимущество почти в две тысячи лет позволяет заметить некоторую поспешность заключения историка — желаний не было не «уже», а «еще».

Известно, что под теплым солнцем юга все происходит быстрее, холодный же северный климат располагает к приличной неторопливости. Поэтому — где теперь римляне? Финны между тем процветают. Так что, опустив восемнадцать прошедших с тех пор столетий с их медленным течением, остановимся в XIX веке, когда в результате русско-шведской войны, которую в Финляндии называют финской, княжество обнаружило себя не под когтистой лапой поджарого шведского льва, а осененной отеческими крыльями двуглавого российского орла.

17 сентября (1809 год)

Согласно Фридрихсгамскому миру, подписанному в этот день Россией и Швецией, Финляндия на правах Великого княжества отошла к державе-победительнице. Многие шведоязычные финские аристократы выражали недовольство невниманием шведской короны к проблемам Финляндии, и в 1808 году к Александру было даже сна-

ряжено посольство из представителей разных губерний и сословий — бить челом и просить на конституционное царство.

Великий князь Финляндский проявил подлинное великодушие к покоренной земле, позволив ей сохранить свою автономию и свое особое положение внутри империи — как образец либеральных чаяний и начинаний молодого императора.

Финская аристократия, самой характерной фигурой которой в начале века был отставной офицер шведской армии, владелец скромного поместья, — эта аристократия, воспитанная в традициях служения отечеству и верности правителю, без особых усилий, а иногда даже с известной охотой переориентировалась с Запада на Восток, где ей открывались новые, более широкие возможности.

Проблема была в другом: люди, составлявшие элиту и считавшие себя финнами, существовали внутри шведской культуры, говорили и писали по-шведски и финского языка не знали. При переориентации на Восток и столкновении с чужеродной русской культурой встала проблема «определения себя».

Идея ассимиляции, высказанная несколькими сановниками, преуспевшими на русской службе, решительно ни в ком сочувствия не встретила. Чтобы стать нацией, «финляндцам» предстояло сделать решительный выбор в пользу финского языка и финской культуры, то есть совершить огромное интеллектуальное усилие — отказаться от родного языка и выбрать другой, еще не развитый и бедный, но единственно пригодный, как считали финские идеологи, для того чтобы стать основой национального духа и новой национальной культуры.

Президент Паасикиви и член политбюро Андрей Жданов, назначенный в Финляндию комиссаром, сразу после окончания второй мировой войны

Неоспоримые заслуги в формировании того и другого принадлежат университетским профессорам — этнографам, филологам, фольклористам, чьи труды вызвали в первой половине века одобрение русского правительства и поддерживались Академией наук в Петербурге. Эта деятельность выглядела благонамеренной и способствующей росту верноподданнических чувств, поскольку поиск национальных финских корней велся внутри имперских границ — колыбелью финской культуры считалась Восточная Карелия. Идиллия, однако, была непродолжительной, и в конце века растущий русский шовинизм подстегнул процесс национального становления, до тех пор развивавшийся без революционных потрясений в тиши своего европейского захолустья.

Путь становления нации как результат волевого решения достаточно уникален и, вполне вероятно, имеет свои особенные последствия. Позволительно предположить, что нации, сложившейся таким образом, может не хватать некой внутренней прочности и что, хотя недостаток этот вовсе не будет ощущаться в моменты особых напряжений, когда нация подвергается открытой агрессии, в других обстоятельствах, когда ей угрожает опасность неявного, скрытого давления, внутренняя непрочность может как раз сказаться; иными словами — в ситуации не под розгой, а под розой.

19 сентября (1944 год)

В этот день Финляндия, за две недели перед тем объявившая о своем выходе из войны, подписала с СССР соглашение о перемирии. Она снова, как и в зимней войне 1939—1940 годов, была проигравшей стороной. Тогда она потеряла 25 тысяч человек — убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести, десятую часть территории и полуостров Ханко с военной базой.

Если в глазах Европы условия мирного договора 1940 года, продиктованные Москвой, были неоправданно жесткими, то советское руководство, напротив, полагало их умеренными: Финляндия оставалась независимой, от нее не потребовали ни заключения военного союза, ни выплаты контрибуций. Было также заявлено о невмешательстве в ее внутренние дела, а населению занятых территорий было позволено уйти за отодвинувшуюся на запад границу. Чего же еще? Однако финны оказались неблагодарными, и чувство горечи и неза заслуженного унижения немало способствовали их обращению к Германии, начавшей в 1940 году выказывать явный интерес к Финляндии и ее никелевым заводам.

Как бы то ни было, но если после зимней войны Финляндия оказалась без вины виноватой, то в 1944 году ей мог предъявить претензии не один Советский Союз — Англия с декабря 1941 года также находилась в состо-

Маннергейм с группой офицеров на боевых позициях в сентябре 1941 года

Косыгин и Кекконен: встреча друзей

янии войны с Финляндией и участвовала затем в выработке условий перемирия.

Условия эти включали в себя возвращение к границам 1940 года, передачу СССР северной территории (район Печенги) и право на 50-летнюю аренду полуострова Порккала вместо Ханко, выплату в течение шести лет репараций в размере 300 миллионов долларов. Однако психологически самыми трудными для выполнения были требования немедленно открыть военные действия против недавних «почти союзников» и предать суду политических руководителей страны.

Дисциплинированная армия и лояльное население без ропота подчинились новым требованиям — главным образом благодаря громадному авторитету главнокомандующего и президента страны Маннергейма, но опыт был травмирующим и имел свои разрушительные последствия для «иммунной системы» нации.

Что касается «особого положения», уже традиционного для Финляндии, то оно только укрепилось и, кажется, стало ее незыблемым атрибутом: как ни были тяжелы предъявленные ей требования, на фоне разбитой, расчлененной Германии и оккупированных Балтийских государств, потерявших независимость, ее дела выглядели не так плохо. Ни немцы, ни русские ее не оккупировали, и она сохранила свою независимость и свое социальное и политическое устройство.

18 сентября (1952 год)

В этот день сорок лет назад из Финляндии в Советский Союз был торжественно отправлен товарный поезд с последним репарационным грузом. Если спать между собой все поезда, перевозившие в СССР лес, бумагу, целлюлозу, станки и прочее в течение восьми послевоенных лет,

то состав протянулся бы на три с половиной тысячи километров — от Финляндии до Африки или до Енисея.

Кроме этого состава в 340 тысяч вагонов были еще 514 судов, построенных на финских верфях, — именно так выглядели репарационные платежи Советскому Союзу. Возмещала ущерб не одна Финляндия. В подобном же положении находились Венгрия и Румыния, которым тоже определили сумму компенсаций в 300 миллионов долларов. Но финнам из-за их малочисленности было несравненно тяжелее: в Финляндии «душа населения» должна была выплатить по 80 «золотых» долларов, а в Венгрии и Румынии — соответственно по 30 и 15 долларов.

Правда, под новый, 1946, год финнам в качестве подарка продлили срок выплат на два года — с шести до восьми лет, а в 1948-м Сталин сделал широкий жест и простил половину оставшегося долга, а именно 75 миллионов! Впрочем, поскольку расчеты основывались на уровне цен 1938 года, номинальная сумма в 225 миллионов долларов реально превратилась в 570 миллионов.

Выплаты военных репараций, аккуратно производившиеся финнами строго по графику, для экономики страны явились сильнейшим стимулятором и в конечном счете благом. Они заставили, а шведские и американские кредиты позволили реконструировать финскую промышленность в считанные месяцы, что стало окупаться в самое непродолжительное время. Быстрый экономический подъем, и по сей день составляющий предмет гордости финнов, потребовал от людей напряжения буквально всех их сил, и так изрядно подорванных двумя войнами.

Верным показателем того, что внутренние скрепы нации расшатались, были результаты первых послевоенных выборов: вышедшие из подполья коммунисты получили треть голосов в парламенте — ситуация, невозможная в Финляндии 20-х, 30-х или начала 40-х годов. Правда, и тут судьба оказалась милостива, и до мирного превращения в очередную социалистическую республику дело не дошло: Советский Союз, заинтересованный в выплате репараций, сам сдерживал ретивых местных коммунистов и баламутить рабочих не позволял. Но так или иначе «антикоммунистическая» линия Маннегрейма была оставлена, и начала выстраиваться линия Паасикиви (позже Паасикиви — Кекконена).

Паасикиви был «реальным политиком» и исходил из того, что раз волею географической судьбы Финляндия оказалась под боком у такого беспокойного великана, то ей следует вооружиться терпением и пытаться с ним договориться, не раздражая его и ведя себя уступчиво.

Отличие от независимой политики, готовой на разумный компромисс, к которой призывал Маннегрейм перед зимней войной и которую он проводил в недолгую пору

своего президентства, было принципиальное: вместо компромисса, то есть взаимных уступок, выдвигался принцип конформизма — правда, умеренного, ибо Паасикиви уже в силу почтенного возраста был консервативен и не думал о сотрясении национальных основ и перевоспитании всего общества. Последнее сделал своей задачей его энергичный преемник — Кекконен, президент страны с 1956 по 1981 год, который первым открыл приятные стороны конформизма и научился извлекать из него экономические и политические выгоды — иногда личные, но поскольку с некоторого времени личное для него отождествлялось с государственным, следовательно, и личное благо становилось благом для страны.

Декларируемым идеалом Кекконена была обновленная, политически активная Финляндия, посредник и связующее звено между Востоком и Западом. Очевидно, однако, что такая роль требует известной независимости, пожертвовав которой и ангажировавшись с одной из сторон, можно выступать в качестве ее рупора, но странно претендовать на роль третейского судьи. Вряд ли Кекконен имел на этот счет какие-нибудь иллюзии. Скорее всего, его декларации носили характер заклинаний, рассчитанных в равной мере и на финскую аудиторию, и на Запад.

В делах с Финляндией Хрущев, а позже его преемники, руководствовались железной логикой: СССР не вмешивается во внутренние дела Финляндии — первая посылка; внешняя политика не есть внутреннее дело страны — вторая посылка; вывод — СССР может вмешиваться во внешнюю политику Финляндии.

Следующее построение: внешнеполитический курс определяет президент и проводит правительство; СССР не остается безучастным к внешнеполитическому курсу; следовательно, СССР не остается безучастным к выборам президента и формированию правительства. Если продолжать эту цепочку достаточно долго, окажется, что вне компетенции советского руководства оставались разве что решения финских фермеров сеять или не сеять рапс в юго-западных районах страны.

27 сентября (1962 год)

Заклучению в этот день договора о передаче Финляндии в аренду советской части Сайменского канала и острова Малый Высоккий предшествовал кризис, получивший название «нотного».

В июне 1961 года Хрущев встретился в Вене с Кеннеди и результатами встречи остался недоволен. В августе была возведена берлинская стена. Ближе к осени разгневанный взгляд Хрущева упал на Финляндию и обнаружил там тоже не порядок: в преддверии президентских выборов коалиция из нескольких партий, недовольных Кекконеном и его вне-

пней политикой, выдвинула другого сильного кандидата, что делало шансы на победу любезного Москве деятеля весьма сомнительными.

Бунтовщики предлагали довольно умеренную программу, крамольным в которой был только акцент — ориентация не на Советский Союз, а на независимую «национальную» политику. Акцент не устраивал советское руководство, а сильный соперник — Кекконена. Осталось объединить усилия и совместно искоренить крамолу.

30 октября 1961 года МИД СССР направил ноту МИД Финляндии. 14 ноября президент, то есть Кекконен, распустил парламент и передвинул выборы с будущего февраля на январь, ослабив таким образом оппозицию. Советский Союз согласно сценарию этим не удовлетворился и продолжал демонстрировать свое раздражение. Умилостивить его было под силу, конечно, только одному человеку во всей Финляндии, и 22 ноября Кекконен отправился к Хрущеву для личной встречи. В тот же день прогнущая коалиция, понимая, что у нее нет политического будущего, распалась, и опасный соперник объявил о снятии своей кандидатуры.

Так был подавлен последний всплеск недовольства, и на выборах 1978 года все партии, хорошо уяснившие, что критика официальной линии лишает их шанса попасть в правительство, проявили почти поголовное единодушие: Кекконен получил 279 голосов из 300 возможных.

Трудно сказать, было ли согласие на аренду Сайменского канала наградой за послушание или нечаянным совпадением. Но даже если это и совпадение, то символичное — оно знаменовало успешное завершение первого этапа финляндизации.

...В конце прошлого года в Финляндии вышла книга финского историка Т. Вихвайнена, мгновенно ставшая бестселлером, — «Нация распластавшись» (это буквальный перевод, может быть, ей больше подошло бы название «Нация на коленях»).

Автор говорит о характерных чертах «финляндизированной Финляндии», о Кекконене как о главном идеологе и организаторе финляндизации, о ее развращающем влиянии на общество, приводит примеры цензуры и самоцензуры. Благородный пафос автора книги вполне созвучен духу древних римлян — пора о них вспомнить! — в свое время провозгласивших, что «спокойному рабству следует предпочесть свободу, исполненную опасностей».

Подобная книга, несомненно, ценна для общества, едва начавшего пробуждаться от заразного идеологического морака и угодившего в одночасье в экономический кризис — расплата за сугубую привязанность к Советскому Союзу и за слишком большие удобства торговли с ним в прошлом.

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

С Е К Р Е Т Н Ы Е С Л У Ж Б Ы

«Периклы» для бани КГБ

Если человек долго работал во внутренней системе КГБ, у него развивался страх перед иностранцами

Оставной полковник КГБ **Михаил ЛЮБИМОВ** в беседе с членом редколлегии «НВ» **Львом ЕЛИНЫМ** рассказывает о нравах в зарубежных резидентурах.

«Новое время». Довольно распространено мнение, что в отличие от «внутренних» служб КГБ сотрудники внешней разведки — это белая кость, особая каста, сплошь интеллектуалы... Но иногда увидишь наших разведчиков под их безоблачно прозрачной крышей — и сомнения берут. С вашей точки зрения, какой процент умных людей в разведке?

Михаил Любимов. Умный, глупый — это очень растяжимые понятия. Я знал умнейших, эрудированных людей, которые в силу своей порядочности и высоколобости оказывались полными идиотами в практических, разведывательных вопросах. Если ты прекрасно знаешь персидскую миниатюру или Шекспира читал в оригинале, это не значит, что ты можешь подобрать хороший тайник. Тут не требуется голова Сократа.

Есть в разведке определенная специализация. Одни склонны к ин-

Михаил Любимов работал в резидентурах КГБ в Великобритании и Дании, ныне — литератор

формационной работе, они умело проведут беседу с западным политиком, государственным деятелем и составят грамотную информацию. Другие блестяще поддерживают связь с агентом, когда надо встретиться, взять материал, отдать деньги и сказать, где будет следующая встреча. Если такого разведчика, назовем его Ваней, посадить третьим при беседе высоколобого с местным политиком, он вообще не поймет, о чем шел разговор. Тем не менее этот Ваня — вот парадоксы разведки! — может в отличие от высоколобого быстро стать генералом.

«НВ». Как так? Ему ведь явно отведены вторые роли: поддержка, обеспечение.

М.Л. Сейчас объясню. Вот, допустим, два сотрудника. Один, высоколобый, работает с утра до позднего вечера, ищет связи, перед ним ставят сложные вербовочные задачи, потому что у него и способности колоссальные. Он встречается с массой иностранцев. Естественно, его ритм жизни, его стиль через два месяца становятся известны контрразведке. Контрразведка делает все, чтобы ограничить его деятельность, выявить его связи и скомпрометировать. По возможности — выслать.

Второй сотрудник, все тот же любимый нами Ваня, сын секретаря райкома из Иванова — человек малоспособный, язык еле знает. Посадили его в консульский отдел, потому что он больше ничего не может, кроме как открыть дверь и шлепнуть визу. В один прекрасный день к этому Ване в консульский отдел приходит

человек и говорит: «Я шифровальщик Агентства национальной безопасности и хотел бы продать документы советской разведке». Так оно и было в США! Ваня дико пугается, докладывает резиденту. Ну кому встречаться с этим шифровальщиком? Естественно, Ване. Вдруг это провокация? С Ваней этот американец уже официально встречался, и Ваня хорошо прикрыт консульством.

Ваня идет на встречу, принимает первую порцию шифров, получает орден Ленина, за ним и закрепляют этого сверхценного агента. В то время как его талантливые коллеги вокруг горят, расшифровываются, Ваня раз в месяц тихо-ничко выполняет из своей конуры в консульстве и собирает урожай...

«НВ». Неужели этому американскому шифровальщику не хочется иметь дело с умным профессионалом?

М.Л. Тут есть своя специфика. Вербуют отнюдь не одних высококолых — полковников генерального штаба и профессоров. Разведка во многом ориентируется на технический состав, который и особого образования-то не имеет. Вот, например, в Англии, в Дании мы всегда интересовались колледжами, которые выпускают машинисток. Простецкий народ, я вам скажу, совсем не хватают звезд с небес. Для беседы с такими технарями высококолых не нужен. Это было бы по Жванецкому, но наоборот: борьба муравья с готическим стилем. Нет, тут и нужен человек простецкий, которого интересуют те же вещи, что и приглянувшегося разведке технаря. Где какое пиво, какие цены на овес. Вам вот и в голову не придет, о чем надо говорить с таким агентом. Вы его запутаете и оттолкнете...

«НВ». А если вербуют умного?

М.Л. И тут еще неизвестно, требуется ли ум разведчику! Высококолы, бывает, дико нравятся, что рядом с ним сидит человек, который ни фиги ни в чем не понимает, наивно слушает, смотрит ему в рот, а потом внезапно сует несколько тысяч долларов. Агенту иногда униженно брать деньги от равного по уму. А от бакашки, от дворянина, от дурачка — никаких проблем!

Одна из бед высококолых в разведке в том, что высококолых заставляет своего собеседника напрягаться, создает определенные психологические сложности. А разведчик-дурачок позволяет высококолы-обому расслабиться. Ну пусть он даже шпион, думает умный западный чиновник. Что он может, этот шпион? Было бы чего бояться...

«НВ». Насколько часто применяется «грубая» вербовка, когда на че-

ловека «наваливаются» всей резидентурой, не давая прохода, запутывая, как это описывает в романе «Аквариум» Виктор Суворов?

М.Л. Суворов неплохо пишет, но по искажению жизни он, наверное, номер один. Это чистая дезинформация. Глупо само предположение, что за границей ГРУ или КГБ может на кого-то навалиться и завербовать. Если человек не хочет вербоваться, он и не завербуются. За границей мы вообще вербуем очень осторожно, боимся контрразведки.

Серьезной практики взяточничества в КГБ не было. Не потому, что мы хорошие. А потому, что мы трусы...

Да и дома, когда, казалось бы, все в руках... Вот вам пример: Джон Вассал, сотрудник адмиралтейства, был в Москве скомпрометирован на гомосексуальных связях. Лучшие московские гомосексуалисты были мобилизованы КГБ. Сняли целый фильм. Вывезли его на дачу КГБ, там на него навалились «волкодавы». Сам начальник отдела контрразведки, очень мощный человек. Вывалили фотографии, пленку. Дескать, покажем маме, пошлем на работу. Ну и что? Вассал вернулся домой и чуть было не совершил самоубийство. В аналогичном случае французский военно-морской атташе застрелился — его тоже шантажировали, прихватили на бабах. А Вассала только чудом остановил Барановский, агент КГБ, который работал в английском посольстве, тоже гомосексуалист.

Нет, возможности разведки в этом смысле очень ограничены, тем более за границей. Недаром и американцы, и англичане предпочитали вербовать русских на своей территории.

«НВ». Мне говорили, что низкий уровень резидентур иногда объясняется и провинциальным набором: перебежал кто-то, засветивший массу коллег, и приходится бросать в бой свежие кадры из глубинки.

М.Л. Положим, я сам — провинциал. И в тех резидентурах, где я работал, были талантливые ребята из провинции. Вообще в политике КГБ, а ГРУ даже в большей степени, всегда учитывались интересы провинции. Первое главное управление брало какой-то процент лю-

дей из КГБ Украины, Белоруссии... Считалось, что ребята, поработавшие в контрразведке, уже имеют определенный оперативный опыт. Смысл в этом есть, хотя, как правило, попадали в Москву не лучшие. Ну кто в Киеве захочет отдать лучшего работника в Москву? Часто посылали середнячков или по благу. И еще: если человек долго проработал во внутренней системе КГБ, у него развивался страх перед иностранцами.

«НВ». Существует ли проблема внутренних доносов, стукачества в резидентуре?

М.Л. Я сам с доносами редко сталкивался. Скорее, с их последствиями. Однажды, когда я был резидентом в Дании, из центра пришло указание отозвать одного «чистого» товарища. Он в анкете не указал, что его дядя во время войны служил в фашистском батальоне где-то в Эстонии. Ясно — в центре получили донос. Или другое указание: срочно организуйте выезд в Москву такого-то представителя торгпредства. Получены данные, что он четыре года назад в Швейцарии с кем-то переспал.

А бывало, секретарь парткома посольства приходит: у него, оказывается, сведения, что какой-то дипломат плохо живет с женой. Я говорю: а я-то тут при чем? Я КГБ представляю. По мне — пусть он хоть трех любовниц имеет. Это уж вы разбирайтесь по партийной линии. А парторг хочет на меня, резидента, сбросить ответственность; еще неизвестно, кто поддерживает этого человека в ЦК партии. Зачем связываться? Самое простое — сбросить на КГБ. И начинается игра: посол, парторг и резидент...

«НВ». А случается, что резидент прикрывает своего проштрафившегося сотрудника?..

М.Л. Я сам прикрывал. Один, написавшись, разбил машину. Что в таких случаях делали? Отзывали. Я с ним поговорил, сказал: друг мой, теперь ты должен резко улучшить показатели работы. И он нормально работал. Другой просто попал в полицию — какие-то дорожные правила нарушил, но сразу честно мне доложил. Более того, ведь Олег Гордиевский за три месяца до отъезда из Дании пришел и говорит: «Михаил Петрович, я собираюсь разводиться с женой». А его первая жена работала у нас. В таких случаях в 72 часа отправляли в Москву. А я написал частное письмо генералу Виктору Грушко, позднее ставшему первым замом Крючкова, тогда моему московскому шефу: «Так и так, Гордиевский, к сожалению, разводится, поэтому его не нужно делать заместителем началь-

ника отдела, как я раньше предлагал. Но высылать не стоит».

На мой взгляд, многие резиденты использовали право высылки для того, чтобы установить кулачное право, жесткий режим внутри колонии, чтобы все трепетало — и посол, и завхоз. То есть КГБ проявлял себя так же, как и внутри страны.

У меня один заместитель время от времени кого-то из посольских пытался «брать в разработку». Столкновения у меня с ним были бесконечно. Сложнейшая ситуация, когда вам говорят: имярек встречается с американцем, и есть доказательства, что американец этот связан с ЦРУ. Что делать резиденту? Первый вариант — хитрая отписка: нами принимаются меры, разберемся. Вроде бы показываешь, что ты не пропустил мимо ушей. Можно написать, что информация пока не подтверждается. Тут уж все зависит от твоего отношения к человеку.

Второй вариант — послать того, кто пришел с доносом, куда подальше: что ты мне голову морочишь! Иди делом занимайся, ищи второго Кима Филби в местной контрразведке. Ну что ты прицепился к этой уборщице, делать тебе, что ли, нечего? Если она пила кофе с незнакомцем в ресторане у вокзала, значит, обязательно на ЦРУ работает?

Ну и третий вариант — «принять меры». Так в Лондоне выслали одного умнейшего дипломата. Наш кагэбэшник увидел его разговаривающим с женщиной в районе Сохо. Написал, что это была проститутка. И выслали. А другого советника отправили из Лондона в Москву за то, что он не совсем резко осудил Сахарова.

«Принять меры» — безопасней всего. А если послать доносителя куда подальше, он может написать письмо в центр, что обнаружил американского агента, а резидент — полный дурак, сволочь и сам, наверное, тоже с кем-то связан. Такие си-

туации свойственны тоталитарной системе.

Даже Крючков, возглавлявший разведку, мог оказаться в таком положении. Где гарантия, что я, резидент, получив какие-то данные на креатуру Крючкова, не перешлю их мину Крючкова сразу Андропову?

«НВ». В ГРУ специальное расследование было посвящено мздоимству, взяткам, которые давали за назначение в «теплую» резидентуру, за звание. Как обстояли дела в КГБ?

В любой резидентуре всегда царил режим экономии. Если наешь в ресторане долларов на 300, с тебя штаны спустят

М.Л. В комитете мздоимство было, мне кажется, на уровне подарков. Подарков действительно много возили. Я сам возил. И когда я был начальником, мне возили виски. Своего рода дань. Слышал, что кто-то кому-то музыкальную систему подарил. Но я убежден, что серьезной практики взяткодательства не было. Не потому, что мы хорошие. А потому, что мы трусы. Погореть из-за ерунды? Страх был цементирующей силой системы.

«НВ». Что такое представительские деньги в КГБ? Сколько можно тратить?

М.Л. Не знаю, как сейчас, но в мое время одни суммы можно было потратить с санкции резидента, другие — с санкции начальника разведки и уже крупные — с санкции Андропова и политбюро. Конечно, если нам, условно, продавали новый западный истребитель, то Андропов обращался в политбюро. Ему это выгодно. Он показывает, как работает разведка... Или когда мы субсидировали како-

то левое движение, или пытались оказать влияние на ход выборов... Денег не жалели. Но это бывает редко.

А в повседневной жизни резидент в Дании имел право дать на оперативные расходы агенту полторы тысячи крон — где-то 250 долларов.

Резидент регулирует и такую статью расходов, как походы в ресторан. В Копенгагене средний ланч был долларов 40–50. Чепуха. Мы это поощряли: давайте, ребята, встречайтесь. С другой стороны, если наешь долларов на 300, то штаны с тебя спустят.

У меня был работник, который любил часов до пяти утра сидеть в каком-то дико дорогом казино. Мне приносит счета — обалдеть можно! Раз ему сказал, два — а потом просто выгел у него эти деньги из зарплаты антиконституционным путем.

В любой резидентуре всегда царил режим экономии. Это абсурд, когда представляют, будто резидент тратит деньги направо и налево.

Другое дело, что в разведке в крючковский период часто использовали оперативные расходы для покрытия расходов партийных делегаций. По указанию Крючкова выдавались деньги и приезжавшим деятелям из международного отдела ЦК — по 400–500 долларов.

Довольно часто приходили заказы. Например, датская резидентура (мой предшественник начал, это не моя заслуга) посылала в Москву бочковое пиво. Якобы для Андропова, а может быть, это и липа, одному Крючкову посылала. Мне говорили, что Андропов и Крючков в сауне пили это пиво. Они же аскеты, крепкие напитки не употребляли. Вот мы и посылали. Даже название было кодовое у этих бочонков: «Перикль». Это в основном для шифровальщиков придумали: не писать же открытым текстом, что шлем пиво председателю КГБ! «Направляем «Перикль» такого-то числа таким-то рейсом» — идет в центр секретная телеграмма. «Перикль» встречали почтище, чем какой-нибудь украденный F-16: У трапа забирали, как самый секретный материал...

Рисунки
Марата Таирова

Красная магия и красная глазурь

Юрий Гусев

Глупый милорд, кавалер Золотой Звезды, Тарзан, Рембо...
Люди читают то,
что хотят читать

Рисунок Аркадия Гурского

В Будапеште приедем из Москвы бросается в глаза, насколько похожи тамошние книжные лотки, расставленные повсюду в людных местах, на наши, московские. Конечно, книги там поярче и поэффектнее, из них не торчат самодельные ценники с ошеломляющими цифрами (цены честно напечатаны на обложке), но ассортимент тот же.

Политические бестселлеры, фантастика, астрология, народная медицина, поваренные книги (этих — не без причины! — куда больше, чем у нас), всякого рода эротические ноу-хау и детективы... И отечественные (то есть венгерские, но часто под английскими псевдонимами), и западные, чаще всего в переводах с английского. Русских фамилий на лотках не увидишь; редко-редко мелькнут Солженицын, Набоков, Аксенов... Русские, да не наши!

Откуда такое сходство в столь стремительно отдалившейся от нас (сейчас Венгрия — дальше, чем, например, Австралия или ЮАР) стране?

Объяснение, видимо, в сходстве рыночного спроса.

«Мужик» выбирает Казанову

В последнее время мне часто вспоминаются строки Некрасова, мечтавшего о времени:

Когда мужик не Блюхера
и не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
с базара понесет?

Мечтать, как и хотеть, не вредно... Вредно, когда тоталитарная культурная политика принимается по-медвежьи и, как бы задавшись целью помочь некрасовскому мужику сделать правильный выбор, искореняет из читательского обихода все, что на уровне «милорда глупого». Правда, взамен насаждаются не столько Белинский с Гоголем, сколько кавалер Золотой Звезды, отличающийся от «милорда глупого» разве что красной глазурью, которой он обильно покрыт...

Сорок лет «правильного» эстетического воспитания в Венгрии и семьдесят лет у нас завершились тем, что, как только механизм партийно-государственного воздействия на книгоиздательство рухнул, читательский спрос стремительно повернулся к недочитанному, долгое время находившемуся под запретом «милорду глупому».

«Мужик» читает взахлеб и про сыщиков, и про Тарзана, и про Казанову...

И спросим себя: разве это не естественно? Разве не так должно быть? Разве мо-

жет ребенок, не начитавшись сказок, плохих и хороших, сразу потянуться к «Войне и миру» и «Идиоту»? Разве западная дедовина не растет на (еще недавно до судорог презираемых нами) комиксах, чтобы, повзрослев, спокойно, без бдительной опеки со стороны идеологических отделов и министерств, перейти и к литературе экзистенциализма, и к самоповейшим постмодернистским изыскам, и, если угодно, даже (но добровольно! но из искреннего интереса!) к марксизму?..

Как нельзя игнорировать интересы большинства (это рано или поздно ведет к катастрофе, и за примерами ходить далеко не надо), так нельзя игнорировать, пусть из самых благих побуждений, **вкусы** большинства.

Не отнимайте у «мужика» милого его сердцу «милорда глупого»: пока его тянет к милорду, он все равно не встанет в очередь за Белинским или за Сартром.

Если подходить к так называемой массовой литературе серьезно, а не как к нежелательной, подлежащей искоренению помехе, отделяющей «мужика» от вершин духа, то эта литература окажется совсем не такой уж **массовой** и бездуховной.

Речь даже не о том, что границы между «низкой» и «высокой» литературой очень неопределенные и многие общепризнанные шедевры как бы выросли из «низких» жанров. В массовой литературе есть своя дифференциация степеней духовности.

Детективно-приключенские романы Ласло Лёринца, уносящие нас то в тибетский монастырь, то в джунгли по берегам Брахмапутры, то на заснеженные равнины Манчжурии, — не просто захватывают читателя головокружительной фабулой, «протаскивают» его через жуткие или трагикомические, иногда и просто комические, перипетии, но и погружают в полный своеобразие мир Востока с его загадочными древними традициями, странной, непостижимой для европейского ума, но очень наполненной, по своему гармоничной духовной жизнью. Короче говоря, эти крутые детективы вполне реально и ощутимо обогащают в духовном смысле читателя.

Еще один пример: «мистический роман» Марии Сепеш «Красный лев», напечатанный еще в 1946 году, через несколько месяцев после выхода в свет уничтоженный и изданный в полном виде совсем недавно. С точки зрения прежних, господствующих в нашем зазеркальном мире под-

Рисунок
Виктора
Гесспрада

ходов, книга Сепеш — это псевдолитература, отравляющая сознание читателя бреднями о переселении душ, вечной жизни, философском камне.

С точки зрения цивилизованного сознания, с уважением и интересом относящегося к **другим** формам духовности, «Красный лев» — откровение, реакция европейского разума, потрясенного невероятной емкостью, завораживающей стройностью того странного, переплетающегося с христианством, и с восточными религиями (а может быть, не случайно переплетающегося с ними?) знания, которое в обиходе принято называть черной и белой магией.

Стакан водки на бегу

Интенсивный интеллектуальный процесс отнюдь не всем и не в любой момент доступен: это дар немногих, избранных. Для огромного большинства же людей самоотжествление, дающее возможность обрести согласие с самим собой и с миром, достигается с помощью некоторых простых мыслительных операций, своего рода магических формул. И с этой точки зрения если литература высокой духовности является для читателя учителем философии бытия, требующим немалого умственного и эмоционального напряжения, то **массовая** литература на уровне комиксов и ремесленных детективов становится, так сказать, дешевым наркотиком — вроде занюхивае-

мого рукавом стакана водки на бегу, — средством быстрого избавления от дискомфортного состояния души и моментального обретения блаженства.

С известным допущением литературу, дающую человеку такой легкий и верный способ душевного удовлетворения, или, точнее, **ощущения** удовлетворенности, можно назвать **магической** литературой; многие детективы и приключения выполняют именно такую функцию.

Таковую же функцию выполняла в подавляющей своей массе литература соцреализма, обеспечивавшая неприхотливым читателям ощущение сопричастности к самому передовому обществу, первым построившему на шестой части суши... ну и так далее. Естественно, этот вид магии предпочтительно называть не белой, не черной, а **красной** магией...

Года два назад в одной из венгерских газет я прочел заметку о том, как супружеская пара — оба поэты — в отчаянии от того, что книги их отвергаются читателями, а следовательно и книготорговлей, устроили своего рода ауто-да-фе: разожгли на одной из будапештских площадей костер из своих сборников.

Имен супругов не называю: они не относятся, что называется, к первому эшелону литературы; не относятся они и к когорте рыцарей социалистического реализма.

Творчество их, таким образом, принадлежало к той ветви, которая бурно разрослась в условиях «мягкой» кадаровской диктатуры:

не диссидентство (диссидентства — то есть открытого неприятия господствующей коммунистической идеологии — не терпит даже «мягкая диктатура»), но и не конформистское воспевание «коммунистических идеалов», а некая мягкая (как и диктатура) оппозиция. Скорее кукиш в кармане, чем серьезная эстетическая альтернатива «социалистическому искусству». Крах режима привел к тому, что взыскательный читатель (читателю не особо взыскательному все это и прежде было сто раз не нужно) перестал интересоваться и такой разжиженно-оппозиционной литературой, которая как бы и не принимала, но в то же время не то чтобы и отвергала...

Где-то же есть честные книги

Крепко стоять на ногах, не впадая в истерику и не погружаясь в обиходное молчание, и предлагать читателям — пусть тем, пока немногочисленным, которых не удовлетворяет обрядовая магия, которые жаждут широкого философского осмысления себя в мире, — выход к подлинной духовности способна была лишь литература, опирающаяся на прочные духовные традиции, проверенные временем.

Если не брать в расчет такую экзотическую — для Европы — традицию, как тайное мистическое знание, питающее, например, творчество Марии Сепеш, то мы видим всего две заслуживающие внимания, во многом к тому же пересекающиеся духовные сферы. Во-первых, конечно, христианство как религиозная традиция. Во-вторых, светская европейская духовность, космополитическая культура, которая сейчас на наших глазах, счастливо накладываясь на процветающую экономику, становится базой интеграции Западной Европы.

Заслуживает внимания и еще одна, тоже «проверенная временем» традиция — традиция опоры на идею национальной исключительности, определяющую подход к национальной истории и культуре.

Самая, пожалуй, заметная фигура из тяготеющих ко второму «полюсу» — Дьёрдь Конрад, известный и читателям «НВ» (см. №25/92).

Спокойный, даже несколько флегматичный, но в то же время полный живого интереса к собеседнику и к его мнению человек, Конрад словно представляет собой воплощение уравновешенности, душевной гармонии.

Конрад — диссидент, в течение четверти века испытывавший и преследования, и замалчивание. Тем не менее в нем нет ни намека на истеричность, на затравленность, на внутренний дискомфорт, что должно свидетельствовать о чистой, незамутненной совести, о глубоком сознании собственной правоты. Напомним слова Конрада из предисловия к русскому изданию его повести «Гяжелый день» («Иностранная литература», 1991, №4). Говоря о тех венгерских интеллигентах, которые после разгрома восстания 1956 года не уехали на Запад, а остались, несмотря ни на что, дома, он замечает, что эти люди, чтобы жить, «должны были сохранять в душе какие-то надежные ориентиры. Например, уверенность, что под лживой политической фразеологией продолжает жить нечто настоящее, человеческое, что существуют какие-то честные книги, что не умерла солидарность, на которую позже, когда придет время, можно будет безбоязненно опереться».

К таким интеллигентам относится и сам Конрад. И «надежные ориентиры», которые дают ему уверенность и согласие с собой, — это действительно вечные человеческие ценности: милосердие, забота о других, особенно о несчастных, обиженных судьбой людях, терпеливое, последовательное, несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства, сохранение и накопление человеческой материальной культуры, семья как естественная среда и защита для человеческой личности, дружеские связи. И, конечно, ценности духовной культуры, прежде всего литературы.

Граф не терпит антисемитов

Защищая эти ценности от двух величайших зол — национализма и социализма, которые, как он считает, возникнув в середине прошлого столетия, до сих пор остаются самыми страшными болезнями человечества, Конрад и стал в свое время диссидентом, а сейчас, обретя заслуженное уважение и на родине, и в международной среде (он президент Международного пен-клуба), продолжает свою борьбу чаще всего средствами публицистики. Любимый герой Конрада — это человек, который «разве что только на краю братской могилы согласится сказать — мы». Конрад видит цель и призвание интеллигенции в защите «исполненного соз-

нанием ответственности индивидуализма».

Писатель совсем другого типа и все-таки очень похожий на Конрада — Петер Эстерхази.

Эстерхази редко прямо откликается на политику; возможно, благодаря этому обстоятельству да еще благодаря тому, что литературные чиновники явно становились в тупик перед его многократно спрятанной в самое себя прозой, он избежал удела диссидента. Мне кажется, у нас бы его наверняка раскусили, как раскусили, скажем, Евгения Попова или Виктора Ерофеева.

На моей памяти Эстерхази лишь однажды позволил себе высказаться по вопросам политики. Это было в позапрошлом году, когда он в знак протеста против антисемитских выступлений некоторых руководителей Венгерского демократического форума (одна из партий правящей коалиции) отказался печататься в опубликованном одно из этих выступлений журнале «Хитель». Петер Эстерхази — прямой потомок знаменитого аристократического рода, состоящего в родстве едва ли не со всеми королевскими домами Европы, аристократ с трижды голубой кровью. Приятно, когда аристократ по рождению оказывается и аристократом по духу...

В Будапеште писательница Анна Йокаи пригласила нас с женой на обед в ресторан союза писателей. Мы обратили внимание, как остроумно помещены возле приборов салфетки: в каждом стаканчике они были трех цветов — зеленого, белого, красного. Национальные цвета... Обед как бы приобретал официальный характер — но не всерьез: все же салфетки, а не флаг. Где-то на подходе к десерту я обнаружил вдруг, что пользуюсь почему-то красной салфеткой. Я повернулся к жене — посмеемся вместе. Однако возле ее прибора белая и зеленая салфетки тоже лежали нетронутыми: она тоже выбрала красную. «Смотрите-ка, — обратился я к Анне Йокаи, — вот что значит советское прошлое!»

«Но и я пользуюсь красной», — посмотрев на свою салфетку, сказала она чуть-чуть растерянно...

Мы обращаемся к небу, к Богу; мы старательно восстанавливаем почти забытое культурное, духовное наследие; мы готовы опробовать, примерить к себе и новые, еще неизвестные ценности и ориентиры. Но при этом у всех нас в подсознании, в рефлексах еще сидит впитанное с воздухом, с водой, с молоком матери тяготение к красному цвету. Мы еще в плену у него.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

В жизни народов и стран бывают особо сложные, драматические полосы, сопряженные с переменами, охватывающими как социально-экономическую область, так и сферу человеческой психологии. Ломаются старый уклад, непросто рождаются новые отношения. Нелегко расстаются люди с привычными представлениями. Подобные кризисные переломы проявляются то с большей, то с меньшей резкостью. Были они и в истории США. Так было в 30-е годы, когда страну потряс экономический кри-

зис, а в Европе вырисовывалась фашистская угроза. Так было и на рубеже 40–50-х годов, во времена маккартизма.

Об этих переломных исторических полосах в жизни своей страны и мира, о судьбе человека, о его месте в резко меняющихся обстоятельствах не раз писал в своих публицистических выступлениях Джон Дос Пассос. Романист, драматург, эссеист, словно державший руку на пульсе времени, называвший себя «историком современности», он оставил около полутора десятков томов публицистики, почти у нас не известной. (Некоторые фрагменты из его публикаций однажды печатались в «НВ» № 8/92.)

Жан Поль Сартр назвал его в 1938 году «величайшим из ныне здравствующих писателей». В 20–30-е годы Дос Пассос, обличавший некоторые стороны американской системы, широко у нас печатался, а критика называла его «надеждой революционной литературы». Но, после того как он в середине 30-х годов резко осудил сталинский тоталитаризм, писатель удостоился таких ярлыков, как «рenegат», «отступник» и «консерватор», а затем попал в «зону умолчания», и новые поколения наших читателей оказались надолго отлученными от его книг.

Фрагменты из публицистических выступлений Дос Пассоса в России печатаются впервые. В свое время они были ответом на те пробле-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

мы, которые волновали американцев. Но они интересны и для дискуссий и споров, происходящих в нашем сегодняшнем обществе. Публикуемая фотография Дос Пассоса, на которой он снят в военной форме, относится ко временам второй мировой войны, когда он был военным корреспондентом.

Когда общество меняется

Джон Дос Пассос (1896–1970)

Каждое поколение заново переписывает свое прошлое. В счастливые времена история кажется нам более или менее орнаментальным искусством, но в пору нависшей угрозы мы спешим перечитать хроники былого, в силу насущной потребности найти ответы на загадки сегодняшнего дня. Нам надо знать, в какого рода твердых принципах другие люди, принадлежавшие к предшествовавшим поколениям, находили нравственную опору. Несмотря на меняющиеся условия существования, они не столь уж отличны от нас, в их мыслях — исток наших идей, им приходилось сталкиваться с ситуациями, столь же сложными, как те, что стоят перед нами, причем делать это с легким сердцем, добываясь в значительной мере воплощения своих надежд. Нам надо знать, как им это удавалось.

Мы воспринимаем достижения в государственном строительстве колонистов семнадцатого века, появившиеся тринадцать штатов как нечто само собой разумеющееся, так, как мы воспринимаем наши щедрые лесные массивы, наш уголь, наше железо, нашу нефть, наших бизонов. Мы тратили и эксплуатировали наше политическое наследие, проявляя такое же детское отсутствие проницательности, с каким мы разоряли наши леса, подвергали эрозии поля наших фермеров, уничтожали травы на наших обширных пастбищах. Теперь, когда мы оказались лицом к лицу с тем организованным рабством, от которого когда-то наши праотцы бежали в Новый Свет, встает вопрос: что же у нас осталось? Что из наших прошлых достижений живет в нас сегодня? Вопрос сегодня не о том, что мы хотим, а о том, что у нас есть. Наша история, успехи и неудачи наших предшественников живы только в той мере, в какой семена и побегов, ими оставленные, пробиваются, произрас-

тают в нас сегодня... Одна из причин, почему лечение коммунизмом России принесло больше зла, чем сами болезни безобразно разложившегося и жестокого социального организма, заключается в том, что единственной практикой, взятой большевиками на вооружение, стало крепостное право и подчинение людей деспотизму. В Германии республика потерпела неудачу по той же причине. История Германии в политическом плане явилась противоположностью английской: это были примеры успешного подавления прозападных, приверженных к самоуправлению, тенденций в Германии с помощью деспотизма прусского мастера муштровки. Никто из русских и немецких марксистов не имел понятия о политике как искусстве. Англоязычные

народы получили богатейшее в мире наследие, состоящее из традиций и навыков самоуправления. Если мы потерпим поражение в решении проблемы приспособления индустриальной системы к нуждам людей, это нельзя считать результатом неразвитости нашей политической традиции.

Под политикой я разумею всего лишь искусство побуждать группы людей в своем поведении допускать минимум насилия и кровопролития. Такова была цель наших племенных традиций, из которых вырастает наш общий закон: преодоление личных и общественных конфликтов, исключая насилие, прибегая к помощи присяжных или выбранных на собрании лиц...

Если лежащая в самом основании американского характера традиция самоуправления мертва или обескровлена благодаря требованиям индустриальной системы или же разнообразным привычкам, привнесенным теми, кто потоком прибывал к нам из Европы в течение прошедшего столетия, то никакие словесные эскапады политиканов, никакое битье себя в грудь со стороны литераторов не вернут ее к жизни. Мы столь легко подменяем дела словами, что, даже если то, что

мы считаем нашим образом жизни, уходит, мы можем этого и не заметить. Такова уж природа нашего менталитета: словесные ловушки, связанные с общественными институтами, продолжают функционировать и после того, как сами эти институты исчезают. Мы можем изучать прошлое, но что касается современности, то бывают времена, когда мы можем только провозглашать нашу надежду и нашу веру...

Наша история — это соперничество между привычкой к самоуправлению и стремлением привилегированных групп к господству во имя своих корыстных интересов. Пока подобное соперничество продолжается, нация сохраняет себя как растущий организм.

В целом борьба велась до определенных пределов таким образом, чтобы не подорвать структуру общества. В переломные моменты нашей истории сказывался политический инстинкт, позволявший объединять калейдоскоп интересов, силы инерции, импульсы, страсти, страхи и героизм, которые являются спутниками любого события. Не впадая в самоуверенность, можно сказать, что наш народ, как и народ Англии, использовал искусство политики с большим мастерством и отстаивал достоинство гражданина как личности успешней, чем это делали народы континентальной Европы... Когда мы просыпаемся холодной ночью, охваченные кошмарным страхом за будущее нашей страны, нам следует обратиться к прошлому, чтобы обрести уверенность, памятуя о том, что англоязычные народы обладали подобными прочно укорененными привычками.

Нельзя забывать, что люди в большинстве своем определяют собственного поведения; их поступки зависят от их воспитания, от понятий их круга. Вот почему индивид чувствует свою беспомощность перед лицом социальных перемен. Модификации в структуре любой общественной организации окажут реальное воздействие лишь на следующее поколение. Революция может побудить людей не следовать старой модели поведения, но она не заставит их эффективно действовать по-новому. Вот почему политическая система, достаточно эластичная, чтобы позволить крутые перемены внутри своей структуры, является одним из величайших благодетелей, которым люди наделены.

Наша самоуправляющаяся республика показала свою способность к гибкости, умение не сломаться под воздействием страшных потрясений в течение последних десяти лет. Вопрос состоит в том: достаточно ли воли к свободе в нашей стране, чтобы система функционировала. Социальный механизм, как бы традиционен он ни был, будучи запущен, продолжает работу; а люди, чтобы жить, должны трудиться.

Если цель нашей деятельности — увеличение благосостояния и защита достоинства каждого человека, прежде всего потому, что он — человек, то это как раз то, что и составляло цель основателей нашего государства. В их жизненных судьбах, в трудах, ими написанных, содержится богатейшая информация о том, как достичь этой цели. Республиканцы в семнадцатом и восемнадцатом столетиях успешно приступили к некоторым великим начинаниям в мировом масштабе, и я не думаю, чтобы самые оголтелые приверженцы тирании могли это опровергнуть. Если первые создатели нашего общества сумели преодолеть огромные трудности, неужели мы, опираясь на их опыт, должны потерпеть неудачу?... («Опора на прошлое», 1941.)

Людям всегда оказывается затруднительно приспособиться к переменам в облике общества, которые были результатом их же собственных деяний. В периоды решительных изменений в технологии, подобных нынешним, общественные учреждения развиваются с такой быстротой, что все старые нормы взаимоотношений отбрасываются за борт. Новые ситуации возникают

быстрее, чем наша мысль успевает с ними свыкнуться. В известной степени мы теряем способность различать добро и зло.

Люди, лишившиеся критериев добра и зла, сами оказываются в положении, когда у них нет компаса, чтобы определить собственное местонахождение. Решив исследовать общество, в котором они живут, они не могут выяснить, является ли та платформа, с которой они ведут свои наблюдения, прочной и стабильной. Старая история о том, как некий человек, находясь на дрейфующей льдине, отправился на собачьей упряжке в северном направлении и ехал в течение всего дня, а к вечеру оказался значительно южнее того места, откуда он стартовал утром, — подобная притча весьма к месту...

Разум не в состоянии долго мириться с моральным хаосом. Люди, находясь под сильным стрессом, стремятся обрести этические основы поведения подобно тому, как пауки ткут вокруг себя паутину. Новые космические миры постоянно создаются из обломков старых систем. Во всяком случае, подобно тому как римляне в эпоху упадка растеряли искусство установки колонн и начали использовать руины древних храмов для возведения христианских базилик, так и мы должны пофантазировать,

Никогда нельзя понять общество, его интересы и интересы людей, если начинать с поиска козла отпущения

чтобы использовать хотя бы каркас рухнувших догм прошлого, дабы укрепить фундамент, с которого мы начнем перестройку нашего общества.

Формирование мировидения — это плод усилий целого поколения в большей мере, чем отдельного индивида, но каждый из нас, хорошо ли, плохо ли, призван вложить по кирпичику в общую постройку. Поколение не может продвинуться много далее среднего уровня, достигнутого людьми, его составляющими, однако любое выдающееся усилие воздействует на этот уровень. Каждый обязан идти вперед, насколько это в его силах. И первым шагом должна стать попытка обрести для себя верную картину общества, к которому мы принадлежим.

Начните со своей улицы или с квартала, где расположен ваш дом, и вы обнаружите, что большинство мужчин и женщин, ваших знакомых, зарабатывают себе на жизнь, трудясь в какой-то корпорации. Сужают ли они деньги, торгуют ли хлебом, производят ли автомобили, издают газеты или распространяют гуманные идеи — в самой основе их поведения обнаруживается удивительное сходство. Корпорация с ее советом директоров, системой взаимоподчиненности, иерархией власти — все это стало столь привычным для нашей повседневности, что мы едва ли задумываемся над тем, что подобная структура лишь недавно стала господствующим социальным явлением в жизни большей части человечества. Еще лет сто назад семья оставалась главной социальной ячейкой.

Корпорация увенчивает социальную пирамиду. Трудящиеся на фабрике, в конторе или в магазине работают, следуя ее предписаниям. Где бы вы ни сталкивались с подобной моделью, в основе ее — единообразие. В Соединенных Штатах это называется капитализмом. Если же вы отправитесь в Англию, то обнаружите, что люди, поведение которых во многом весьма идентично нашему, именуют это социализмом.

Опыт показывает, что при переходе от капитализма к социализму акционерное общество, руководящее промышленностью, банками, железными дорогами или сетью прачечных, сохраняет свою структуру. Происходит лишь то, что при социализме люди, захватившие власть, осуществляют ее скорее политическими средствами, чем с помощью финансового влияния. Обе системы страдают от бюрократических интриг и внутреннего политиканства. Только случайно человек находит работу просто благодаря своему умению. Самое удивительное, что не ускользнет от объектив-

ного наблюдателя в образе жизни в Советском Союзе, это то, что в своих попытках построить социализм коммунистические диктаторы породили аналог самых бесчеловечных сторон монополистического капитализма. Их система вбирает в себя все невыгодные черты нашей собственной без тех ее преимуществ, которые являются следствием конкуренции, разделения экономической и политической власти, что стимулировало возможность дальнейшего развития гуманистических традиций западного мира. Если вы хотите уяснить, что же происходит в обществе, объектом изучения должно стать поведение людей, а не то, как они его оценивают. Однако большинство трудов, посвященных социальным системам, касаются идеологии, а не того, как ведут себя люди. Процессы в мировоззренческой сфере неизменно предстают, таким образом, в искаженном виде, что обусловлено в основном запаздыванием с осмыслением событий.

Словосочетания, когда-то содержавшие удачное описание определенной ситуации, взяты на вооружение новыми поколениями. Но при этом они все больше насыщаются благородными эмоциями и все меньше соответствуют отражению данной реальности.

Если вы попытаетесь забыть о политических лозунгах и идеологическом камуфляже и проведете послеполуденное время, беседуя с теми, кто работает на крупных многопрофильных предприятиях у нас в стране или в Англии, вы обратите внимание на два момента. Во-первых, вы обнаружите, что антитеза между капитализмом и социализмом не играет здесь роли, что она не воздействует на поведение тех людей, которые управляют машинами, сидят за директорскими столами, обслуживают телетайпы и трудятся в офисах. Во-вторых, вас поразит и в том и в другом случае централизация власти и изоляция индивида в его повседневной службе в конторе, на движущемся конвейере или даже при выполнении более разнообразной работы на станке.

...Самоуправление требует реальной информации, а не заклинаний. Если мы хотим управлять, то обязаны знать, как функционирует механизм нашего общества. Мы должны оценивать направление происходящих перемен. С трансформацией общества меняются и люди, его образующие. Мы явно недостаточно исследовали индустриальное общество с точки зрения поведения людей. Одна из причин этого в том, что озабоченные противоположностью капитализма и социализма (при этом социализм олицетворяет добро, а капитализм зло, или наоборот), мы лишаем себя возможности ясно представить перспективы, непосредственно перед нами открывающиеся.

Сектантский подход к изучению общества связан с поисками козла отпущения. У нас нет нужды уяснять, почему люди поступают так или иначе, если мы заранее решили, кого следует считать виновным. Если мы решили изучить муравейник, нам следует освободиться от априорных представлений относительно повадок насекомых. Если нелегко избежать предвзятости по части муравьев, то много трудней освободиться от предрассудков, когда речь идет о людях. Однако трудно — это еще не значит невозможно...

Принципы представительного правительства, основанные на сдерживании и уравновешивании ветвей власти, базирующиеся на законе, а не на административном произволе, сегодня столь же действительны, как и в прошлом. Параллельно с политическим строем мы имеем множество форм, созданных в духе требований индустриального менеджмента и трудящихся, равно как и всех тех классов, которые составляют наше общество. Группы давления — это те органы, появление ко-

торых было необходимо, ибо они являются связующими каналами между корпоративными организациями, входящими в общество, и национальными, штатными и муниципальными органами управления. Некоторые из этих новых форм хороши с социальной точки зрения, другие — дурны. Но мы не можем держать на борту аппарат, который прямо не содействовал бы нашему благополучию.

Если мы намерены спасти республику, то нам следует постоянно иметь в виду ее цели. Наша безопасность зависит от реализации этих целей. Побудительной силой, цементирующей наш народ, является не религиозная вера и не общее происхождение, а ежедневные усилия, устремленные к тому, чтобы предоставить каждому человеку наилучшие шансы для самовыражения и обретения своего пути, чтобы защитить его с помощью закона от тех притеснений, которые могут исходить от власть предержащих. Наши преступления и наши неудачи как нации — а их было немало — всегда слу-

чались тогда, когда наши выборные лица и наши лидеры забывали о тех коренных принципах, на которых зиждется существование Соединенных Штатов. В былые времена наше изолированное положение открывало широкую воз-

можность для ошибок. Теперь мы вступили в такой исторический период, когда сфера допустимых ошибок сужается с захватывающей дух скоростью...

Оценивая существующие организации исходя из данных требований, мы приходим к выводу, что некоторые услуги могут быть наиболее эффективно обеспечены федеральным правительством, другие — администрацией штата, третьи — монополиями, или кооперативами, или какой-то частной организацией. Наша страна подобна исключительно сложной конструкции, построенной с помощью сети постоянно меняющихся приспособлений, вызванных к жизни напряжениями и коллизиями как следствие борьбы за существование, которую ведут многочисленные организации, составляющие наше общество. Единственная мера полезности данного метода организации общества, это то воздействие, которое он оказывает на каждого отдельного гражданина.

Любое общество время от времени рождается заново. Настало время плодотворных поисков. ...Но нам не хватает стандартов, не хватает этических норм, не хватает искусства, не хватает интуитивного чувства, позволяющего выбрать верный курс, то есть того, что и есть приметы зрелой цивилизации. Но некоторые из наших недостатков могут, безусловно, перерасти в добродетели. Мы еще не позволили втиснуть себя в шаблоны окостеневшего общества. В истории редки моменты, когда перед сообществом людей открывается возможность выбирать альтернативы. Но у нас она есть. В течение нескольких лет нам предстоит сделать выбор между строго разделенным на классы автократическим обществом и самоуправляющейся республикой...

Республика имеет корни в каждом предприятии, в местном профсоюзе, в зале заседаний менеджеров, в собрании школьного округа, в совете графства, маленького городка и в управлении крупного города. Республика способна функционировать благодаря мудрости, мужеству и самопожертвованию тех лиц, которые решили посвятить себя делу благосостояния и просвещения масс. Они призваны обладать волей и умом. Если большинство из нас желают жить в самоуправляющемся обществе, в котором любой может проявить все свои способности, мы сумеем его создать. («Изменяющееся общество», 1950.)

Публикация Бориса Гиленсона

Младший мир

Бредешь по жизни, как по незнакомому городу, — никогда не знаешь, что ждет тебя за углом, куда какая улица выведет и даже не знаешь, что же тебе нужно — храм или что-нибудь еще.

Я вел рубрику «Младший мир» то еженедельно, то через неделю и ни разу в жизни не написал ни одной политической статьи. Не скажу, что меня не волнует политика, но педагогика интереснее и важнее — так мне казалось.

Но примерно два года назад — ну да, это было осенью 90-го, с тех пор прошло не два года, а два века — открыл утром тогдашнюю «Правду» и прочитал статью, из которой следовало, что карточки на зиму нет и не будет, и виноваты в этом демократы — теперь уж и не помню ни имени автора, ни его логики. Но логика была ужасной, тон статьи безобразный. Это было самое первое нападение на «так называемых» демократов. Все на свете с чего-то начинается: нынешняя свистопляска насчет «демократов» (надё же такое слово придумать!) началась именно тогда.

И жизнь моя поломалась. Это, наверно, очень интересно наблюдать со стороны — как ломается, меняется жизнь человека от одного случайного события, слова, жеста, встречи. Я написал первую в жизни политическую статью. По сути она была о том же, о чем и педагогические материалы — в защиту справедливости. Не демократов, не левых, не правых, а справедливости. Можно высказывать любые взгляды, но нельзя публично лгать. На всякую публичную ложь кто-то должен ответить.

Любопытно, что партийно-лживые статьи и документы не трогали меня. Та ложь была так же естественна, как черный цвет чернил. Та ложь была выше меня (и каждого) — с ней ничего не поделаешь. Морального выбора не было.

Ну что там долго говорить — коготок увяз, всей птичке пропасть. Я стал писать небольшие

Прощание с политикой

статьи о политике, в которых политики, политического знания вовсе не было — одно только возмущение, одни только эмоции. Собственно говоря, я писал их для себя — чтобы выжить, чтобы хоть внутри себя поддерживалась справедливость. Я не был в парламенте, не встречался ни с одним политическим лидером, не читал специальных материалов — только газеты и телевизор. Статьи под рубрикой «Что происходит?» были и не статьи вовсе, а чисто эмоциональные отклики на то, что видят и слышат все. Вопрос «Что происходит?» сильно тревожил меня. Вскоре стало понятно, что по газетам на этот вопрос не ответишь. Я стал читать марксов «Капитал» — там ответы на все сегодняшние вопросы, там обнаружил я — хотите спорьте, хотите нет — ту капитальную ложь, которая исчерпывающе объясняет все, что сегодня происходит. Но следом возник и следующий вопрос: а что же должно произойти? Что же это такое — демократия, о которой столько говорят? Кто такие демократы, о которых столько спорят? Жить

на уровне «я думаю», «мне кажется», «я считаю», жить без ясности в голове противно и мутно.

Словом, злободневные политические страсти и страдания увлекли меня в политологические и социологические дебри. Я снова стал как бы студентом — благо сейчас появилось множество книг, которые были недоступны нам в студенческие годы. Читал, думал и писал — может быть, постоянные подписчики и заметили серии статей «Антикапитал» и «Демократия под вопросом».

Ну что же, теперь осталось сказать нечто немудрое, рискую вызвать насмешки: скажу, что я понял в политике все, чего мне не хватало, и теперь спокойно смотрю телевизор и читаю газеты. Может быть, мое понимание ложно, но нет мучительной неясности. Политика стала неинтересной, понятной, и я начал подумывать — не пора ли вернуться в мой «младший мир», в педагогику? Там куда больше странных происшествий, мучительных вопросов и неясных проблем, чем в политике.

И тут произошло невероятное событие. Ректор открытого Российского университета академик Борис Михайлович Бим-Бад предложил редактировать создающуюся на деньги университета большую газету для учителей да еще и с десятью приложениями по всем предметам школьной программы. Это было в самом конце апреля. А дальше все получилось как в сказке: откуда-то взялись сотрудники, появились идеи, с трудом, но добыли бумагу, договорились с типографией, и уже первого сентября вышел первый номер новой газеты «Первое сентября» со множеством приложений, которые учителя рвут из рук, — ведь ничего подобного у нас в стране не было.

Но что это за улица, куда она ведет, куда приведет, куда заведет?

Кто знает.

Делай, что жизнь заставляет, и будь что будет.

Но при всех обстоятельствах прошу «Новое время» оставить страницу «Младшего мира» за мной.

Симон Соловейчик

Новый глава отделения немецкого Фонда Фридриха Эберта в Москве 49-летний **Петер Шульце** до этого четыре года руководил работой лондонского представительства. Перспектива работы в Москве, одной из «горячих точек» мировой политики, очень увлекла его. И как человека («я ощущаю в этом вызов»), и как историка, долгое время изучавшего советский период российской истории.

Его диссертация в Свободном университете Западного Берлина была написана на тему «Конституционный период эпохи сталинизма» и охватывала отрезок с 1930 до 1938 года. Шульце написал немало книг, брошюр, журнальных статей о современной истории СССР, анализируя все ее этапы вплоть до «позднего брежневизма».

Как и Петер, его жена Регина, по профессии учительница, испытывает давний (по словам Петера, «романтический») интерес к России. Вместе с двумя дочерьми 6 и 12 лет она хотела сразу же переехать в Москву вместе с мужем. Но Петер Шульце решил по-другому: сначала он оглядится, попривыкнет, освоит русский, а уже затем сможет жить семейной жизнью. И так же, как он в молодости штудировал предметы в университете Западного Берлина, потом в Лондонской школе экономи-

ческих и политических наук, а затем в Беркли и Стэнфорде (США), он ежедневно по три часа занимается русским языком. Стены его рабочего кабинета наряду с огромной афишей любимого ансамбля «Пинк Флойд» украшают бесчисленные листки с примерами склонений и спряжений, с идиоматическими выражениями.

С того январского дня 1976 года, когда специальный отряд полиции захватил **Ренато Курчо** на одной из баз «красных бригад» в Милане, лидер итальянского терроризма ни одного дня не провел вне тюремных стен.

«Я лишен не только пространства, но и времени», — с горечью заявляет этот теоретик террора и организатор «красных бригад» первого поколения, которые прославились кро-

вавыми акциями в горах Северной Италии. Только взрыв на вокзале города Болонья унес жизни сотен итальянских граждан. Курчо никогда не обращался к властям с

просьбой о помиловании или сокращении срока заключения, и поэтому, если не возникнет каких-либо новых обстоятельств, знаменитый «бригадист» переступит порог тюрьмы не раньше 2002 года.

И все же проведенные за решеткой годы побудили «несгибаемого» Курчо к компромиссу: на днях «доктор-террорист» обратился к властям с просьбой разрешить ему работать в благотворительном издательстве «Каритас». Просьба была поддержана руководством тюрьмы Ребиббия. Если это ходатайство будет удовлетворено, то в соответствии с итальянскими законами Курчо оставшиеся десять лет сможет каждое утро в 7.30 покидать свою камеру и направляться на работу в издательство, расположенное в одном из оживленных районов Рима, и к 22 часам возвращаться в тюрьму.

«Я по-прежнему ни в чем не раскаиваюсь и ни от чего не отказываюсь, — говорит идейный вождь итальянского терроризма, — но деятельность «красных бригад» теперь рассматриваю как нечто давно ушедшее».

На состоявшемся в Москве первом конкурсе среди коммерческих структур, претендовавших на организацию торговли объектами незавершенного строительства, победу одержало Российское агентство инвестиций и недвижимости, за что получило сертификат Москмимущества на проведение торгов.

Генеральный директор **Валентин Панкратов** причину успеха видит прежде всего в том, что агентство располагает высококвалифицированными и опытными специалистами в сфере недвижимости, инвестицион-

Замполит в рясе?

Первым капелланом России называют протоиерея **Федора Соколова**, настоятеля храма во имя Преображения Господня в Тушине. Правда, отец Федор считает, что журналисты поторопились: официально в России нет военных священников. Есть только взаимное стремление армейского руководства и церковных иерархов возродить эту дореволюционную традицию.

До недавнего времени отца Федора ничто не связывало с армией. Лишь однажды он освящал знамя милиции Северо-Западного округа Москвы. А все остальное время он отпущал грехи заключенным. Под его попечительством находилась Краснопресненская пересыльная тюрьма.

Но однажды его пригласили на Международную конференцию капелланов в Рим.

С тех пор отец Федор стал постоянным участником встреч с военнослужащими, с женщинами-военными, с вдовами участников Великой Отечественной войны, со слушателями гуманитарной академии Вооруженных Сил (бывшая Военно-политическая академия имени Ленина). В храм к нему стали приходить офицеры с просьбой освятить оружие, квартиру. В армии появились «Братство православных военных», общество «Военные за духовное возрождение армии». Согласно опросу, проведенному комитетом по работе с личным составом министерства обороны, 60 процентов младших офицеров и солдат заявили: «Мы без церкви пропадем».

Отец Федор рад возвращению церкви в армию. Но у нас любят крайности. Поэтому, опасается отец Федор, как бы не стала религия новой идеологией. Ему совсем не хочется занять освободившееся место замполита. Поэтому он против восстановления института полковых священников.

Отец Федор не хочет, чтобы к священнику водили строем. По его мнению, батюшка должен приходить в роту или полк только тогда, когда его позовут сами солдаты. По желанию можно оборудовать и небольшую комнату для солдатских молитв, чтения Евангелия, исповеди. «Мы не будем насильно навязывать себя армии, — говорит отец Федор. — Потому что сказал Христос: «Приходящего ко мне я не изгоню вон».

Е. Коптелова

других городах России. Контактный телефон: 220-00-01.

В Голливуде снова в моде фильмы о вампирах. Около дюжины кинолент с похождениями кровопийц мужского и женского пола уже находятся в производстве. Появились и фильмы с очаровательными вампирессами.

Анн Парийо, которая добилась большого успеха во французском фильме «Никита», теперь снимается в главной роли в картине известного американского режиссера Джона Лэндиса

«Невинная кровь».

Анн, родившаяся и выросшая в парижском предместье, объясняет выбор режиссера своим темпераментом. В ее бурной юности ей случалось возглавлять банду свирепых «металлистов», раскатывавших на мотоциклах в кожаных куртках с заклепками. Однако это не помешало ей увлечься танцевальным искусством и еще в юном возрасте сняться в нескольких фильмах. Она уверяет, что совсем не собиралась стать актрисой, поскольку ее больше привлекала профессия психолога, она

ных проектов, строительства и ценных бумаг. «Сфера деятельности РАИН выходит далеко за рамки «незавершенки», — объясняет он. — Мы также занимаемся продажей готовых объектов — магазинов, заводов, фабрик. Кроме того, агентство ведет активную работу с населением, оказывая помощь в приобретении и продаже квартир, гаражей и другой недвижимости».

Отличительная черта агентства — развитая сеть филиалов и представительств по всей территории России и СНГ. Это дает агентству уверенность в том, что оно будет одним из первых при формировании общероссийского рынка инвестиций, недвижимости и ценных бумаг.

Агентству не чужда благотворительность. Так, 30 процентов прибыли, полученной агентством на первом аукционе, было передано в Российский фонд социальной поддержки населения. Часть средств агентство регулярно перечисляет на восстановление храма Всех святых на Кулишках.

В ближайшее время филиалы агентства проведут аукционы недвижимости в Ярославле, Смоленске, в Царском Селе под Санкт-Петербургом, в Рязани и

Разоблачитель Имре Надя

Венгерский коммунист Имре Надя участвовал в убийстве Николая II. Это утверждает австрийская исследовательница **Элизабет Хереш** в недавно вышедшей монографии «Николай II».

Элизабет установила, что в составе команды, принимавшей непосредственное участие в экзекуции Николая, его супруги, детей, находился тот самый Имре Надя, который, будучи в русском плену в 1917 году, с восторгом воспринял Октябрь, встал с оружием в руках на его защиту. Позже он стал премьер-министром Венгрии, после событий 1956 года был осужден и расстрелян, а недавно вновь перезахоронен и возведен в ранг национального героя.

Интерес к русской истории у Элизабет Хереш появился еще в студенческие годы, когда она училась на факультете славистики Венского университета. Она несколько лет была корреспондентом австрийской телерадиокомпании в США, писала для газет и журналов, но затем любовь к исторической науке взяла верх. Лишь за последние два года из-под пера доктора Хереш вышли две объемные монографии, посвященные царскому периоду российской истории.

Хереш стремится доказать противоположный характер Октябрьского переворота. По ее мнению, подкрепленному документами МИД и военного министерства Германии, перепиской кайзера Вильгельма, пролетарская революция в России была осуществлена с благословения Берлина купленным на немецкие деньги большевистским руководством. Причину чрезмерной щедрости Германии в отношении Ленина и его «команды» автор видит прежде всего в стремлении немецких правящих кругов разделаться с конкурентом! Растущий российский капитализм грозил интересам германского делового мира.

Госпожу Хереш радует интерес, который находят проводимые ею исследования в России, где сейчас идет работа по изданию на русском языке ее монографий. Кроме того, с ней, как со специалистом и экспертом российской истории, вступили в контакт представители президента Ельцина, стремящиеся доказать в Конституционном суде незаконность существования КПСС. Доктор Хереш намерена оказать им полную поддержку.

А.Ковригин,
соб. корр. «НВ»
ВЕНА

хотела научиться «оказывать воздействие на других».

«В фильме Лэндиса я играю отнюдь не классическую вампирессу с клыками и когтями. Это женщина, которая внимательно изучает свои жертвы и постепенно овладевает ими», — говорит актриса. Не так ли Анн Парийо поступила и с Аленом Делоном, который в начале 80-х годов привлек ее к участию в двух полицейских боевиках и, говорят, был очень к ней привязан?

«У меня много общего с моей героиней из «Невинной крови», — признается Анн. — Я так же не интересуюсь будущим, не верю в общество и вообще в людей. Мир, в котором я живу, основан на такой шкале ценностей, которую я решительно не разделяю и считаю нечестной». По словам Анн, она всегда восставала против норм, законов и условностей, поскольку считала, что людям в силу их природы никто не имеет права что-то навязывать: «И в школе, и в семье я всегда стремилась вырваться за «красные флажки», которыми меня окружали».

Так кто же он, полковник Куклинский?

Американский шпион нанес не такой уж большой ущерб, считает генерал Войцех Ярузельский

Рудольф Борецкий,
собственный корреспондент
«Нового времени»

История бывшего полковника Войска Польского Рышарда Куклинского — американского «супершпиона» («НВ» №41/92) привела в замешательство и простых граждан, и профессионалов-военных, и правоведов. «Феномен Куклинского» стал пробным камнем в неизбежном сейчас процессе пересмотра нравственных ориентиров.

Не согласен? Иди в шпионы!

Тон задал профессор Збигнев Бжезинский. В кратком темпераментном выступлении по первой программе польского ТВ бывший помощник президента США по национальной безопасности ставит вопрос ультимативно: «Я считаю, что это дело (оценка деятельности Куклинского. — Р.Б.) принципиальное. Оно в известном смысле определяет, чем является нынешняя Польша. Я считаю, что он совершил поступки героические. Зная, что целью СССР в 70-е годы было создание стратегического превосходства над Западом, он (Куклинский. — Р.Б.) сознательно действовал, чтобы этого не допустить. Я считаю, — резюмирует Бжезинский, — что он, таким образом, действовал в интересах Польши».

Видный польский юрист Александр Бентковский, министр юстиции в правительстве Тадеуша Мазовецкого, стоит на иной позиции: «Считаю, что если Куклинский передавал информацию о состоянии обороны Польши, то он изменник. И не предполагаю, что кто-нибудь отважится поставить вопрос о пересмотре приговора. Каждый юрист, который им займется, найдет в нем очевидные доказательства деяний против государства. Не коммунистического государства, а государства вообще».

Не преминул высказаться известнейший публицист Ежи Урбан. Разумеется, в своем парадоксально-издевательском стиле: «В американско-польских отношениях случилось не-

что новенькое, — пишет он в редакторской колонке своего еженедельника. — Американское стремление отмыть Куклинского добела польским стиральным порошком взвинтило в обществе разнообразные и весьма интересные дискуссии: имеет ли право штабной офицер быть шпионом другого государства, если, к примеру, строй своего ему не нравится?.. Скажем, можно ли по этой причине, будучи полковником генштаба, шпионить у Оньшкевича (нынешний министр обороны Польши. — Р.Б.) в пользу Ливии или Ирака, так как чувствуешь, что сегодняшняя Польша зависима от США?.. Интересно меня такая вот ситуация: если бы ЦРУ прихватило в Пентагоне американского полковника —

польского шпиона, то стал ли бы он на основе взаимности национальным героем Америки?»

Так кто же он все-таки, полковник Куклинский? Герой? Преступник? В чьих интересах он действовал? С этими вопросами ваш корреспондент обратился к **Войцеху ЯРУЗЕЛЬСКОМУ**, человеку, который на протяжении одиннадцати лет «двойной игры» полковника Куклинского был его начальником — министром обороны ПНР, а в последние месяцы, перед уходом «супершпиона» в США, еще и главой правительства.

И это бывший член парткома...

«Новое время». Говорят, что Куклинский был близок к вам, выполнял какие-то особые поручения. Во всяком случае, вы были именно тем человеком, которого измена полковника Куклинского затронула более всего — и профессионально, и лично...

Войцех Ярузельский. Конечно, задела. Затронула так или иначе всех нас, военных. Если признать невиновность Куклинского, значит, нужно, во-первых, реабилитировать всех шпионов, а их за 40 лет было немало, и, во-вторых, признать изменниками всех офицеров, верой и правдой служивших родине...

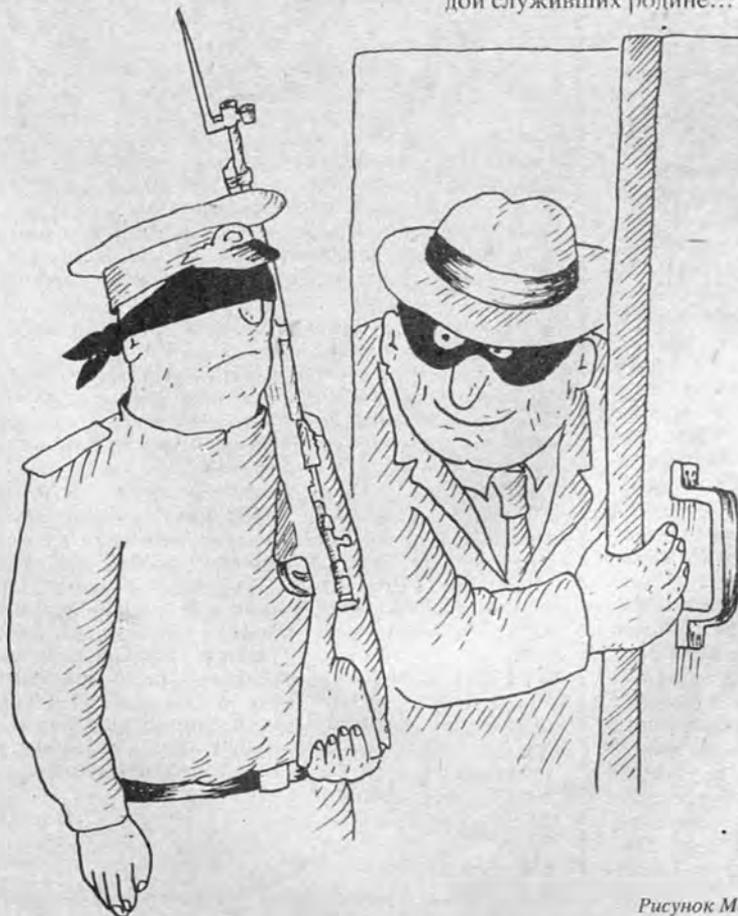

Рисунок Марата Таурова

Рисунок Виктора Богородова

«НВ». Вы как-то сказали, что оправдание Куклинского было бы пощечиной армии.

В.Я. Да, пощечиной и выражением крайнего неуважения. А еще важнее — созданием опасного прецедента, оправдывающего такого рода поступки.

Но вернусь к вопросу, насколько Куклинский был ко мне близок. Я был министром обороны. Он — чиновником генштаба в мундире полковника. Расстояние между нами — по меньшей мере пять ступеней военной иерархии, куда более жесткой, чем любая гражданская. Ни разу не был с ним с глазу на глаз. Конечно, я видел, встречал его, но всегда в обществе других офицеров, его начальников.

Был он чрезвычайно старательный, работоспособный. К тому же — политически активный. И пусть благодарит судьбу, что удрал: если бы он остался, то его сейчас должны были бы «декоммунизировать» как члена партийного комитета генштаба.

Для меня его предательство было особенно обидным потому, что в нашем армейском организме, представлявшем мне здоровым, оказался предатель. Напомню, что Войско Польское было выбрано базой для формирования миротворческих сил ООН, став рекордсменом участия в разнообразных миссиях: Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Нигерия, Ирак, Иран, Ангола, всего и не вспомню. А это ведь высокая честь и серьезное признание уровня польских вооруженных сил. И вот — такой казус...

С бункером полковник ошибся

«НВ». Правда ли, что Куклинский «работал» прежде всего на подрыв военной мощи СССР. ЦРУ якобы даже подсчитало, что 90 процентов информации, поступившей от него, касалось Союза.

В.Я. Я это исключаю. Если амери-

канская пресса сообщает, что Куклинский указывал и уточнял военные цели на территории СССР, это абсолютный нонсенс. Доступа к такой информации у него попросту быть не могло. «Вашингтон пост», например, поведала, будто Куклинский сообщил американцам, где находятся действительно военные объекты, а где — маскировочные муляжи. Конечно, как корректировка фотоинформации, поступающей с разведывательных спутников, это было бы чрезвычайно важно. Но суть в том, что такие поправки Куклинский делать не мог — не знал. Утверждают, что он передал в США техническую документацию двухсот видов современного оружия. Признаюсь, долго смеялся, когда это прочитал. Техническая документация — это по объему и весу грузовой трейлер, никак не меньше. Это ведь описание полного технологического процесса производства оружия. Кроме того, в Польшу из СССР новейшее вооружение или совсем не поступало, или с большим опозданием. И еще одно обстоятельство: техническая документация в этом случае шла по особому каналу, минуя генштаб, — в наши инженерные службы.

«НВ». А утверждение, что Куклинский передал ЦРУ техническую документацию танка Т-72?

В.Я. Это написано в расчете на читательскую некомпетентность. Документацию Т-72 Польша получила, когда в СССР он уже сходил с конвейеров в тысячах экземпляров и появился новейший, так называемый «компьютерный танк» Т-80. И вообще речь шла лишь о тактической, а не технической документации. То же можно сказать и относительно сообщений, что Куклинский якобы выдал ЦРУ тактико-стратегические военные планы СССР на западном направлении, и в отношении Турции и Греции. Максимум, в чем он мог ориентироваться, это наш, польский

отрезок фронта. Мог, конечно, слышать, что такие планы существуют. Но не более. Сами планы были ему абсолютно недоступны.

«НВ». А что с тем планом, «Альбатрос», и с тремя главными командными бункерами? Раскрытие этой тайны, как считают американцы, было одной из главных заслуг Куклинского...

В.Я. Здесь опять-таки много неточностей. Бункеры в СССР, Польше и Болгарии действительно строились. И об этом в определенных кругах было известно. Возможно, и Куклинский мог об этом знать, тем более что Польша принимала в строительстве непосредственное участие. Но только на территории Польши. Расположение двух других, особенно советского, держалось в секрете. И, насколько я знаю, Куклинский в своем рапорте ЦРУ неверно указал место главного, советского бункера.

Я не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто я задался целью приуменьшить значение переданной американцам информации. Знал он многое. Но реальную цену его шпионских усилий я бы предложил определять с учетом тех обстоятельств, о которых говорил выше. Что же касается того, что 90 процентов информации касалось вашей страны, — с этим не могу согласиться категорически. Его знания были ограничены состоянием и планами Войска Польского и той части советской армии и армий других союзников, которые были непосредственно связаны с нашим направлением. Как тогда говорили — «польским фронтом».

«НВ». Как следовало бы поступить с Куклинским сейчас, с учетом всех тех глубинных перемен, которые уже произошли в нашем посткоммунистическом мире?

В.Я. Действительно, многие вопросы, в том числе тот, о котором мы с вами беседуем, смотрятся по-новому. Здесь, возможно, и пан Бжезинский не так уж не прав... Но вот ни с исходной позицией его размышлений, ни с формой, в которую он их облек, согласиться не могу. Прimitивные суждений, столь модные сейчас, о том, что Запад всегда был миротворцем, а Восток, рисуемый в черных тонах, нес угрозу миру, неконструктивны и неверны. Думаю, к глобальной войне как окончательному разрешению противостояния двух миров не стремились ни Рейган, ни Брежнев. И уж во всяком случае неправомерно приписывать Куклинскому чуть ли не главную заслугу в том, что распалась «империя зла». Не шпионы перевернули страницу истории, но народы, которые подошли к пределу терпения. И политики, трезво оценившие ситуацию.

Чтобы закрыть «тему Куклинского» с учетом всех исторических перемен, я предложил бы, не меняя квалификации его действий, просто пойти на гуманное решение этого непростого вопроса — амнистию.

ВАРШАВА

«Они» наглеют. А «мы» глупеем?

Татьяна
Иванова

Игры с фашистами в демократию и терпимость могут забавлять только глупцов

Сюжет с «Памятью» и «Московским комсомолец» всем хорошо известен. Газеты, радио и телевидение излагают его примерно так: чернорубашечники ворвались в редакцию, устранив охрану, в комнате, где шла планерка, стали за спинами журналистов, зачитали ультиматум с требованием извиниться перед патриотами за антирусские публикации, погладили главного редактора по голове, унизив его, но не причинив вреда, пригрозили, что впереди более суровый разговор, — и удалились. Жертв и разрушений нет.

Юристы решают, под какую это подпадает статья. Юристам трудно: может, это была просто мирная демонстрация недовольных газетой граждан? За что же тогда мирных граждан наказывать?

Президент был резок и прям. Президент решительно потребовал защитить и оградить демократическую печать. Но мы ведь сейчас (может, кто-нибудь не знает) строим правовое государство. А когда мы что-нибудь строим — мощную индустриальную державу, например, нерушимый союз братских народов или коммунизм — нам тут нет равных. Во всем мире фашистов называют фашистами. Но наши юристы еще не располагают достаточным количеством доказательств.

Бог с ними, с юристами. Коллеги меня волнуют — журналисты. Начну с того, что коллеги неверно излагают сюжет. Начинать рассказ о вторжении «Памяти» в «МК» надо с плаката, который хрустальным утром 13 октября украсил вход в редакцию. Вернее, с плакатов. Вот они: «Завтра действовать будем мы! Враг жди!» (пунктуация русских из «Памяти»). «Все педерасты и сукомольцы скоро подохнут. Дави комжидовцев». Затем шестиконечная звезда, в которую вписан фирменный знак газеты. По бокам слова «масонский комжидовец»,

«масонский мозгомоец», «масонский сукомольец — главный педераст Москвы!», «Каждого работника бумажки для синагогальной уборной ждет страшная кара». И нарисована виселица.

Противно читать? Работники редакции читали все это, когда шли на работу. Их коллеги из других изданий не придали плакатам значения. Ведь это только слова. Жертв и разрушений от слов быть не может.

Разве что телевизионщики из Останкина сумели разделить чувства коллег из «МК». Совсем недавно тележурналисты сами проходили на рабочие места сквозь фашистский строй... Им плевали в лица, тыкали куда попало древками знамен. Им кричали: «Вы все жида!» «Все немедленно убирайтесь в Израиль!». «Все, кроме одного нашего любимого, единственного русского Саши Невзорова». «Как?! — думали в первые часы осады многие тележурналисты. — Ведь мы тоже самые «наши». Ведь вот идет, например, на службу товарищ Горелов — ведущий Московского канала. Ведь он создает именно такой «русский час», о каком мечтает «русская партия». Его-то за что?» Но и для него, как ни для кого, не сделали исключений плюющиеся и изрыгающие мерзость. «Я же приказал не давать интервью Московскому каналу», — сделал замечание своему пикетчику вождь трудового народа Анпилов.

Побывав в шкуре жидов, которые должны убираться в Израиль, журналисты из Останкина, кажется, кое-что поняли. Во всяком случае, они стали не столь тверды, как прежде, в своей «терпимости к носителям иных взглядов». А то, помнитесь, когда 9 мая фашистская банда срывала флаги России и топтала их на площадях ноггами, когда фашистская банда оплевала — физически — главного милиционера Москвы Мурашева и смяла его (казенную) машину, журналисты и публицисты из разных изданий (включая

Останкино) всё приговаривали: это демократия, надо быть терпимыми.

А еще раньше, 23 февраля, не журналистов, а только Ельцина, Попова, Собчака обзывали жидами, посылали в Израиль и грозили повесить. Не у журналистов, только у Ельцина, рисовали на лбу шестиконечную звезду. Тогда журналисты смотрели на милицию с брезгливостью: ах, как недемократично она машет дубинками, ах, каждый имеет право на свое мнение.

Я вот хочу спросить коллег: «Что, в каждую умную демократическую физиономию нужно плюнуть индивидуально? Только тогда мы осознаем, что такое фашизм?» Похоже, что так. А пока... У «МК» общий вход с рядом редакций. Плакаты видели все. Но ведь относились они лишь к журналистам «МК». Судя по публикациям, их ближайшие соседи особых отрицательных эмоций по поводу фашистов не испытывают. В более отдаленных редакциях комментарии к происходящему еще сдержаннее. Что ж. В следующий раз у другой редакции будут вывешены оскорбительные плакаты. Другие журналисты пройдут сквозь фашистский строй и их будут приветствовать уголовными речами. Потом кому-то проломают череп. Как Александру Меню. Преступление не будет раскрыто. Журналисты будут высказывать версии о том, что это было обыкновенное уголовное преступление. Террор будет шириться. В стране, где можно безнаказанно оскорблять и безнаказанно угрожать, иначе быть не может. Люди, которые не понимают, что такое солидарность перед лицом фашизма, сами себе готовят веревки для виселиц. Игры с фашистами в демократию и терпимость могут забавлять лишь глупцов с сознанием, не отягощенным историческими знаниями. Если журналисту, чтобы он осознал, каково в жидях, нужно непременно плюнуть в его собственную физиономию, а пока плюют в чужую, он все еще не понимает, — этому журналисту цена копейка. Оставим юристам юридическое. И все же подумаем о своем, о журналистском, коллеги. Простите за резкость.

DELOVIE LYUDI

THE MAGAZINE FOR BUSINESS LEADERS

DELOVIE LYUDI (Business in the ex-USSR) provides valuable and unique information on the CIS market. This enables decision-makers and entrepreneurs to follow the transition to a market economy in the former USSR.

DELOVIE LYUDI also offers foreign business-people an exceptional medium for communicating details concerning their companies, products and services. DELOVIE LYUDI is available in two editions with identical contents: 120,000 copies in Russian and 40,000 copies in English for the international edition.

Written by a Moscow editorial team, well-connected in top economic and social circles, DELOVIE LYUDI is independent, objective and thorough.

Subscription/Advertising:

SCII
4, rue Brunel,
75017-Paris-France
Tel.: (1) 43.80.90.00
Fax: (1) 42.67.75.48

Address
of the editorial office:
117342 Moscow,
Profsoyuznaya Ulitsa, 73
Tel.: (095) 333-33-40
Fax: (095) 330-15-68
Telex: 414741
PREMO SU

THE INDEPENDENT ECONOMIC MONTHLY

Вы можете выиграть миллионы рублей!

ВПЕРВЫЕ!

ЛОТТО МИЛЛИОН

Олимпийская лотерея

Шаг навстречу вашей мечте

Хотите купить машину?
Собираетесь строить дачу?
Нет денег на отдых у моря?

ИГРАЙТЕ В ЛОТТО "МИЛЛИОН" - И ВАША МЕЧТА МОЖЕТ ОСУЩЕСТВИТЬСЯ!

ЛОТТО "МИЛЛИОН" - новая электронная лотерея.
ИГРА ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО
Ваша цель - угадать шесть счастливых чисел из сорока девяти!

ИГРАЙТЕ И ВЫИГРЫВАЙТЕ!

Есть две системы игры:

ПРОСТАЯ СИСТЕМА

На каждом билете - 3 игровых поля с 49 числами. По простой системе игры вы отмечаете шесть произвольно выбранных чисел на одном, двух или на всех трех полях, заплатив 10 рублей за каждую комбинацию.

Хотите увеличить вероятность выигрыша?
Для этого существует

РАЗВЕРНУТАЯ СИСТЕМА

Вы отмечаете не шесть, а семь, восемь, десять или даже все сорок девять чисел на одном, двух или трех полях.
Это обойдется вам дороже, но и шанс на победу во много раз выше. Игра стоит свеч!

За дополнительной информацией вы можете обратиться к агентам ЛОТТО "МИЛЛИОН".

БИЛЕТ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ БЕСПЛАТНО В БЛИЖАЙШЕМ КИОСКЕ ЛОТТО "МИЛЛИОН"

Там же оплачиваете ставку (количество возможных вариантов, умноженное на 10 рублей) - и ваш билет регистрирует компьютер. Осталось ждать тиража.

ТИРАЖ ПРОВОДИТСЯ КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРГ

В этот день вы увидите тираж в прямом эфире и узнаете, повезло ли вам.

Вы можете выиграть миллионы, даже - десятки миллионов рублей!

ВАША УДАЧА В ВАШИХ РУКАХ!

Билет ЛОТТО "МИЛЛИОН" имеет несколько степеней защиты. Подделать или подтасовать результаты тиража невозможно. Электронная система гарантирует достоверность результатов, быстрый и безошибочный подсчет выигрышей.

Лотерея проводится Российским Олимпийским комитетом

Вы можете выиграть миллионы рублей!

ВПЕРВЫЕ!

ЛОТТО МИЛЛИОН

Олимпийская лотерея

